

ISSN 2225-0018

№ 2

ВОЯДЖЕР: мир и человек

- *Археология и этнология*
- *Культурология и социология*
- *Философия и филология*

Самара
Самарский государственный технический университет
2012

УДК 94+39+008+304.42+1+80
ББК Ч21
В 33

Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. – № 2. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2012. – 128 с.

ISSN 2225-0018

Под общ. ред. д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

Ответственный редактор д.и.н., профессор Богачев А.В.

Редакционная коллегия: д.т.н., профессор Быков Д.Е., д.х.н., профессор Пимерзин А.А., д.т.н., профессор Бичуров Г.В., д.т.н., профессор Ненашев М.В., к.ф.н, профессор Полищук В.Н., д.б.н., профессор Сачков С.А., д.псих.н., профессор Агафонов А.Ю., к.филол.н., доцент Тимошук Н.А., к.психол.н., доцент Доброва В.В., к.п.н, доцент Трофимов В.Н., к.ф.н., доцент Герасимов О.В., Колев Ю.И.

Экспертный совет: д.и.н., профессор Дубман Э.Л., Острецов Л.А., к.и.н., доцент Мышкин В.Н., к.и.н., доцент Захарова Л.Б., д.и.н., профессор Курятников В.Н., к.и.н., доцент Федотов В.В.

Ответственный секретарь Архипова А.А.

Дизайн обложки: Архипова А.А., Чеканушкин А.В.

© А.В. Богачев – название и концепция
издания

© Авторы, 2012

© Самарский государственный
технический университет, 2012

Вояджер: мир и человек

№ 2/2012

Теоретический и научно-методический журнал
Основан в 2011 г.

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

СОДЕРЖАНИЕ

История и этнология

БОГАЧЕВ А.В. Сталин в Куйбышеве (Самаре): информация к размышлению	3
ОСТРЕЦОВ Л.А. Был ли Сталин в Куйбышеве (Самаре)? Размышления беллетриста.....	7
ФЕДОТОВ В.В. Социальное положение эвакуированных семей военнослужащих в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны	12
СЕМЕНОВА Е.Ю. Литературно-музыкальные вечера в контексте социальной практики благотворительности и как вид досуга горожан Поволжья в годы Первой мировой войны	16
КАРБАСОВА О.В. Информационное давление на Иран: цели, методы, технологии	19
КУРЯТНИКОВ В.Н. Весомая часть «второго Баку».....	25
САВИНКОВА Р.А. Туристско-экскурсионное движение в Самаре в 20-е годы XX в.	38
КИРИЧЕНКО О.В. Танцующий Кавказ (заметки этнографа).....	45

Культурология, социология и философия

БОРИСОВА Т.В., СТЕПАНОВА О.С. Гламур под знаком техногенной цивилизации	56
ГРИДИНА В.В., ПЕТИНОВА Т.М. Духовно-просветительская работа как один из путей совершенствования нравственного сознания молодежи	61
СТЕПАНОВ А.Н. Эстетическая эссенция и экзистенция социума	69
МАЛЫШЕВ В.Б. Универсальная вещь: к вопросу об одной базовой метафоре европейской культуры	75
КАНДАУРОВ С.П. Социокультурная среда вуза как фактор межконфессиональной толерантности	82
ГЕРАСИМОВ О.В. Философия постмодерна Ж.-Ф. Лиотара и проблема легитимации исторического знания.....	90

Филология

ЛИСКИНА О.А. Обучение английскому языку в неязыковом вузе	94
РЕВИНА Е.В. Влияние английского языка на немецкую медиалингвистику.....	97
СУХАНОВА И.Ю., ФИЛОНЕНКО Т.А. Взаимодействие английского и русского языка: диахронический аспект.....	99
КЮРЕГЯН А.Л. Виды системных отношений между лексическими компонентами английских провербий	104
ГРИШИНА И.А. Сюжетно-композиционные особенности романа «Великий Гэтсби»	108
ДОБРОВА В.В., СЫСУЕВА И.Г., Монорематические высказывания как одно из средств осуществления межкультурной коммуникации	111
РОЖНОВА Е.А. Структурный анализ эмоционально-экспрессивной лексики (на материале художественных произведений конца 19 – 20 веков)	117
Аннотации на английском языке	120
Авторы статей	125

CONTENTS

Archaeology and Ethnology

A.V. BOGACHEV. Stalin in Kuibyshev (Samara): information for thought.....	3
L.A. OSTRETSOV. Was Stalin in Kuibyshev (Samara)? Reflections novelist.....	7
V.V. FEDOROV. Social status of evacuated families of servicemen in the Middle Volga during the Great World war II.....	12
E.Y. SEMENOVA. Literary musicales in the context of social practice of charity and as reflection of leisure of citizens of the Volga region in days of the First World War	16
O.V. KARBASOVA. Information pressure on Iran: objectives, methods, technologies	19
V.N. KURYATNIKOV. A significant portion of the «second Baku».....	25
R.A. SAVINKOVA. Tourist and excursion traffic in Samara in the 20's XX century	38
O.V. KIRICHENKO. The dancing Caucasus (notes ethnographer)	45

Cultural studies, sociology, philosophy

T. V. BORISOVA, O.C. STEPANOVA. Glamour under the sign of civilization technogenic.....	56
V. V. GRIDINA, T.M. PETINOVA. Spiritual and educational activities as a way of improving the moral consciousness of young people.....	61
A.N. STEPANOV. Aesthetic essence and existence society.....	69
V.B. MALYSHEV. Universal thing: on the base of a metaphor of European culture	75
S.P. KANDAUROV. Social and cultural environment school as a factor religious tolerance.....	82
O.V. GERASIMOV. Postmodern philosophy of Jean-F.Liotara and the problem of historical knowledge legitimation	90

Philology

O. A. LISKINA. Teaching English in Technical School	94
E.V. REVINA. Influence of the English language on the German media linguistics.....	97
I.Y. SUKHANOVA, T.A. FILONENKO. The Russian-English language contacts: diachronic approach	99
A.L. KUREGYAN. Types of systematic correlations between lexical components in English proverbs.....	104
I.A. GRYSHINA. Compositional peculiarities of the novel «The great Gatsby».....	108
V.V. DOBROVA, I.G. SYSUYEVA. Monorheme as means of cross-cultural communication.....	111
E.A. ROZHNOVA Structural analysis of the emotional and expressive vocabulary (for extensive material artworks late ages 19-20).....	117
Summaries	120
The authors of the articles	125

СТАЛИН В КУЙБЫШЕВЕ (САМАРЕ): ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Осенью 1941 года в Куйбышеве было подготовлено жилье и для отца. Ждали, что он сюда приедет. Отремонтировали несколько дач на берегу Волги, выстроили под землей колоссальные бомбоубежища.

Св. Аллилуева [1, с. 159]

В статье используется информация о пребывании И.В. Сталина в Куйбышеве (Самаре) в годы Великой Отечественной войны, предоставленная автору Ольгой Васильевной Тендлер (в девичестве Слесарева).

Ключевые слова: Сталин, Куйбышев (Самара), Великая Отечественная война.

В нашей повседневной жизни и в профессиональной практике мы, бывает, сталкиваемся с некими из ряда вон выходящими событиями и феноменами, к появлению (проявлению) которых мы оказываемся не готовы в принципе – ни духовно, ни эмоционально, ни интеллектуально. Зачастую это объясняется тем, что какое-то событие или явление просто-напросто не вписывается в общепринятую социально-психологическую систему координат, выходит за рамки определенного понятого и принятого нами канона.

К примеру, в одном из туристских походов по Самарской Луке я и мои товарищи по школьному археологическому кружку видели НЛО – неопознанный летающий объект – медленно и долго (словно напоказ) летевший над Волгой. Казалось бы, что может быть необычайней?! Что же в итоге? Пошумели, поахали, поудивлялись и со временем благополучно забыли. Лишь много лет спустя я описал этот случай, со всеми запомнившимися мне подробностями, в своем историко-фантастическом романе «Офицер для личных поручений» [3]. То есть социально адаптированной системой координат для данного *реального* происшествия стал жанр литературной *фантастики*.

Событие, о котором пойдет речь далее, тоже в какой-то степени фантастично и пока что не вписывается в канонические представления российских историков о Великой Отечественной войне в целом, а также о жизни и деятельности Верховного главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина в период с 1941 по 1945 гг., в частности.

Сведения, носителем которых я с некоторых пор стал, пришли ко мне совершенно случайно. Все дело в том, что в конце 1990-х годов я нередко водил стричь моего сына-школьника Александра к соседке по подъезду – пожилой женщине, пенсионерке, парикмахеру с многолетним стажем Ольге Васильевне Тендлер (до замужества – Слесарева) – и стригся у нее сам.** В те кризисные годы (инфляция, безработица, дефолты и проч.) мы были далеко не единственными жильцами дома № 188 по ул. Ташкентской, которые с благодарностью пользовались профессиональными и недорогими услугами этого замечательного мастера «на дому».

Вечером 2 марта 1998 года, спускаясь с сыном на 1-ый этаж в квартиру Ольги Васильевны, я, как обычно, был готов поддержать разговор на любую угодную хозяйке

* Автор сердечно благодарит Татьяну Анатольевну Шавандрину – внучку О.В. Тендлер – за любезно предоставленные фотоматериалы из семейного архива.

тему. Но к восприятию ошеломляющей информации о том, что в годы войны Ольга Васильевна по распоряжению своего начальника несколько раз стригла Сталина, я готов не был, а потому вопросы, которые я задавал ей по ходу нашей беседы (см. ниже), получились, мягко говоря, импровизационными. Вернувшись домой, я немедленно записал весь наш разговор.

Осознав, какая сенсационная информация волей Провидения оказалась в моих руках, я, тем не менее, не предпринял ничего, чтобы немедленно сделать ее достоянием общественности. И прежде всего потому, что для Ольги Васильевны, как я понял из отдельных фраз, прозвучавших в нашей беседе («я ведь подписку давала о неразглашении»), это было нежелательно. Более того, когда через какое-то время я в очередной раз привел сына на процедуру стрижки, Ольга Васильевна сказала мне, что ее дочери отругали ее за излишнюю болтливость. Вот так эта тема естественным образом ушла в тень. Через какое-то время я узнал о том, что Ольги Васильевны не стало. Однако череда событий, происходивших в моей личной жизни и профессиональной карьере, еще долго не позволяла предать огласке эту информацию. Но вот, видимо, время пришло.

Поскольку мои научные интересы затрагивают события более чем тысячелетней давности (нашествие гуннов, расселение болгар и проч. [2; 4]), я предложил некоторым своим коллегам-историкам стать соавторами настоящей публикации и написать аналитические комментарии к источнику. Однако в силу своей профессиональной занятости и иных причин они, к сожалению, не смогли подключиться к работе. Искренний интерес к материалу показал самарский историк, в большей степени проявивший себя на поприще беллетристики, Л.А. Острецов [5; 6; 7]. Его взгляд на проблему пребывания Сталина в Куйбышеве-Самаре в годы войны, изложенный в приведенной в настоящем издании статье, представляется мне небезынтересным.

Цель настоящей публикации – введение в научный оборот свидетельства Ольги Васильевны Слесаревой об эпизодах пребывания И.В. Сталина в Куйбышеве-Самаре в годы Великой Отечественной войны.

Ниже приводится запись, сделанная мной сразу по возвращении от О.В. Слесаревой.

«2.03.1998 г. 18.30

Только что вернулся от старушки с 1 этажа. Последний год стригусь у нее, но не часто. Ольга Васильевна Слесарева (фамилия до замужества). Стаж работы 45 лет (на пенсию вышла в 1978 году). Разговор начался со стажа и пенсионной надбавки (у нее было 313, стало 315 руб.). Но вот если бы в госпитале (?) не затеряли документы (она там работала, стригла раненых), ее стаж был бы на 5 лет больше. Не помню как, но она сказала, что во время войны стригла Сталина. Я сразу же предложил ей поделиться своими воспоминаниями перед камерой, но она отказалась, сославшись на высокое давление: «Я вот сейчас расvspоминалась и чувствую, что давление поднимается». И тогда я попросил рассказать об этом поподробнее. Задавал наводящие вопросы.

– В каком году это было?

– Не помню... в 44-м, в 43-м, в 42-м... не помню. Я этот месяц без пенсии живу – куда-то положила и забыла – куда. Спасибо – дети, внуки помогают...

– А это было зимой?

– Да, зимой. Зашел Зотов (или какой-то другой, т.к. ее два человека – ее начальники – туда отвозили – А.Б.). Сказал, чтобы я собиралась. – Куда? – Там узнаешь, но об этом никому. Повезли к Дому промышленности. Ну, в район Струковского сада.

– К драмтеатру? К памятнику Чапаеву?

- Нет - это с той стороны Струковского сада, а это - с другой. У входа меня встретили два человека. С одним я поехала на лифте вниз.

- Долго ехали?

- Да, долго. Но воздух там был свежий.

- Когда стригли Сталина - разговаривали?

- Разговаривал он. Я только отвечала на вопросы. Журил. Спрашивал: замужем, когда выйдешь, наверно, после войны? На свадьбу пригласишь? Говорил немного. Как-то с трудом говорил. Но был доброжелателен.

У него был китель военный с нагрудными карманами. Воротник - стоечка. Поэтому машинкой (ручной) волосы в нижней части затылка подстричь было трудно. Надо было изловчиться. Он помогал, наклонял голову. Усы ножницами стригла аккуратно - практически каждый волосок.

Потом дал бумажку (талон) и сказал, что шофер отвезет меня в магазин. В гастрономе на Куйбышевской я купила продукты, а в военторге - лыжи и коньки. Стригла его четыре раза, так что и отоваривалась четыре раза. Потом, когда Сталин уехал, отец (*отец Ольги Васильевны - А.Б.*) говорил - сходила бы еще отовариться, но я не пошла, поскольку посчитала, что раз больше работы нет, то и отовариваться не следует.

- Вы его сколько раз стригли?

- Четыре.

- Раз в неделю?

- Нет. Раз в месяц.

- И когда в последний раз?

- Весной. В марте или апреле.

- Снег еще лежал?

- Да, снег еще лежал.

Зотов, по словам О.В., уже умер ("он бы помог восстановить 5 лет стажа"), была жива его жена. Но она переехала.

- А это точно был Сталин?

- Конечно. - Ответила очень уверенно. Улыбнулась.

По ее словам, тогда они (сослуживцы и она) были одеты в какую-то морскую форму.

- А сверху - шуба?

- Пальто.

Разговор записан по памяти, через 10 минут после того, как он состоялся. Особенности речи не воспроизведены. Но смысл и детали воспроизведены максимально точно. Последовательность вопросов и ответов - приблизительно такая».

Конец документа.

Этот разговор воспроизведен так, как он был мной записан 2 марта 1998 года (поправлена лишь пунктуация). Однако считаю возможным добавить некоторые вспомнившиеся мне через какое-то время детали.

1. Некоторое время спустя (уже не по горячим следам) я вспомнил, что разговор о Сталине завязался после сетования Ольги Васильевны на низкую пенсию и с отчаяния брошенной фразы: «А я ведь Сталина стригла!».

2. Со слов Ольги Васильевны, полученные на талоны в военторге лыжи и коньки на момент нашего разговора хранились у нее дома, хотя она их мне не показывала.

В заключение мне хочется пригласить к обсуждению вопроса о пребывании Сталина в Куйбышеве-Самаре в годы войны как специалистов, так и других людей, небезразличных к истории своего Отечества. Уверен, что общими усилиями мы узнаем истину, «ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» [Лк. 8:17].

Фото № 1. Слесарева О.В. в возрасте 17 лет. 1940 г. (1941г.?)

Фото № 2. Слесарева О.В. в возрасте 35 лет. 26.12.1958 г.

Фото № 3. Владимир Борисович Тендлер с супругой Ольгой Васильевной Тендлер (Слесаревой). 02.02.1976 г.

Литература

1. Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. М.: Советский писатель, 1990.
2. Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V – VIII вв. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998.
3. Богачев А.В. Офицер для личных поручений: историко-фантастический детектив. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2006.
4. Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. LAP LAMBERT Academic Publishing. Саарбрюкен, 2011.
5. Острецов Л.А. Все золото мира, или Отпуск в Зурбагане. М.: Вагриус, 2004.
6. Острецов Л.А. Разработчик, или Побег в рай. М.: Вагриус, 2005.
7. Острецов Л.А. Кому бесславие, кому бессмертие. М.: Эксмо, 2007.

УДК 94/470.43

© 2012 ОСТРЕЦОВ Л.А.

БЫЛ ЛИ СТАЛИН В КУЙБЫШЕВЕ (САМАРЕ)? РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕЛЛЕТРИСТА

В статье названы три веские причины кратковременного посещения И.В. Сталиным города Куйбышева (Самары) в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Сталин, Куйбышев (Самара), Великая Отечественная война, бункер.

Всё-таки бывал ли Сталин в годы Великой Отечественной войны в Самаре? Информация о самарском парикмахере вождя, изложенная доктором исторических наук Алексеем Богачёвым, не может не наводить на соответствующие размышления. Тем более что я сам был одним из первых людей, кому Алексей Владимирович пересказал свою беседу с Ольгой Васильевной Слесаревой. Это произошло буквально на следующий день после того, как их беседа состоялась. Впоследствии я (вместе с Богачёвым) тоже встречался с этой женщиной, хотя и мельком. Она производила впечатление очень скромной, вежливой, простой советской пенсионерки, по виду которой невозможно было предположить, что она способна дать волю своей фантазии.

Что касается самого Алексея Богачёва, известного в стране археолога, научные интересы которого отстают от периода Второй мировой войны как минимум на десять веков, то заподозрить его в инициации дешёвой сенсации просто немыслимо. Соответственно, по моему мнению, беспечно отмахнуться от изложенного им уникального материала неразумно...

Если задать себе вопрос: мог ли Сталин тайно в годы войны посещать Самару? – ответ на него, на мой взгляд, будет однозначным: мог. Конечно, ненадолго и, несомненно, в силу крайней необходимости. Но мог! Причём причины его краткосрочного нахождения в Самаре могли быть самыми разными.

Первая причина – безопасность. Сталин мог быть в Самаре в самые опасные для страны дни, в период наступления немцев на Москву. Не только для профессионала-историка, но и для любого человека, поверхностно интересующегося этим периодом истории, очевидно: если бы Сталин выезжал из Москвы, то такая поездка должна была содержаться в исключительной тайне по отношению не только к сотрудникам и подчинённым, но и к его родственникам. Ведь вождь никогда никому не доверял – ни своим подчинённым, ни собственным органам безопасности, ни обычной телефонной связи. Если бы Сталин выезжал из Москвы, то об этом никто никогда не должен был узнать, так как этот факт мог подорвать боевой дух сражающихся советских солдат, что

было чревато падением веры советского народа в вождя и в грядущую победу над врагом. Кроме того, если бы об этом узнали немцы, то они наверняка могли воспользоваться данной информацией как для организации паники среди населения, так и в диверсионных целях, в частности в целях устранения советского вождя, который выехал за плотно охраняемые стены Московского Кремля.

Если мы откроем знаменитый журнал посещений Сталина за 1941, 1942 и 1943 годы, то увидим одну закономерность – Сталин принимал посетителей каждый день или почти каждый день. Перерывы в приёмах есть, но они незначительные, в среднем один-три дня. Однако иногда, хотя и достаточно редко, в глаза бросаются неожиданно длительные перерывы: в 1942 году есть перерывы с 25 по 30 октября, с 31 по 5 ноября, с 25 января по 4 февраля; в 1943 году – с 10 по 15 января, с 8 по 14 февраля, с 8 по 13 ноября, и есть даже большой перерыв с 18 ноября по 11 декабря!

Например, моё внимание привлекло большое «окно» в приёмах: с 15 по 27 ноября 1941 года. Приёмов не было одиннадцать дней! Пока я не нашёл свидетельств о том, что делал и где был в это время Сталин. Но если вспомнить военную датировку, то следует отметить, что именно в эти даты, а именно 15-16 ноября, возобновилось последнее массированное наступление немецких войск на Москву. Главные удары противник наносил на тульско-каширском и клинско-рогачёвском направлениях. В конце ноября противнику удалось овладеть районом Клин, Солнечногорск, Истра, выйти к каналу Москва – Волга и занять Красную Поляну, в 32 километрах от Московского Кремля. А именно 27 ноября начинаются первые явные успехи советских войск в обороне Москвы, когда они нанесли контрудар по 2-й танковой армии противника и отбросили её от Каширы. 2-я танковая армия попыталась обойти Тулу с северо-востока, но контрудар советских войск отбросил противника на исходные позиции!

Можно ли предположить, что в эти самые опасные для Москвы дни, с 15 по 27 ноября, Государственный Комитет Обороны всё-таки отправляет вождя за пределы столицы? Ведь в решениях ГКО ещё от 15 октября в скобках было записано: «Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». И, конечно, такое решение не могло быть принято без его личного согласия!

Есть ещё одна история, которая наводит на соответствующие размышления. Известен интересный факт: в связи с тем, что при съёмке парада 7 ноября на Красной площади по неудачному стечению обстоятельств осталось не снятым выступление вождя, потребовалась пересъёмка выступления Сталина. Не так давно были изданы дневники оператора Марка Антоновича Трояновского «С веком наравне» (Росспэн, 2004 г.), в которых есть рассказ от первого лица о том, как делали пересъёмку Сталина для документального кинофильма. Трояновский пишет:

28 ноября 1941 г.

14 ноября руководство студии вторично вызвал Щербаков. Он потребовал во что бы то ни стало смонтировать фильм с речью Сталина, снятой синхронно на звук. Надо!!! Как это сделать? Все по очереди отвечали одно и то же: просить Иосифа Виссарионовича еще раз прочитать речь. Организовать съёмку. – «Он вам что, актер?! – крепко стукнув кулаком по столу, грозно рявкнул Щербаков. – Идите и думайте!». На следующий день, 15-го, телефонный звонок от Щербакова на студию: «Ну, что придумали?» – «Другого выхода нет», – повторил Канцельсон.

17 ноября получено разрешение на съёмку Сталина в Кремле. Поручили Варламову и мне. 20-го нам передали текст речи с личными пометками Сталина тех мест, которые обязательно должны войти в картину. Съёмка будет в одном из залов Кремля, где подготовят макет декораций: Мавзолей на фоне Кремлевской стены. В нервном ожидании мы с Варламовым сутками на дежурстве. 27 ноября, наконец, состоялась съёмка...».

В глаза бросаются две даты, которые с разницей лишь в один день соотносятся с датами длинного «окна» в сталинских рабочих приёмах, – 14 ноября, когда прозвучало требование сделать ремонт без участия вождя, и 27 ноября, когда всё же состоялась съёмка. Судя по приведённым автором диалогам, изначально приглашение Сталина на пересъёмку даже не рассматривалось. Конечно, это можно объяснить большой загруженностью вождя в эти дни, но можно и высказать предположение, что Сталин просто не мог сниматься по причине его отсутствия в Москве. По той же причине операторы долго «*в нервном ожидании*» ждали начала съёмки. И вождь снялся – именно 27 ноября, в день, когда согласно журналу посещений как раз возобновляются его рабочие встречи в Кремле!

Мог ли, например, в эти дни Сталин болеть и не вести приёмов? Мог. А мог ли он тайно уезжать из Москвы в Самару? Тоже мог! Позволю себе высказать предположение, что если бы Сталина действительно решили тайно вывезти из Москвы, то, несомненно, в целях строжайшей конспирации профессионалы из контрразведки вписали бы и фиктивные посещения в его кремлёвский журнал, и фиктивный диагноз в его медицинские карты.

Очевидно, что, если Сталина и собирались эвакуировать из Москвы, то именно в Самару, где для него полным ходом строился секретный командный пункт и всё было подготовлено к его приезду. Этому есть многочисленные свидетельства, в первую очередь Светланы Аллилуевой – дочери вождя, которая жила в это время в Самаре.

«...Неожиданно нас собрали и отправили в Куйбышев: долго грузили вещи в специальный вагон...», – пишет она в своих воспоминаниях. – *Поедет ли отец из Москвы – было неизвестно; на всякий случай грузили и его библиотеку. В Куйбышеве нам всем отвели особнячок по Пионерской улице, с двориком. Дом был наспех отремонтирован, пахло краской, а в коридоре – мышами. С нами приехала вся домашняя «свита»; повара, подавальщики, охрана. Я ходила в школу в девятый класс... Осенью 1941 года в Куйбышеве было подготовлено жильё и для отца. Ждали, что он сюда приедет. Отремонтировали несколько дач на берегу Волги, выстроили под землей колоссальные бомбоубежища. В городе для него отвели бывшее здание обкома, устроили там такие же пустынные комнаты со столами и диванами, какие были у него в Москве. Все это ожидало его целую зиму».*

Правда, далее в своих воспоминаниях Аллилуева пишет, что несколько раз ездила к отцу в Москву. Можно ли из этого сделать вывод, что Сталин никогда не приезжал к ней в Самару? Возможно ли, что даже спустя много лет, живя в Америке, Аллилуева при написании этих воспоминаний намеренно опустила факты краткосрочных приездов Сталина в запасную столицу с одной лишь целью – не бросать лишней тени на память отца, чтобы в истории он оставался хотя бы человеком, который в минуты самой серьёзной опасности до последнего оставался на переднем рубеже в Москве? А возможно ли, что Сталин, если он бывал в Самаре, намеренно в целях секретности не встречался со своей дочерью? Думаю, возможно.

В книге Андрея Павлова «Запасная столица» (Самарский дом печати, 1995 г.) приводятся интересные наблюдения относительно Светланы Аллилуевой: *«Доподлинно известно, что дочь свою, Светлану, Сталин уже отправил в Самару. Причем, – любопытная деталь: сперва он отправил Светлану в Сочи. Прожила она там недолго, и снова в дорогу, теперь уже в Самару, куда должен был приехать и отец».* Неужели в Самаре было более безопасно, нежели в тёплом и далёком от фронта Сочи?

В этой же книге приводятся и любопытные воспоминания А.И. Шахурина, бывшего в 1941 году наркомом авиационной промышленности, чуть ли не ежедневно бывавшего у Сталина в кабинете ГКО или дома, на даче. В своей книге «Крылья Победы» он вспоминает, как 16 октября 41-го его вызвали к Сталину в Кремль, на квартиру:

«Передняя квартиры Сталина была открыта. Вошел я и оказался один из первых: вешалка была пуста. Разделся и прошел по коридору в столовую. Одновременно из спальни показался Сталин. Поздоровался, закурил и начал молча ходить по комнате. В столовой мебель на своих местах: прямо перед входом стол, налево буфет, справа по стене – книжный шкаф. Но в этот день книг в нем не было. Отступление от обычного я подметил и в костюме Сталина. На нем, как всегда, были куртка и брюки, заправленные в сапоги. Я увидел, что в месте сгиба они были худыми. Сталин поймал мой удивленный взгляд и неожиданно сказал: «Обувку увезли».

Создается четкое впечатление: приближенные Верховного главнокомандующего собрали его в дорогу, именно в Самару, а не куда-либо еще, и, надо полагать, не без его ведома и согласия. Ждали только того самого неминуемого часа».

В книге Дмитрия Волкогонова «Триумф и трагедия» есть такой эпизод: *«В середине октября, когда Сталин собрался ехать на дачу, Берия сказал: «Нельзя, дача заминирована». Сталин возмутился, но быстро остыл. Берия сказал, что на одной из станций под Москвой приготовлен специальный поезд для Верховного, а также 4 самолета Ставки, в том числе личный самолет Сталина – «Дуглас». Сталин промолчал. После долгих колебаний решил остаться в Москве».*

В цитируемой выше книге А. Павлова приводятся воспоминания Юрия Григорьевича Кудрявцева, который работал электрослесарем в гараже ЦК ВКП(б). Он рассказывал, что среди машин ЦК ВКП(б) находились и три личных бронированных автомобиля Сталина – «ЗИС», «Бьюик» и «Кадиллак». Юрий Григорьевич, уже в Самаре, сам обслуживал их электрическую часть, и они в любой момент были наготове! А по словам историка современной Самары Валерия Павлюкевича (эфир «Радио Свобода», «Бункер Сталина в Самаре: прошлое и настоящее», опубликовано на сайте «Радио Свобода» 03.03.2012), *«в Москве на Ходынском поле постоянно находился самолет Ли-2 в состоянии прогретого мотора, он и должен был принять вождя в час икс, когда мог вылететь по направлению сюда, в Самару».*

Вторая причина, по которой вождь мог тайно покинуть Москву, – строительство в Самаре сверхсекретного бункера – правительственного командного пункта и одновременно убежища вождя, ныне именуемого «Бункером Сталина». Строительство «Спецобъекта № 1» началось в феврале 1942 года, и он был сдан правительственной комиссии 31 декабря 1942 года. Рассекречен бункер Сталина в Самаре был только в 1990 году.

При изучении вопроса о возможном пребывании Сталина в Самаре нельзя обойти и целый ряд свидетельств, наводящих на соответствующие предположения. В газете «Труд» № 162 от 2 сентября 2005 г. Александр Петров опубликовал интервью с руководителем Самарского регионального правозащитного центра Владимиром Индиряковым. Он много лет занимался сбором информации о судьбах репрессированных, среди которых были и строители так называемого бункера Сталина. По словам Индирякова, когда бункер Сталина был рассекречен и стал учебным центром ведомства гражданской обороны и музеем, его руководство сообщило ему о письме Николая Иванова из города Каменска-Шахтинска Ростовской области – бывшего работника московского "Метростроя", направленного в Куйбышев на строительство спецобъекта № 1. Индиряков утверждает, что не раз встречался с Николаем Никитовичем и периодически вел с ним длительную переписку. В одном из писем Николай Иванов сообщил ему о том, что видел в бункере самого Сталина, который лично приезжал в Самару инспектировать строительство объекта.

Выяснилось, что Иванов вел дневник, куда заносил не только личные впечатления, но и тексты документов, с которыми работал. Иванов тогда состоял при главном инженере проекта Юлиане Островском и записывал все указания вождя. К примеру, Сталин распорядился вместо четырех дверей в своем кабинете на глубине более 30

метров сделать шесть, хотя и те четыре были бутафорскими, чтобы держать вызванного "на ковер" человека в напряжении. Неизвестно, из какой двери мог появиться вождь. Все замечания Сталин излагал Островскому, а Иванов фиксировал. Николаю Никитовичу запомнилось, что глава государства потребовал снять со стены собственный портрет. Все это происходило октябрьской ночью 1942 года. Вождя сопровождали Берия и другие высокопоставленные лица. Бункером Сталин остался доволен, хотя возведение было еще не закончено.

Третья возможная причина посещения Сталиным Самары. Мы не должны забывать, что Сталин в период войны был не только главнокомандующим, – он оставался руководителем государства, который продолжал контролировать работу советского правительства. А правительство, как известно, в эти годы находилось в запасной столице, куда одновременно были вывезены посольства и миссии иностранных государств.

Вполне можно предположить, что у Сталина периодически возникала необходимость в личном контакте с различными членами правительства и личном контроле за их работой по обеспечению тыловой жизни страны и обеспечению воюющей армии. Возможно, иногда некие комплексы вопросов легче было решить в ходе короткого визита в Самару одного человека, хотя и первого в стране, нежели визита вереницы членов правительства, прибывающих к Сталину на военных самолётах из Самары в Москву.

В статье самарского историка Александра Завального «Прогулка с Солженицыным в Самаре» (опубликована на интернет-ресурсе <http://samkray.ru/interesnoe/o-samare-govoryat-izvestnye-lyudi/aleksandr-zavalnyj-progulka-s-solzhenicynym-v-samare/>) приводится его рассказ о приезде Александра Солженицына в Самару. Во время беседы автора статьи с писателем, обсуждая вопрос о возможном пребывании Сталина в Самаре, Солженицын произнес: «Я почти уверен, и у меня есть свидетельства тому, что Сталин приезжал в годы войны в Куйбышев и жил здесь некоторое время...».

Трудно сказать, о каких именно свидетельствах умолчал А.И. Солженицын, но подозревать писателя в легковесных фантазиях тоже нет оснований.

Снова возвращаясь к рассказу пенсионерки Ольги Васильевны Слесаревой, хочу заметить: многие из тех, кому Алексей Богачёв рассказывал эту историю, сразу же делали один из поспешных выводов: а что если в Самаре был двойник Сталина? Но, по моему мнению, простая логика говорит об обратном. Какой смысл было органам НКВД содержать двойника в полной безопасности в Самаре, когда сам вождь в это время находится в столице, можно сказать, на переднем командном рубеже? Да и кто бы мог позволить беспорядочному двойнику во время стрижки хоть на секунду открыть рот – разговаривать с простой молоденькой парикмахершей?

Завершая размышления, я хотел бы привести аналогию, касающуюся вышеупомянутого секретного объекта – бункера Сталина. Мог ли до 1990 года хоть кто-нибудь представить, что в самом центре Самары под землёй находится такой исключительный по всем своим характеристикам исторический объект, как бункер Сталина? Никто! Но наступил 1990 год, и вся Россия узнала об этом уникальном объекте. Кто знает, может быть, пройдёт время – и в один прекрасный день мы станем обладателями неопровержимых свидетельств и фактов о том, что Сталин в Самаре всё-таки был! Не исключено, что когда-нибудь нам об этом поведают и российские исторические архивы, которые до сих пор, по оценкам разных специалистов, ещё на 80-90 % засекречены.

Очевидно, что в данной статье нет претензий на научную сенсацию, так как для этого пока нет полновесных научных фактов. Тем не менее, приведённые выше рассказы конкретных людей – современников и участников тех событий – всё-таки позволяют нам выдвинуть гипотезу о возможном периодическом краткосрочном секретном пребывании Сталина в Самаре в период с 1941 по 1943 год.

Несомненно, эта гипотеза ещё требует дальнейшего поиска возможных свидетельств, их пристального изучения и проверки. Лишь после этого должен будет прозвучать окончательный ответ на вопрос: был ли Сталин в Самаре?

УДК 94/470.4

© 2012 Федотов В.В.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья рассказывает об основных аспектах социальной политики СССР по отношению к эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны. Основное внимание в работе автор уделяет анализу приёма и размещения в Среднем Поволжье эвакуированных семей военнослужащих, а также проводимых властными структурами региона мероприятий, направленных на решение задач социальной адаптации данной категории граждан.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, беженцы, Среднее Поволжье, социальная политика.

Среди многотысячного потока эвакуированного населения в Среднем Поволжье большой процент составляли семьи военнослужащих, которые в силу специфических обстоятельств и особенностей социального обеспечения со стороны центральных и местных органов власти можно выделить в отдельную социальную группу.

Вопросы материально-бытового обслуживания этой категории эвакуированного населения сразу стали приоритетными для властных структур всех уровней. Уверенность в том, что семьи не брошены на произвол судьбы, обеспечивала определённое душевное спокойствие солдат на фронте и одновременно цементировала единство фронта и тыла. Исходным моментом политики в этом вопросе были соображения боеспособности действующей армии. Газета «Правда» 5 июля 1941 г. заверяла фронтовики: «Не беспокойтесь о своих жёнах и детях, отцах и матерях. Сражайтесь смело, родные, славные сыны Советской страны. Весь народ, каждый советский человек отвечает перед вами, дорогие товарищи, за спокойствие, благополучие ваших семей» [6].

В Среднее Поволжье прибыло по эвакуации большое количество семей армейского начсостава. На территории региона располагалось несколько эвакуированных центральных военных ведомств. Так, в Ульяновске разместились Наркомат ВМФ СССР и Управление тыла Волжской военной флотилии, интендантское управление ПриВО, некоторые отделы Наркомата обороны СССР. Вместе с работниками этих учреждений прибыли и их семьи. Например, в Ульяновске было размещено 1801 человек, в Пензенской области – 8948 семей военнослужащих [8, д. 2020, л. 12].

Руководством страны была разработана система льгот и денежных пособий, направленных на поддержку эвакуированных семей военнослужащих. Основным законодательным актом стал указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», принятый 26 июня 1941 г. Пособие начислялось в пределах 100-200 руб. в месяц на семью, если та проживала в городской местности, и половина этой суммы – в деревне. С середины 1942 г. для тех городских семей, где при отсутствии трудоспособных имелось пять и более человек, пособие увеличивалось до 250 руб., и до 200 руб. увеличивалось пособие для семей, в которых при двух работающих имелось пять и более иждивенцев [7, с. 28].

Для решения вопросов размещения и обслуживания эвакуированных семей военнослужащих создавались комиссии-тройки: начальники политических отделов военных комиссариатов, заведующие военными отделами партийных комитетов и ответственные секретари исполкомов. В их задачи входили учёт, размещение и бытовое устройство прибывающих семей, обеспечение своевременной выплаты денежных пособий и пенсий, организация советов офицерских жён. Повседневная работа по материально-бытовому обслуживанию этой категории перемещённого населения была возложена на отделы по хозяйственному устройству и иные властные структуры региона, занимавшиеся эвакуированным населением.

Финансирование и материально-бытовое обслуживание этой категории беженцев осуществлялось двумя способами. Помимо помощи, поступавшей от специализированных органов, государственное обеспечение всех семей военнослужащих осуществлялось также по линии НКЮ. Члены семей получали в военкоматах аттестаты на обеспечение продовольствием и промышленными товарами. Кроме того, семьи начсостава, прибывшие в регион без аттестатов с места службы офицеров и генералов, получали подъёмные. До восстановления необходимых документов им выплачивали в течение трёх месяцев пособия в размере от 400 до 1000 руб. Помимо этого семьи военнослужащих имели льготы по налогам, квартирной плате, поставкам сельскохозяйственной продукции. Жёны фронтовиков пользовались льготами при трудоустройстве, их дети в первую очередь устраивались в детские сады и интернаты. Но все эти льготы имели существенные оговорки, были ограничены по величине и по охвату семей. Множественность законодательных актов и подзаконных инструкций создавала возможность для разнообразных нарушений при применении установленных льгот.

В начальный период войны трудностей с начислением пособий возникало немало. В связи с огромными масштабами и темпами как мобилизации в армию, так и эвакуации отделы социального обеспечения просто не справлялись с объёмами работ по начислению пособий. Пособия начислялись по заявлению граждан, а затем по ним проводилась проверка. Окончательное решение по заявлению принималось комиссией в составе заместителя председателя райисполкома, заведующего отделом социального обеспечения и военкома, причём оно должно было выноситься не более чем в 3-дневный срок. На деле справиться с этой работой в установленный срок было практически невозможно, и поэтому в начальный период войны выплаты по пособиям задерживались на два-три месяца. В сельской же местности задержки по выплате пособий в 15-30 дней были обычным явлением.

Много вопросов возникало с поиском источников финансирования для выплаты пособий. Например, в сентябре 1941 г. военный отдел Пензенского обкома ВКП (б) был вынужден давать разъяснения по выплате пособий разным категориям семей военнослужащих [3, д. 565, л. 33-35]. Суть проблемы состояла в том, что возникли сложности с выплатой пособий семьям партизан, ополченцев, добровольцев и других категорий мобилизованных граждан. Местные власти не могли решить, кто должен выплачивать денежные средства – военкоматы или гражданская администрация.

Ситуация с выплатой пособий и пенсий во многом изменилась к лучшему после выхода постановления СНК СССР от 22 января 1943 г. «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». В соответствии с ним создавались отделы по государственному обеспечению и бытовому обслуживанию семей военнослужащих в каждом районе. В их ведение входило изучение быта эвакуированных семей военнослужащих, оказание им помощи в трудоустройстве и получении новой профессии, привлечение к этой работе различных организаций и общественности, устройство детей в детские учреждения. Отделами государственного обеспечения была проведена большая работа по налажи-

ванию учёта семей военнослужащих, выявлено немало случаев, когда пособия и пенсии получались незаконно. В то же время было обнаружено немало фактов, когда семьи вообще не получали пособия и пенсии из-за утери документов или по другим причинам.

Типичными недостатками в работе отделов были бюрократизм и волокита. Имели место и злоупотребления служебным положением. В результате проверки деятельности Чаадаевского районного отдела государственного обеспечения выявлено, что «не распределено среди семей военнослужащих 31 детский паёк, 500 метров мануфактуры, 40 пар обуви. Заведующий отдела тов. Кондратьев раздавал хлеб своим родственникам: свояченице Сабековой – 20 кг, дяде Калапушкину – 20 кг» [4, д. 1059, л. 10].

Объём государственной помощи, оказываемой эвакуированным семьям военнослужащих через пособия, пенсии, льготы, был явно недостаточен. За весь 1941 г. эвакуированным семьям военнослужащих в Куйбышевской области было выдано бесплатно промтоваров всего на 45 тыс. руб. [1, д. 10, л. 12]. Поэтому на передний план выдвигалась проблема трудоустройства членов этих семей.

В документах местных властей внимание к трудовому устройству прослеживалось с первых дней прибытия этой категории населения в Среднее Поволжье. Дело в том, что руководство некоторых предприятий избегало принимать на работу эту группу населения, потому что ей необходимо было оказывать всестороннюю и постоянную помощь, выплачивать пособия и компенсации, ремонтировать жильё. В сложных условиях войны администрация предпочитала брать мобилизованную или лагерную силу.

Большую помощь властям оказывали советы офицерских жён, которые проводили самостоятельные проверки материально-бытового положения эвакуированных семей военнослужащих. В результате их деятельности многие семьи улучшили жилищные условия, члены семей были устроены на работу, получили материальную поддержку. Так, результатом деятельности женсовета ульяновского военного гарнизона за 1942-1943 гг. стало трудоустройство 420 человек.

Часть офицерских жён, получая крупное денежное довольствие по аттестатам мужей, отказывалась от работы, причём в подчёркнуто высокомерном тоне. Другие старались устроиться на менее тяжёлую, но более высокооплачиваемую работу. Учитывая подобные настроения, распространённые среди семей начсостава, партийные организации вели с ними целенаправленную работу. В октябре 1942 г. исполком Куйбышевского областного Совета отмечал, что «комиссия по помощи эвакуированным семьям военнослужащих в г. Ульяновске полагает, почему-то, использовать актив и жён начсостава только в торгующей системе, обходя Указ Президиума ВС СССР об использовании трудоспособного населения на работе в промышленных предприятиях» [2, д. 1759, л. 69].

Несмотря на оказываемую помощь, положение многих эвакуированных семей фронтовиков оставалось крайне тяжёлым. В партийные и советские органы поступали сведения о многочисленных нарушениях в сфере обеспечения пособиями и пенсиями, о непредставлении льгот, о голоде, побирательстве, инфекционных заболеваниях. Характер жалоб и заявлений от семей красноармейцев в начальный период их пребывания в эвакуации свидетельствует, что наибольшее количество их было связано с устройством детей в детские сады и ясли, обеспечением жилой площадью, ремонтом квартир. Архивные источники зафиксировали и прямые нарушения законности в отношении семей военнослужащих. Так, военным отделом Пензенского обкома ВКП (б) установлено, что «семья тов. Горшкова размещена по Ворошиловской улице, дом № 44-3. Хозяин квартиры работник облисполкома тов. Цвайкин учиняет частые скандалы и предлагает ей освободить квартиру» [5, д. 25, л. 19].

Основания для увеличения числа жалоб были серьёзны: бедственное положение многих семей, их слабая правовая и социальная защищённость, явное попрание принципа социальной справедливости, доходящее до прямого противопоставления основ-

ной массы эвакуированного населения и тех, кто обладал властью и, следовательно, возможностями распределения социальных благ в свою пользу. Факт социальных противоречий осознавался обеими сторонами, но особенно отчётливо это выразилось в поведении ущемлённой стороны. Анализ архивных материалов показывает, что большинство жалоб исходило от эвакуированных семей рядового и младшего офицерского состава, размещённых в сельской местности. В более благоприятном положении находились семьи, проживавшие в городах Среднего Поволжья. В результате проверки военным отделом ВКП(б) жилищно-бытовых условий 80 семей военнослужащих, размещённых в г. Кузнецке Пензенской области, выявлено, что большинство из них проживает в лучших квартирах города, устроено на работу 13 человек, а остальные работать не желают, так как материально обеспечены [3, д. 565, л. 34].

Источники убеждают, что эвакуированные семьи военнослужащих относились к тем группам населения тыла, которым оказывалась адресная помощь. Формами государственной помощи им стали пособия и пенсии, целевые фонды продовольствия и промтоваров, налоговые льготы и преимущества в обеспечении жильём, огородными участками, топливом, местами в детских учреждениях. Были созданы специальные государственные структуры, занимавшиеся социальным обеспечением эвакуированных семей фронтовиков. Однако материально-финансовая база, которой они располагали, была слабой. Большую долю социальной помощи составили негосударственные формы и средства. Привлекались ресурсы колхозов и общественных организаций. Активно применялся приём мобилизации средств населения, проводились широкомасштабные целевые кампании, часто означавшие не только взаимопомощь, но и самопомощь социально незащищённых слоёв населения. В наиболее благоприятном положении находились семьи высшего начсостава РККА и НКВД, для которых в кратчайший срок были созданы достаточно комфортные условия жизни. Но, несмотря на принимаемые меры, значительная часть эвакуированных семей военнослужащих находилась в исключительно тяжёлых материально-бытовых условиях, что не всегда объясняется чрезвычайной обстановкой.

Литература

1. Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (ГУСО ЦГАСО). Ф.Р. – 4074. Оп. 1.
2. Областное государственное учреждение «Государственный архив Ульяновской области» (ОГУ ГАУО). Ф.Р. – 634. Оп. 1.
3. Отдел фондов общественно-политических организаций государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Пензенской области» (ОФОПОГБУ ГАПО). Ф. 148. Оп. 1.
4. Там же. Ф. 3447. Оп. 1.
5. Там же. Ф. 148. Оп. 2.
6. Правда. 1941, 5 июля.
7. Старое, но грозное оружие (приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г.)// Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 23-28.
8. Центр документации новой и новейшей истории Ульяновской области (ЦДНИУО). Ф. 13. Оп. 1.

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И КАК ВИД ДОСУГА ГОРОЖАН ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье освещается деятельность жителей поволжских городов по организации литературно-музыкальных вечеров в целях оказания благотворительной помощи пострадавшим в условиях Первой мировой войны. Литературно-музыкальные вечера рассматриваются и как вид досуга городского населения.

Ключевые слова: благотворительность, литературно-музыкальные вечера, досуг, городское население, Поволжье, Первая мировая война.

Одной из разновидностей благотворительной деятельности, являющейся проявлением чувства сострадания, долга, в определенном смысле ответственности, в годы Первой мировой войны стала организация и посещение литературно-музыкальных вечеров и концертов.

Можно выделить ряд форм и направлений благотворительной помощи, оказываемой в ходе организации и проведения благотворительных литературно-музыкальных вечеров. Наиболее простой и эффективный способ личного участия в деле оказания помощи нуждающимся в условиях войны – перечисление сборов, полученных по итогам проведения таких вечеров и концертов, на различные нужды, связанные с войной. Так, 50 % прибыли, полученной от благотворительных русских патриотических концертов труппы Г.О. Шумского, прошедших в костромском Городском театре 20 и 21 сентября 1914 г., было направлено в пользу жертв войны [6, с. 1].

Часто организаторы музыкальных программ преследовали цель оказания помощи вполне конкретной группе лиц, втянутых в военные действия и пострадавших от них. К этой категории относились и раненые фронтовики. Причем сбор средств предполагал их перечисление как вообще на нужды раненых, так и для вполне конкретной категории раненых, в том числе находящихся в местных лазаретах. Например, в г. Нижнем Новгороде в Городском театре 21 сентября 1914 г. при участии «местных вокально-музыкальных сил и профессиональных музыкантов из Москвы» был организован вечер в пользу четырех местных госпиталей, на котором исполнялись гимны и литературные произведения. Пресса сообщала, что «театр оказался переполнен публикой, несмотря на высокие цены... Вечер дал солидную сумму на благое дело» [4, с. 2]. В г. Казани 14 ноября 1915 г. в зале Дворянского собрания студенты санитарной дружины устроили концерт «Кабарэ» в целях сбора средств для оказания помощи местным раненым [7, л. 115], а 24 ноября в здании Высших женских курсов был организован концерт, на котором присутствовали около 1500 слушателей, 10 % выручки от него было перечислено на нужды лазарета, находящегося при курсах [7, л. 143]. В г. Астрахани 6 декабря 1915 г. учащиеся музыкального училища устроили концерт в пользу малоимущих однокашников, но 10% от собранных средств перечислили на оказание помощи раненым воинам [2, с. 3].

Концерты устраивались и с целью сбора средств на приобретение подарков фронтовикам, в том числе землякам. В частности, в г. Рыбинске 27 января 1917 г. сотрудницы Временного дамского комитета организовали концерт, на сборы с которого были закуплены подарки Солигачскому и Рыбинскому полкам [8, с. 3].

Концерты устраивались с целью получения финансов на оказание помощи детям фронтовиков. Например, в феврале 1917 г. в г. Симбирске в помещении Городской думы прошел благотворительный вечер в пользу детей, чьи отцы участвовали в военных действиях; подобный вечер, на котором исполнялись гимны и духовная музыка, был устроен в здании Симбирского епархиального училища [10, с. 3].

Оказание благотворительной помощи посредством организации литературно-музыкальных программ осуществлялось и на основе их персонифицированной направленности. В данном случае благотворительность проявлялась не в перечислении материальных средств, полученных от продажи билетов на концерты, а в предоставлении самого зрелища нуждающимся в досуге раненым и больным фронтовикам. Подобной деятельностью занимались как «любители», так и специальные общественные структуры. Так, в г. Астрахани сотрудники Комиссии разумных развлечений для раненых организовывали концерты в госпиталях [1, с. 3]. Подобные концерты устраивали деятели местных отделений Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) и музыкальные секции общества народных университетов (ОНУ).

Концертные выступления и литературно-музыкальные вечера преследовали не только благотворительные цели, они имели развлекательную направленность, являлись средством реализации таланта артистов и музыкантов. Их разнообразие, систематичность организации, посещаемость в ряде городов Поволжья являются свидетельством интереса со стороны местного общества к подобной досуговой практике, отражают желание получать эмоциональное удовлетворение от развлекательных программ. Данная возможность обеспечивалась на территории городов местными музыкальными объединениями и гастролирующими труппами [9, с. 200-206].

Жители городов Поволжья активно посещали концерты и литературно-музыкальные вечера, что отражено в таблице.

В частности, в г. Сенгилее на благотворительном концерте, состоявшемся в здании Земской управы 29 января 1915 г., присутствовал 281 слушатель. В г. Астрахани концерт, представленный 19 февраля 1916 г. местным отделением ИРМО, посетили 444 слушателя [5, л. 118], состоявшийся несколькими днями ранее, 14 февраля, праздничный концерт, организованный Астраханским попечительством детского труда, – 1054 жителя города [5, л. 116]; гастрольное выступление Насти Поляковой, прошедшее 28 апреля, – 723 слушателя [5, л. 134].

Как правило, организованные в городах Поволжья концерты пользовались успехом, вызывали у посетителей восторг. Так, о прошедшем в г. Астрахани 6 декабря 1916 г. концерте в местной газете сообщалось: «В субботу, 3-го декабря в большом думском зале с успехом и при полном сборе состоялся концерт-вечер известной исполнительницы русских песен М.П. Комаровой при участии балерины Л.М. Гаретта. Г-жа Комарова произвела хорошее впечатление на слушателей задушевностью исполнения простых безыскусных народных песен. Особенно понравились публике “Хуторок”, “Лучинушка”, “Дети России”, “Усни, моя детка” и другие.

Прекрасно протанцевала г-жа Гаретта “Русскую” и “Матросский танец”. Оба были бисированы артисткой по желанию публики» [3, с. 7].

Литературно-музыкальные вечера и концерты разнообразили досуг горожан. Они были востребованным видом культурно-массовых мероприятий, предназначались для широких слоев населения. В контексте досуговой практики литературно-музыкальные вечера отразили стремление обывателя в условиях военной эпохи получать эмоциональную разрядку, иметь возможность развлекаться в свободное время.

**Посещаемость концертов и литературно-музыкальных вечеров
в городах Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (выборочно)**
[11, л. 31–36, 40–41, 43–45, 51, 66–67, 70–73, 84; 12, л. 95; 13, л. 16, 25, 51]

Дата	Исполнители	Город (место проведения, организаторы, цель)	Пос-й, кол-во
12.07.16 г.	-	Н. Новгород (Дворянское собр-е)	470
01.08.16 г.	-	Балахна (библиотека-читальня)	131
07.08.16 г.	«Любители»	Семенов (в пользу местных любителей драматич. искусства)	169
18.08.16 г.	-	Арзамас	245
23.09–30.12.16 г.	-	Балахна (библиотека-читальня)	109
02.10–30.12.16 г.	-	Балахна (библиотека-читальня)	156
04.10.16 г.	Юфайер	Н.Новгород (Дворянское собр-е)	350
11.10.16 г.	Юфайер	Н.Новгород (Дворянское собр-е)	295
29.10.16 г.	Е. Гордум	Н.Новгород (Дворянское собр-е)	425
4–6.11.16 г.	-	Арзамас (театра «Семь слонов»)	202
06.11.16 г.	«Любители»	Семенов (для муз.-драм. кружка)	219
12.11.16 г.	-	Н.Новгород (Дворянское собрание, благотворительный)	275
18.11.16 г.	-	Н.Новгород (Дворянское собр-е)	85
18.11–23.12.16 г.	-	Балахна (библиотека-читальня)	403
04.12.16 г.	«Любители»	Н.Новгород (гим-я Харитоновой)	180
04.12.16 г.	«Любители»	Семенов (для литер.-драм. кр-ка)	305
04.12.16 г.	«Любители»	Н.Новгород (в пользу мест. прав-я Римско-Католического об-ва)	650
11.12.16 г.	Савицкий	Н. Новгород	125
11.12.16 г.	«Любители»	Арзамас (Реальное училище)	357
12.12.16 г.	Плевицкая	Н. Новгород	96
15.12.16 г.	«Любители»	Н.Новгород (Епархиальное уч-ще)	230
15.12.16 г.	«Любители»	Н.Новгород (Реальное училище)	180
31.12.16 г.	«Любители»	Н.Новгород (дом Фролова, для Кр. Креста)	75
23.03.17 г.	И.Н. Казанцев	Н.Новгород (местное отд-е ИРМО, зал Общественного собрания)	980
28, 31.10.17	Н.А. Орлов	Н. Новгород	600

Данные программы осуществлялись при участии как профессиональных, так и любительских коллективов и частных лиц, в целях популяризации исполнительского искусства и музыкальных произведений и в качестве разновидности благотворительной деятельности.

С точки зрения общественных настроений литературно-музыкальные постановки сочетали в себе индивидуальное стремление к самореализации, полезности и массовое настроение единения в условиях экстремальных событий.

Литература

1. Астраханский листок. 1915. 6 (19) марта.
2. Астраханский листок. 1915. 6 (19) августа.
3. Астраханский листок. 1916. 6 (19) декабря.

4. Волгарь. 1914. 22 сентября.
5. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 290. Оп. 4. Т. 2. Д. 1468.
6. Костромская жизнь. 1914. 16 сентября.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 1500.
8. Рыбинская газета. 1917. 22 января.
9. Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): по материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара: СамГТУ, 2007. 291 с.
10. Симбирянин. 1917. № 2808.
11. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 6. Д. 2893.
12. ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4401.
13. ЦАНО. Ф. 564. Оп. 416. Д. 45.

УДК 94/55

© 2012 Карбасова О.В.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА ИРАН: ЦЕЛИ, МЕТОДЫ, ТЕХНОЛОГИИ

В статье анализируется новый этап информационного давления на Иран со стороны США, предлогом для которого явилось покушение на посла Саудовской Аравии в октябре 2011 года. Автор предлагает свою интерпретацию процесса усиления международной изоляции Ирана, выделяя формальные и реальные его цели. В статье также дается прогноз дальнейшего развития иранского ядерного кризиса.

Ключевые слова: информационное давление на Иран, иранский ядерный кризис, международная изоляция Ирана.

Мировая практика информационных войн последних десятилетий (начиная от войны в Персидском заливе в 1991 г., где США впервые успешно продемонстрировали всему миру эффективность информационно-психологических операций, направленных как на противника, так и на собственное население, до последних событий на Ближнем Востоке с апофеозом в Ливии) вполне убедительно показала значение технологии так называемой международной изоляции для дальнейшего перевода сценария давления на страну в русло «горячей» войны.

Осознавая всю опасность статуса «страны-изгоя», Муаммар Каддафи пошел на беспрецедентные шаги, чтобы вырваться из кольца международной изоляции. На его «счету» отказ от разработки оружия массового уничтожения, демонстративный разрыв с террористическим прошлым, компенсация ущерба жертвам катастрофы над Локерби, создание выгодных условий для западных нефтяных и газовых компаний... Однако выскользнуть из удавки не удалось: очевидно, цель международных санкций и информационного давления была не в том, чтобы вернуть «страну-изгоя» на светлый путь демократии.

Иран, на протяжении многих лет находящийся под информационным давлением в связи со своей ядерной программой, сейчас подвергается новым информационным атакам, являющимся частью технологии его международной изоляции. Яркие примеры ниспровержения объявленных диктаторскими режимов и разорения целых стран и народов совместными усилиями демократических держав, несмотря на примеры проявления доброй воли и желания вновь интегрироваться в мировое сообщество, как в случае Ливии, заставляют Иран исключить для себя вариант сворачивания ядерной программы. Видимо, один сценарий, выработанный американскими политтехнологами и

успешно отработанный в Ираке, включающий четкие стадии разворачивания международных информационных кампаний, введения экономических санкций и последующих военных действий, не предполагает внесения каких-либо корректировок. В такой ситуации компромиссы и уступки могут лишь дать отсрочку. Вполне это понимая, Иран продолжает разработки в области атомной энергетики.

Свое информационное давление на Иран США объясняют мотивами обеспечения безопасности и необходимостью предотвратить «расползание» ядерного оружия по миру. При этом США игнорируют тот факт, что Иран, являясь членом МАГАТЭ (Международного агентства по атомной энергии), имеет полное право вести работы по обогащению урана. Одновременно с этим, подписав в 2006 г. соглашение о ядерном сотрудничестве с Индией, США фактически приветствовали начало ядерной программы в стране, не являющейся членом МАГАТЭ. Данный факт не мог быть интерпретирован иначе как нарушение США режима нераспространения ядерного оружия и еще одно проявление американской политики двойных стандартов.

Желание Ирана развивать ядерные проекты двойного назначения вполне объяснимо: наличие такой программы, не говоря уже о наличии ядерного оружия, – это серьезная заявка на то, чтобы стать мощной региональной державой, способной оказывать влияние на территории, находящиеся в сфере стратегических интересов США. Поэтому заявленная цель информационного давления на Иран со стороны США – сворачивание ракетно-ядерной программы во имя сохранения мировой безопасности – является лишь способом подмены реальной цели: исключить сценарий усиления Ирана в регионе.

Тактику международной изоляции Ирана можно рассматривать двояко, т.е. как часть двух возможных стратегий. Она является своеобразным «оружием двойного назначения», теоретически позволяющим реализовать два варианта развития событий. Во-первых, эта тактика может привести к тому, что, видя осуждение своих действий со стороны мировой общественности, Иран действительно откажется от планов по созданию ядерного оружия. Однако вероятность того, что Иран внезапно через столько лет информационного давления осознает необходимость подчиниться этому давлению, крайне мала. Скорее всего, наоборот, произойдет ускорение иранской ядерной программы на фоне событий Арабской весны, подталкивающих Иран к укреплению собственной безопасности.

Во-вторых, что более вероятно, тактика международной изоляции может быть направлена на то, чтобы создать основу для оправдания военного вторжения. Как это было в случае Ливии, информационная кампания в СМИ, суть которой сводилась к созданию красочного образа врага в лице безумного диктатора, совершающего преступления против собственного народа, привела к тому, что мировая общественность в целом поддержала сначала санкции, а затем международное вторжение в Ливию. Такой же вариант может быть реализован и в Иране путем создания отрицательного имиджа этой страны как источника ядерной угрозы для всего мира. Данный вариант рассматривается как вполне реалистичный в исследованиях российских специалистов, говорящих о связи «американского нажима» на Иран и сценария «военных ударов по Ирану со стороны американских и израильских вооруженных сил» [1, с. 131].

На этом фоне Барак Обама активно позиционирует себя как борца за безъядерный мир. В 2009 году в Праге американский президент выступил с идеей создания безъядерного мира, что выглядело как удачный пиар-ход для начинающего американского президента, который поставил себе целью возвращение былой привлекательности американской демократии. Выступление стало своего рода программной речью и получило неофициальное название «Речь о ядерном оружии» (Obama Prague Speech On Nuclear Weapons). В своем выступлении Обама назвал нынешнюю эпоху временем, когда «угроза глобальной ядерной войны исчезла, но возрос риск ядерных атак», исходя-

щий от террористов. В связи с этим президент США заявил о следующем решении проблемы ядерного оружия в мире: «Страны, обладающие ядерным оружием, будут двигаться в сторону разоружения, страны без ядерного оружия его не получают, но все страны могут использовать ядерную энергию в мирных целях» [2].

Действительно, идея борьбы за безъядерный мир выглядит достойно для страны, претендующей не только на статус глобального лидера в политике и экономике, но и на моральное лидерство. Однако благие идеи американских лидеров нельзя рассматривать вне общего мирового контекста. Пиар Обамы – это часть классического американского комикса про супермена и злого гения-маньяка, решившего «уничтожить весь мир». Позиционирование Обамы, как любое позиционирование, предполагает «отстройку от конкурентов», т.е. наличие оппозиции в лице стран и их руководителей, стремящихся к созданию ядерного оружия. Создание таких оппозиций – характерный прием американской пропаганды. В этом смысле пара Обама-Ахмадинежад отличается от пары Буш-Хусейн лишь декорациями: в первом случае это борьба за безъядерный мир, а во втором – борьба с мировым терроризмом. На фоне этих декораций разворачивается битва между добром в лице борца за безъядерный мир (или борца с терроризмом) и злом в лице маньяка с ядерной бомбой в руках (или пособника терроризма, якобы обладающего оружием массового уничтожения). Несмотря на схематичность рисунка, получается очень эффектная картинка, предлагающая общественности черно-белое видение мира. В этом смысле вопреки предвыборным обещаниям о грядущих кардинальных переменах администрация Обамы недалеко ушла от предыдущей администрации, оставив без изменений основные пропагандистские методы, успешно использовавшиеся для коммуникационного сопровождения внешней политики США при Буше-младшем.

Такая картинка позволяет настроить международное общественное мнение против Ирана. Одним из последних достижений в этом направлении стало присоединение России и Китая в 2010 г. к международным санкциям против Ирана. С учетом того, что прежде ни в России, ни в Китае не допускали возможности такого решения, это событие действительно стало серьезным продвижением на пути к международной изоляции Ирана.

Тактика международной изоляции представляет собой яркое проявление принципа мультилатерализма, объявленного Обамой в качестве нового ориентира для США в противовес принципу унилатерализма, ставшего символом эпохи Буша-младшего. В отличие от политики унилатерализма, по сути оправдывавшей стремление США решать политические вопросы в одностороннем порядке, для мультилатералистского подхода характерно привлечение Соединенными Штатами других держав для решения международных вопросов и разделение ответственности с этими державами. США при этом берут на себя роль «сопровождения» или «поддержки». На деле это означает использование Соединенными Штатами своих политических союзников в качестве «ресурса» для создания *иллюзии* коллегиального решения проблем. При этом чем полярнее политические взгляды участников, тем лучше, т.к. это создает впечатление непредвзятости выносимого общего решения. Так, например, в случае Ливии участниками международной коалиции стали Франция и Великобритания, которые, как известно, занимали противоположные позиции по Ираку. То же самое происходит и в Иране, особенно после присоединения Китая к международным санкциям. Тот факт, что к общему решению приходят страны, обычно демонстрирующие разные политические подходы, может в дальнейшем служить фактором легитимации военного вмешательства. В этом смысле в иранском сценарии уже давно просматриваются кандидаты на роль международного «зачинщика», талантливо исполненную Николая Саркози в ливийской драме и позволившую США не выглядеть «мировым полицейским».

Совсем недавно распространенным было мнение о том, что военный вариант развития событий в случае Ирана крайне невыгоден для США, завязших в Ираке и Афга-

нистане. Говорилось о том, что «для Обамы крайне важно создать такую атмосферу в мире и такую политическую динамику, которая позволит усилить давление на Иран с целью заставить его отказаться от своей ядерной программы», и что Обаме «не хотелось бы начинать военные действия против Ирана, хотя его к этому подталкивают радикалы, как в самих США, так и значительная часть израильского истеблишмента» [3, с. 62]. Однако на фоне революций, охвативших Ближний Восток, и с учетом военного варианта, осуществленного в Ливии, такой сценарий в случае Ирана начинает приобретать все более реальные очертания. Кроме того, военный вариант в Ливии был осуществлен по модернизированному сценарию, исключавшему лидирующую роль США и наземную операцию. В связи с этим тактика международной изоляции в случае Ирана, скорее всего, направлена не на то, чтобы предотвратить военную нуклеаризацию страны, а на то, чтобы на информационном уровне создать необходимые предпосылки и основания для реализации военного сценария.

Один из способов воздействия на мировое общественное мнение с целью побудить новые страны присоединиться к международному давлению на Иран заключается в том, чтобы создать негативный имидж Ирана, продемонстрировав мировому сообществу его агрессивность и воинственность. Одним из последних событий, позволивших США начать новую информационную атаку на Иран, стало покушение на посла Саудовской Аравии в США, о предотвращении которого американские власти сообщили 11 октября 2011 г. При этом в осуществлении теракта американские спецслужбы обвинили иранскую организацию Корпус стражей исламской революции (КСИР) и ее элитное спецподразделение «Кудс». Последнее якобы пыталось заказать через гражданина США иранского происхождения Мансура Арбабсияра убийство посла мексиканскому наркокартелю за 1,5 млн долларов. При этом, по утверждению ФБР, теракт спонсировался и направлялся иранским правительством. Предполагаемым мотивом покушения якобы послужили убийства нескольких иранских ученых-ядерщиков, произошедшие в течение двух последних лет и приписываемые Израилю, заинтересованному в том, чтобы приостановить работу Ирана по созданию ядерного оружия.

Иранские государственные СМИ развернули собственную контрпропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы опровергнуть обвинения в теракте и одновременно выдвинуть собственные обвинения США. Так, иранское государственное новостное агентство IRNA (Islamic Republic News Agency) в числе прочих ярких заявлений цитировало следующее высказывание духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи: «Повторение бессмысленных попыток по насаждению иранофобии подтверждает несостоятельность западных политиков. Их усилия и на этот раз ни к чему не приведут и завершатся безрезультатно. Кампанию антииранской истерии, которую в очередной раз инициирует Запад, ожидает провал».

При этом Иран отрицал не только свою причастность к теракту, но и сам факт теракта, который, по мнению официальных лиц Ирана, был не чем иным, как умелой инсценировкой американских спецслужб, направленной на то, чтобы очернить Иран в глазах мировой общественности и отвлечь американцев от экономических проблем, вылившихся в создание массового протестного движения «Займи Уолл Стрит».

Характерно, что и в самих Соединенных Штатах мнение общественности по поводу события разделилось. Помимо сторонников версии иранского заговора, поддерживаемой в основном ФБР и официальными властями США, как никогда сильно звучали скептические оценки этой версии. Так, например, бывший заместитель советника по борьбе с терроризмом Хуан Зарате, работавший в администрации Буша-младшего, назвал план покушения на посла «очень сложным, странным, а также очень небрежным». Кроме того, Зарате сослался на историю деятельности «Кудс», сказав, что данное подразделение «может приставить своих оперативников к целям и выполнить операцию. Обычно они не занимаются аутсорсингом, а держат все внутри проверенной сети».

За пределами США также высказывалось множество сомнений в правдоподобности версии ФБР. По словам Фолькера Пертеса, директора Немецкого института международной политики и безопасности (the German Institute for International and Security Affairs), «все чрезвычайно скептически относятся к разоблачениям американской разведки». Для Ирана такой теракт означал бы «эскалацию в отношениях с США, по масштабу превосходящую времена Иранской революции», и был бы сопоставим с «актом войны».

Такой уровень скептицизма, как внутри, так и за пределами США, свойственен для информационных атак на Иран. Именно этот «международный скептицизм» по отношению к американской пропаганде является оборотной стороной международной изоляции Ирана. Причина усиления скептических настроений заключается в том, что к настоящему моменту США накопили внушительный «багаж» дискредитирующих фактов, связанных с использованием методов и приемов информационных войн. Среди них, например, кинопостановки эпохи войны в Ираке, инсценирующие освобождение Джессики Линч, сюжет о поимке Саифа-аль-Ислама в самом начале операции в Ливии и совсем недавние репортажи о митингах в заснеженной Москве с пальмовыми деревьями в кадре. Эти кинопостановки дополняются общепризнанными фактами откровенной лжи, использованными как основание для военных действий, такими как утверждение о наличии оружия массового уничтожения в Ираке, утверждение о преступлениях солдат регулярных войск Ливии против гражданского населения, не подтвержденных организацией Amnesty International, и т.п. Очевидно, что эти факты достигли критической массы и что американские спецслужбы и СМИ дискредитировали себя операциями такого рода. Поэтому проявление «международного скептицизма» стало вполне логичной реакцией на разоблачение планов покушения на саудовского посла в США.

Однако скептическое отношение международной аудитории к разоблачению иранского «заговора» отнюдь не является показателем неэффективности американской пропаганды. Дело в том, что цель пропаганды в данном случае состоит не в том, чтобы любыми средствами *убедить* мировую общественность в злых намерениях Ирана, доказать правоту США, привлечь на их сторону как можно больше единомышленников и обречь Иран на международную изоляцию, а в том, чтобы *создать иллюзию* злых намерений, иллюзию правоты и иллюзию единомыслия. Эффективность пропаганды определяется ее способностью создавать эти иллюзии. При этом вопросы о том, действительно ли Иран планировал такое покушение и была ли эта авантюра логична для Ирана, и был ли Мансур Арбабсияр агентом иранских спецслужб, и не были ли его поимка и разоблачение очередной инсценировкой, на самом деле не имеют значения. Важно то, что данные факты (или сфабрикованные обвинения) позволили создать иллюзию опасности угроз, исходящих от Ирана (связь с террористическими организациями, наличие возможностей реализовывать террористические атаки по всему миру), и дали США формальные основания призвать мировую общественность усилить давление на Иран (не только информационное, но и экономическое), а также оправдания возможных дальнейших действий (создания международной военной коалиции по образцу Ливии и начала военной операции).

13 октября 2011 г. на совместной пресс-конференции с южнокорейским президентом Барак Обама сказал, что собирается содействовать принятию самых строгих санкций против Ирана на основании тех «убедительных доказательств», полученных США, которые подтверждают причастность иранских властей к покушению. Комментируя сомнительную схему найма мексиканского киллера через гражданина США, президент Обама заявил, что американские власти «знают, что у него (гражданина США) были прямые связи с иранским правительством, что ему платили и им руководили конкретные люди из правительства». На чем основывалась такая уверенность, президент не уточнил, однако обнародование этих фактов позволило усилить негативный

имидж Ирана и стало фактором влияния на мировое общественное мнение. Как известно, в случае Ливии результатом использования технологии изоляции (сочетающей приемы дезинформации, информационного давления и негативного имиджмейкинга) стало введение экономических санкций и создание международной военной коалиции. Продолжением этой схемы стала военная операция против Ливии и последующая смена политического режима.

На призыв президента Обамы поддержать международное информационное давление на Иран незамедлительно откликнулись Саудовская Аравия (что вполне логично, т.к. в этом случае она выступила в роли пострадавшей стороны) и Великобритания (что также неудивительно, учитывая традиционную поддержку, оказываемую Лондоном инициативам США). Официальная Франция также выступила с поддержкой позиции США.

Однако эффективность тактики международной изоляции Ирана определялась присоединением к информационному давлению не только союзников США, но и стран, оказывающих Ирану политическую поддержку, в первую очередь России и Китая. Россия до последнего времени пыталась найти способы примирения американской и иранской позиций в урегулировании ядерного кризиса. США при этом заинтересованы в том, чтобы Россия прекратила сотрудничество с Ираном в какой бы то ни было форме.

Для России такой вариант означает не только экономические потери от остановки совместных российско-иранских проектов в области атомной энергетики (строительство АЭС на территории Ирана и контракты на поставку отработанного ядерного топлива), транспортных проектов и контрактов на поставку вооружений. Россия также понесет нематериальные потери, связанные с падением ее престижа на международной арене, поскольку это будет означать, что Россия потерпела неудачу в роли посредника по урегулированию ядерного кризиса, не сумев повлиять на Иран и уступив под нажимом США. Сегодня российская позиция по иранскому кризису является едва ли не единственным фактором, мешающим осуществлению военного варианта развития событий.

В 1990-е годы Россия стала одной из первых в цепочке стран, испытывавших на себе весь спектр международного давления, осуществлявшегося по схеме, ставшей впоследствии традиционной: создание режима международной изоляции, введение экономических санкций, постановка вопроса о военном вмешательстве. Так, информационная стратегия западных стран во время первой и второй российской кампании в Чечне была направлена на то, чтобы создать негативный образ России и легитимировать действия чеченских сепаратистов в глазах мировой общественности. Для этого Великобритания и Франция организовывали официальные приемы чеченских эмиссаров, широко освещавшиеся в СМИ. Следующим шагом стало требование о введении экономических санкций, выдвинутое Францией на саммите ЕС в декабре 1999 г. с целью заставить Россию начать переговоры с А. Масхадовым. Третьим шагом стало предложение, с которым выступили США на заседании парламентской ассамблеи альянса в ноябре 1999 г., о принятии резолюции НАТО о гуманитарной интервенции в Чечне в обход мнения ООН и ОБСЕ. Реализация плана территориальной дезинтеграции России могла бы стать завершающим этапом курса либерально-демократических реформ, приведших к развалу экономики, демографической катастрофе (потери от которой сравнимы с потерями СССР в годы Второй мировой войны), разрушению системы образования и беспрецедентному падению нравов.

В случае Ирана наблюдается реализация аналогичной схемы, являющейся частью общей стратегии по переформатированию Большого Востока. Однако здесь поводом для международного давления являются не сепаратистские тенденции внутри страны, а миф о возможной разработке Ираном ядерного оружия. При этом если в случае с Ираком в основу военной операции легло *утверждение* о наличии оружия массового унич-

тожения, то в случае Ирана достаточно одного *предположения*. Логично предположить, что следующим шагом станет полный отказ от американских пропагандистских технологий. Это избавит от необходимости как-либо объяснять свои действия миру.

Литература

1. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.). М., 2007. 447 с.
2. Obama Prague Speech On Nuclear Weapons.
http://www.huffingtonpost.com/2009/04/05/obama-prague-speech-on-nu_n_183219.html
3. Пушков А.К. От Давоса до Куршавеля. Где решаются судьбы мира? М., 2011. 240 с.

УДК 94 (470): 665.6/7

© 2012 Курятников В.Н.

ВЕСОМАЯ ЧАСТЬ «ВТОРОГО БАКУ»

В статье рассмотрена история наращивания нефтедобычи и создания на территории Куйбышевской области новой отрасли промышленности – нефтедобывающей – в годы Великой Отечественной войны. Проанализирован комплекс вопросов, связанных с эвакуацией нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий. Показаны основные направления их кадрового обеспечения.

Ключевые слова: нефтяная база, нефтедобыча, нефть, нефтеперерабатывающие заводы, эвакуация, рабочая сила, Куйбышевнефтекомбинат, Великая Отечественная война.

В 30-е годы XX века в СССР был взят курс на создание новой нефтяной базы. Становление новой нефтяной базы Советского Союза было тесно связано с наращиванием оборонной мощи страны. Целесообразность шагов, предпринятых советским руководством по укреплению и расширению нефтяной отрасли страны в предвоенные годы, закладке основ новой нефтяной базы на востоке СССР, выявилась в грозном 1941 году. В докладе В.М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) Волго-Уральская нефтегазоносная область получила символическое название «второе Баку». В новый нефтеносный район страны вошла и Куйбышевская область.

Концентрация нефтедобычи и нефтепереработки в южных регионах СССР (Бакинский, Грозненский, Майкопский районы) была опасна с геополитической точки зрения, на что указывал академик И.М. Губкин. «Природа наградила нас колоссальными богатствами нефти, – подчеркивал он, – но эти колоссальные богатства сосредоточены преимущественно на окраинах нашего Союза. Богатейший Бакинский нефтяной район расположен вблизи границ нашего Союза. Сравнительно недалеко от границ находится и другая обширная нефтяная область Северного и Северо-Западного Кавказа... Подобное географическое положение наших основных нефтедобывающих районов в случае осложнений в международных отношениях ставит их под угрозу нападения...» [31. Л. 2].

Крайне беспокоило это обстоятельство, особенно в связи с развернувшейся индустриализацией страны, и партийно-государственное руководство СССР. Необходимо было в кратчайшие сроки изменить географию нефтедобычи и нефтепереработки, максимально сократить транспортные перевозки нефти и нефтепродуктов на большие расстояния. От поставок донецкого угля, бакинской нефти в огромной степени зависела и Куйбышевская область, промышленность которой была ориентирована на привозное топливо.

Несмотря на повышение себестоимости добываемой нефти по сравнению с южными нефтепромыслами страны, на её более низкое качество, стратегический курс на ускоренное развитие нефтедобычи на востоке страны был определен и начал претворяться в жизнь. Но и нефтеразведка, и освоение запасов, несмотря на существенные достижения в освоении богатств второй нефтяной базы, шли недостаточно активно. В регионе «второго Баку» месторождения были с небольшими запасами, скважины – малопродуктивны. В 1940 г. на территории Куйбышевской области разведочное бурение составило лишь 2,7% от общесоюзного. Существовал явный перекоп в сторону эксплуатационного бурения в ущерб разведочному. Скважины бурились из-за твердости пород лучшими мастерами бурения от 8 мес. до 1,5 года. В результате накануне войны доля Волго-Уральского региона в общесоюзной добыче нефти составляла всего около 6%. Из них 220 тыс. тонн – лишь 0,7 процента от общесоюзной добычи – приходилось на Куйбышевскую область.

Нацистская Германия, обделенная природными ресурсами нефти, вела приготовления к нападению на Советский Союз. Её руководство исходило из того, что в Советском Союзе имелась только одна основная нефтяная база, находившаяся вблизи границ. Потенциал второй нефтяной базы СССР, которая только стала оформляться, фашистское командование при разработке планов нападения на СССР всерьез не учитывало.

В Barbarossa Fall – плане Барбаросса – предусматривался быстрый захват советской нефтяной промышленности. Захват Баку, Грозного, Майкопа с самого начала входил в число основных целей фашистской Германии. Проблема горючего стояла очень остро, и немцы возлагали большие надежды на захват нефтяных месторождений Кавказа и Закавказья. В июне 1941-го, за два дня до вторжения в Россию, А. Гитлер заявил: «То, чего нам не хватает, мы должны завоевать» [31, с. 96]. Германии для осуществления своих замыслов не хватало нефти.

Нефтяники Куйбышевской области в последний предвоенный год стремились ликвидировать отставание в выполнении плановых заданий, выйти из прорыва, в котором они оказались в 1940 году. Трест «Сызраньнефть» по итогам последнего мирного года оказался в числе четырех предприятий области, выполнивших план «от 50 до 59%».

Из 16 новых заводов, строившихся накануне войны в области, три – нефтеперегонный, долотный, газомотокомпрессорный – возводились для обслуживания нефтяной отрасли, но работы разворачивались на них крайне медленно.

Мероприятия по укреплению материально-технической базы, увеличению объемов добываемой нефти, проведению геолого-разведочных работ, улучшению жилищно-бытовых условий работающих намечались в тресте «Сызраньнефть» на следующий, 1941 год. Предусматривалось сдать в промышленную разработку Ставропольское месторождение, форсировать разведки Заборовской и Троекуровской структур с целью окончательного выявления их нефтеносности, разработать и внедрить методы, обеспечивающие эффективную борьбу с обводнением скважин, перевести на электрическую энергию все глубоконасосные установки.

На предприятиях треста «Сызраньнефть» весной 1941 г. был проведен общественный смотр оборудования. По инициативе комсомольцев треста, поддержавших почин сталинградцев, развернулась борьба за экономию и рациональное использование топлива, горюче-смазочных материалов, металла, электроэнергии. Совет женщин Сызранского нефтепромысла начал поход против грязи и захламленности в цехах, за повышение культуры производства, улучшение обслуживания рабочих. С руководителями контор и промкома велись переговоры о посадке весной молодых деревьев вокруг жилищ и промышленных зданий промысла. Через три месяца вопрос о посадке саженцев больше не поднимался. Он останется в той мирной жизни, которая у граждан нашей Родины закончится 22 июня 1941 г.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием на прочность Советского государства. В грандиозную борьбу с фашистскими захватчиками весомый вклад внесли и нефтяники нашей страны. Фронт и тыл, несмотря на все сложности военной обстановки, бесперебойно обеспечивались нефтью и нефтепродуктами. Исторически сложившиеся регионы размещения нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности страны к началу Великой Отечественной войны изменили, хотя и не очень существенно, свои границы. Открытие крупных месторождений нефти на востоке страны, в частности в Башкирии, Поволжье, позволило заложить здесь еще в довоенный период основы новой перспективной нефтяной базы, потенциал которой был в значительной мере использован в тяжелые годы войны. Природные богатства, поставленные на службу государству, сыграли свою особую роль в разгроме агрессора. «Даже в самые тяжелые дни войны, – писал в предисловии к книге «Нефтяной фронт» Н.К. Байбаков, – когда враг захватил ряд важных нефтедобывающих районов страны или находился на подступах к ним, благодаря небывалой воле к победе и устремленности в будущее страна нашла в себе силы для открытия и освоения новых нефтяных месторождений, создав знаменитое второе Баку в глубоком тылу. И это было совершено в самые короткие сроки» [2, с. 3-4].

Весомой частью «второго Баку» стала Куйбышевская (ныне Самарская) область. В военные годы здесь происходило быстрое развитие нефтяной промышленности, возникли новые отрасли – нефтеперерабатывающая и газовая. Они стали играть огромную роль в усилении мощи военно-промышленного комплекса, созданного в годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской области.

В 1941 году Куйбышевская область, находившаяся вдалеке от границ, в глубоком тылу, являлась одной из немногих территорий СССР, где велась нефтедобыча. Единственным крупным предприятием, осуществлявшим комплекс работ по разведке и добыче нефти, был трест «Сызраньнефть». Накануне нападения Германии на СССР трест «Сызраньнефть» входил в состав Главного управления нефтедобывающей промышленности Волжских районов (Главнефтедобыча Волжских районов) Наркомата нефтяной промышленности СССР. К числу ведущих нефтедобывающих предприятий отрасли он не относился. Ускорение его развитию придала начавшаяся война.

30 июня 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял решение об увеличении объема добычи и переработки нефти в восточных районах и Туркмении. Руководствуясь им, бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) в своем постановлении от 20 августа 1941 года определило ряд конкретных мер по увеличению добычи и переработки нефти в области. Объем суточной добычи нефти намечалось довести до 1100 тонн [8. Л. 4].

В августе 1941 года было принято постановление «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». Оно предусматривало существенное увеличение объемов эксплуатационного и разведочного бурения в восточных регионах, форсированное строительство в них НПЗ.

Эвакуированные предприятия (Одесский и Херсонский крекинг-заводы) принимала Сызрань. Сюда же эвакуировались специалисты-нефтепереработчики, прибывали южане-нефтяники. В Сызрань и Куйбышев, наряду с Уфой, была эвакуирована часть аппарата Наркомнефти. В конце июля 1941 г. Главное управление нефтедобывающей промышленности Волжских районов (Главнефтедобыча Волжских районов) Наркомнефти перебазировалось из Москвы в г. Сызрань [9. Л. 1]. 15 октября оставшаяся в Москве небольшая группа работников Наркомнефти во главе с наркомом И.К. Сединым переехала в Куйбышев. Как вспоминал начальник финансового отдела Наркомнефти И.М. Бройде, «15 октября 1941 г. группе предложили переехать в Куйбышев, куда во главе с В.М. Молотовым эвакуировался Совнарком» [4, с. 9; Л. 5]. В конце 1941 г. группа И.К. Седина вернулась в Москву.

В июле 1941 г. началась эвакуация Ленинградской комплексной геофизической экспедиции в г. Куйбышев и г. Саратов. В соответствии с условиями и требованиями военного времени Государственный союзный геофизический трест (ГСГТ) перенес центр тяжести геофизической разведки в районы Волго-Уральской провинции, куда направлялись люди и оборудование из западных областей СССР. Куйбышев принял Нефтяной геолого-разведочный институт (НГРИ), эвакуированный сюда из Ленинграда. Он стал с 1942 года основным местом базирования института.

26 февраля 1943 г. на основании решения СНК на базе НГРИ создан Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский институт (ВНИИ). 1 октября того же года организуется Восточное отделение ВНИИ в г. Куйбышеве. В 1944 г., ко времени реэвакуации института, его структура выглядела следующим образом: дирекция находилась в Москве и имелись два отделения института – Восточное в г. Куйбышеве и Ленинградское, расположившееся по старому месту прописки НГРИ, в Ленинграде. Общее количество тем, выполнявшихся в институте, было сокращено более чем наполовину, а выделяемые ассигнования увеличились на 15%. Основной объем проводившихся в военное время работ был связан с районами «второго Баку».

Первыми повышенное задание получили нефтяники треста «Сызраньнефть». С перестройкой его работы на военный лад в первые месяцы войны не все ладилось. Осенью 1941 г. был «снят наркоматом» управляющий трестом К.И. Астафьев. Обязанности возложили на Г.М. Рыжова, но и под его руководством повышенные плановые задания оказались невыполненными. В 1941 г. фактическая добыча нефти «составила 278958,6 тонны, или 94%, план бурения выполнен на 63,2%» [10. Л. 40]. Увеличение добычи нефти в 1941 г. по сравнению с предыдущим годом на 34% необходимо признать действительно успехом. Это был самый высокий уровень добычи нефти в тресте «Сызраньнефть» за военные годы.

В нефтяной промышленности с первых дней войны резко ухудшилась ситуация с рабочей силой, что отразилось и на тресте «Сызраньнефть». Нефтяники уходили защищать Родину. Занятых в нефтяной промышленности перестанут направлять на фронт только после выхода постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 22 сентября 1942 г. № 2327 «О переводе на время войны рабочих, служащих и инженерно-технических работников предприятий нефтяной промышленности на положение мобилизованных». На места ушедших в армию пришли женщины и молодежь. Женщины смогли практически освоить все «мужские» профессии. Далекими за пределами треста стали известны имена бурового мастера А. Парышневой, навалотбойщиц З. Боровиковой, Е. Евтишеевой, А. Афонинной, награжденных за свой нелегкий труд орденами и медалями. В коллективе треста «Сызраньнефть» удельный вес женщин вырос в два раза. В 1944 г. он составил 42%. До такой же цифры выросла доля новых рабочих. В основном это были женщины и подростки.

На основании приказа Народного комиссара нефтяной промышленности СССР от 3 июня 1942 г. руководителям предприятий нефтяной промышленности разрешалось «на период военного времени принимать для индивидуального и бригадного обучения и последующей работы на предприятии лиц, достигших 14-летнего возраста, при наличии у них медицинского заключения о состоянии здоровья» [7. Л. 35]. Подготовка квалифицированных кадров рабочих осуществлялась через учебный комбинат, открытый в г. Сызрани в 1940 г. Более широко практиковалось индивидуально-бригадное обучение, ставшее в период Великой Отечественной войны основной формой подготовки кадров. Специалистов-нефтяников продолжал готовить Сызранский горно-нефтяной техникум, который в 1945 г. стал называться нефтяным.

За годы Великой Отечественной войны, несмотря на колоссальные трудности, в Куйбышевской области в основном была реализована политика насыщения нефтяной отрас-

ли квалифицированными рабочими кадрами. Так, на предприятиях нефтяной промышленности за пять лет было подготовлено, главным образом за счет местного населения, около 5 тыс. новых квалифицированных бурильщиков, операторов, слесарей, плотников, каменщиков и рабочих других профессий. Кроме того, «получили квалификацию» почти шесть тыс. человек, большинство из которых пришло на нефтяные промыслы во время войны [29, с. 76]. Общая численность занятых в нефтяной промышленности области возросла с 3281 чел. в феврале 1941 г. до 13500 чел. в июле 1944 г.

Существенно пополнился коллектив нефтяников Куйбышевской области в годы войны за счет эвакуированных производственных коллективов из южных и западных областей СССР. Первая волна эвакуации связана с 1941 г., вторая – с 1942-м.

22 сентября 1942 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление «О мероприятиях по всемерному увеличению добычи нефти на Востоке». В связи с тем, что особое значение придавалось интенсивному развитию нефтяной промышленности на востоке страны, было решено в сжатые до предела сроки создать в районах «второго Баку» – в Башкирии, Куйбышевской, Оренбургской и Пермской областях, в Средней Азии и Казахстане – новые нефтяные промыслы, нефтеперерабатывающие заводы, чтобы возместить потери из-за временного прекращения деятельности украинских и кавказских нефтяников. Уполномоченным ГКО по перебазированию нефтяной промышленности кавказских районов на восток был назначен Н.К. Байбаков.

До 15 октября 1942 г. в районы Волги, Урала, Средней Азии и Казахстана должны были перебазировать из Азнефти, Грознефти, Майкопнефти большую часть рабочих и служащих, доставить буровое и эксплуатационное оборудование. В полном составе из Баку на восток страны были перебазированы все девять контор бурения, рабочие, инженерно-технический персонал, буровое оборудование, инструменты, строительные механизмы, нефтеразведочные и нефтестроительные тресты. Кроме того, из нефтедобывающих трестов эвакуировалось несколько сотен инженерно-технических работников, направлялось оборудование, станки, трубы, краны.

О том, насколько мощной была вторая волна эвакуации, можно судить исходя из приведенной таблицы.

Таблица

Распределение прибывающей рабочей силы по регионам на конец 1942 г.

[24. Л. 219]

Наименование нефтекомбинатов	Прибывают			
	С Кавказа	Мобилизован- ные	Прочие	Итого
1. Куйбышевнефтекомбинат	3000		5500	8500
2. Молотовнефтекомбинат	1010		4000	5100
3. Башнефтекомбинат	3000		4500	7500
Итого	7010		14000	21000

Люди, не привыкшие к суровому северному климату, снимались с родных мест и двигались навстречу трудностям. На нескончаемых дорогах они мерзли, болели и иногда умирали. В воспоминаниях Я.М. Агарунова, Н.К. Байбакова по-разному описываются их экипировка и продвижение на Восток. И в научной литературе, и в воспоминаниях фигурирует цифра в 10 тыс. бакинцев-нефтяников, переброшенных на восток. Около половины всех кадров, перебазированных из Азербайджана, направили в Куйбышевскую область [5, с. 70].

«Куйбышевнефтекомбинат» качественно преобразился за счет эвакуированных инженерно-технических и партийных работников, направленных сюда из «Азнефте-

комбината», «Грознефтекомбината» и «Майкопнефтекомбината». Всего по состоянию на 10 ноября 1942 г. в «Куйбышевнефтекомбинат» прибыло 278 инженерно-технических работников, в т.ч. в Бугуруслан 199, в Сызрань – 69 [25. Л. 14]. Они стали играть ключевую роль в развитии нефтяной промышленности двух областей – Куйбышевской и Оренбургской, получив назначение на ответственные должности.

Управляющим трестом «Сызраньнефть» на основании приказа народного комиссара нефтяной промышленности СССР от 15 сентября 1942 г. был назначен Анисимов Николай Владимирович, эвакуированный из треста «Хадыженнефть» «Майкопнефтекомбината». В 1945 г. он первым возглавит вновь созданное объединение «Куйбышевнефть» [6. Л. 170].

Основная тяжесть работы по наращиванию объемов нефтедобычи в Куйбышевской и Оренбургской областях в годы войны легла на плечи руководителей «Куйбышевнефтекомбината», который был организован на основании постановления СНК СССР за № 446 от 8 апреля 1942 года «Об организации нефтяных комбинатов в районах «Второго Баку» и частичном изменении организационной структуры Наркомата нефтяной промышленности» и приказа народного комиссара нефтяной промышленности от 9 апреля 1942 г. Созданные в Урало-Поволжье нефтяные комбинаты, в том числе «Куйбышевнефтекомбинат», повысили эффективность геолого-поисковых, буровых и промысловых работ, оказали положительное воздействие на деятельность нефтеперерабатывающих заводов, повысили оперативное руководство предприятиями нефтяной сферы. На них были возложены задачи ускоренного развития нефтедобычи и нефтепереработки, создания материально-технической и энергетической баз, кадрового обеспечения предприятий ИТР.

1943 год стал самым тяжелым для нефтедобывающей промышленности СССР. Объем добычи нефти снизился с 22 млн т в 1942 г. до 18 млн т в 1943 г., а в 1940 г. было добыто 31,1 млн т. Как видно из приведенных цифр, в 1943 г. положение с нефтедобычей в стране оставалось крайне тревожным: в целом добыча нефти не увеличилась, а снизилась. Для быстрейшего восстановления и увеличения мощности объектов нефтяной промышленности директивами ГКО была обозначена четкая линия: все основные материально-технические средства, а также наиболее квалифицированные кадры – геологов, бурильщиков, строителей – концентрировать в первую очередь в районах, где с минимальными затратами можно было достичь быстрого роста добычи нефти. К ним в 1942-1943 гг. относился район деятельности «Куйбышевнефтекомбината». Добыча нефти в Куйбышевской области существенно возросла: с 511 тыс. т в 1942 г. до 724 тыс. т в 1943 г. [21, с. 120; Л. 240 (об.)]. Её производство выросло в 1,5 раза. По сравнению с 1941 г., когда добыча нефти в Куйбышевской области составила 382 тыс. т, она увеличилась почти в 2 раза, а если сравнивать с 1940 г. (220 тыс. т) – более чем в три раза. Для сравнения: в 1943 г. в Башкирии было добыто нефти на 24% меньше, чем годом раньше. В целом Волго-Уральский район в 1943 г. произвел лишь на 153 тыс. т нефти больше, чем в 1942 г.

Война поставила перед куйбышевскими нефтяниками и такую неотложную задачу, как увеличение производительности действующего фонда нефтяных скважин без больших капитальных затрат. С этой целью особое внимание уделялось продлению срока службы действующих и максимальному сокращению количества бездействующих скважин. Исключительное значение придавалось обеспечению стабильности дебитов скважин и компенсации их естественного падения. Это достигалось путем ввода в действие простаивающих скважин, а также реализации таких технических мероприятий в области бурения новых скважин, которые гарантировали быстрый прирост добычи нефти. Большое внимание уделялось капитальному и текущему ремонту бурового и эксплуатационного оборудования промыслов, энергетического хозяйства.

Буровики в военное время научились бурить скважины скоростными методами; применяли способ осадки скважин сварными колоннами из старых обсадных труб; первыми в стране применили трехшарошечные долота, начали осваивать наклонно направленное бурение. Была разработана упрощенная конструкция фундамента для бурового оборудования, применен новый способ перетаскивания вышек, что позволило значительно сократить время их передвижки.

Промысловики стали обрабатывать забои скважин соляной кислотой с целью интенсификации нефтедобычи, использовали земляные нефтехранилища, научились ремонтировать днища резервуаров без применения металла, передвигать собранные резервуары на большие расстояния и т.д.

Заметный перелом в работе нефтяников области произошел летом 1943 года. В соответствии с решением Государственного Комитета Оборона от 8 июля 1943 г. и постановлением бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) от 28 июля 1943 года «О добыче нефти и выработке нефтепродуктов по Куйбышевнефтекомбинату в третьем квартале» был значительно увеличен объем эксплуатационного бурения. В августе промыслы Куйбышевского нефтекомбината достигли рекордных показателей по валовой добыче нефти, заняв второе место в Союзе [22, с. 156]. 1943 год вошел в историю нефтяной промышленности СССР как самый кризисный по нефтедобыче за весь период Великой Отечественной войны. Основной упор был сделан на увеличение добычи нефти в Волго-Уральском районе. Куйбышевский нефтяной комбинат шел в первых рядах из месяца в месяц, наращивая добычу.

В конце июля 1942 г. в докладной записке Куйбышевского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) констатировалось, что «по своим богатствам месторождения Самарской Луки занимают одно из первых мест в системе «Второго Баку» <...> Разведанный фонд скважиноточек по состоянию на 1 мая 1942 г. полностью обеспечивает разворот буровых работ на протяжении второй половины 1942 г. и всего 1943 г. <...> наиболее рентабельным является бурение на Ставропольском нефтепромысле, где начальные суточные дебиты скважин составляют 35 т и выше» [28, с. 361]. Месторождения, расположенные в районе Самарской Луки, на протяжении 130 километров тянулись от г. Сызрани к Ставрополю и далее на восток. Из 15 обнаруженных в 1944 г. структур промышленная нефтеносность была установлена на 5 площадях: Сызранской, Ставропольской, Заборовской, Губинской и Зольненской. Эти месторождения считались сравнительно малодобитными и однопластовыми. Разрабатывалась лишь угленосная свита. Дебиты скважин, с точки зрения нефтяников той эпохи, были небольшими и составляли 15-30 тонн в сутки.

«В первой половине 1944 года в результате разведочных работ, проведенных в Ставропольском – Зольненском районах, – напишет в одной из справок Я.М. Агарунов, курировавший в Куйбышевском обкоме ВКП(б) нефтяную отрасль, – получены новые данные, коренным образом изменившие представления о месторождениях Поволжья.

Установлено, что месторождения, расположенные к востоку от Сызрани, отличаются нарастанием мощности песчаных коллекторов и увеличением этажа нефтеносности с 15 метров в Сызранском районе до 35 метров в Зольненском. С этими особенностями коллекторов связан рост продуктивности скважин нефтяных месторождений восточной части Самарской Луки. По горизонту Б2 в районах Сызрани дебиты составляют до 15 тонн нефти в сутки, по мере продвижения на восток в районах Ставрополя дебиты возрастают до 50-60 тонн, и наконец в Зольном – до 200 тонн нефти в сутки. Эти выводы подтверждены введенными в эксплуатацию разведочными скважинами на Зольненском месторождении, по которым с глубины 1100 -1150 метров получены фонтаны с дебитами 180-200 тонн чистой нефти в сутки» [11. Л. 68]. Кроме уже известного нефтяного горизонта Б2, разработка которого на Сызранском нефтепромысле началась еще в 1937 году, на Зольненском месторождении нефть нашли в верейских отложениях, нефтеносность которых ранее не была известна.

Открытие Зольненского месторождения неразрывно связано с историей разведочной скважины № 1. В декабре 1943 г. она была введена в эксплуатацию. Об открытии Зольненского месторождения, об исторической скважине № 1 31 мая 1946 г. появилось небольшое сообщение в газете «Волжская коммуна». В нем говорилось: «В конце 1943 года в Жигулевских горах, в Зольном овраге, было открыто новое богатейшее месторождение. За это открытие коллективу была присуждена государственная премия в 500 тысяч рублей. О богатых источниках нефти на этом месторождении говорит такой факт: только одна скважина № 1 за два последних года дала 160 тысяч тонн нефти».

Ставропольский нефтепромысел в 1944 году отличился еще раз, приобретая известность благодаря открытию девонской нефти. Фонтанная нефть из девонских отложений была получена здесь впервые в Советском Союзе. Это открытие стало эпохальным событием, которое отодвинуло на второй план нефть Зольненского месторождения, полученную из угленосной свиты.

1944-й стал первым годом за время Великой Отечественной войны, когда было предотвращено падение добычи нефти, имевшее место в СССР течение трех лет. Получен незначительный прирост по сравнению с 1943 годом. Он составлял всего 1,5%, но эти скромные цифры зафиксировали самое главное – увеличение добычи! Нефтяная промышленность Куйбышевской области (без результатов деятельности Сызранского НПЗ) также не только выполнила, но и на 2,6% перевыполнила план 1944 года. Его перевыполнение стало возможным за счет перекрытия плановых показателей Ставропольским нефтепромыслом, выполнившим план на 128,6% и сдавшим в «фонд Главного Командования сверхплановой продукции на 1185 тыс. руб.» [12. Л. 112]. Разработка девонских отложений на нефтепромыслах Волго-Уральской нефтегазоносной провинции станет мощным фактором ускоренного развития нефтяной промышленности страны.

Проблема обнаружения девонской нефти возникла с начала освоения нефтяных месторождений Урало-Поволжья. На Самарской Луке первая разведочная скважина бурилась под Сызранью в 1931-1934 гг. с целью выявления нефтеносности девона и явилась первой скважиной, вскрывшей девон в платформенной части «второго Баку». Эта скважина вскрыла лишь верхнедевонские отложения, где по всему разрезу наблюдались признаки нефтеносности в виде включения битумов, нефтяного запаха и проч. Были отмечены нефтепроявления в верхнедевонских отложениях не только в скважине № 401, но и в 402. Однако отсутствие в верхнем девоне промышленных скоплений нефти наряду с открытием залежей в более высоких стратиграфических горизонтах палеозоя «второго Баку» обусловило ориентирование дальнейшей разведки в основном на эти последние. При этом проблема поисков нефти в девоне никогда не снималась.

В 1940 г. была закончена бурением разведочная скважина № 49 в районе г. Сызрани, впервые на платформе прошедшая всю толщу девона и вскрывшая на глубине 1570 м кристаллический фундамент. В интервале 1520-1530 м на поверхность был поднят керн, среди которого оказался кусочек песчаника объемом 5 см, сильно и равномерно пропитанный нефтью. Инженер-геолог Сызранской конторы бурения Н. Бабкин сделал вывод: «Вопрос о наличии нефти в девоне можно считать решенным – нефть в девоне есть» [1]. И все же о промышленном значении девонской нефти на основании достаточно скудного материала судить было невозможно. Были только прогнозы. Г.М. Рыжов писал: «Неудача на скважине № 49 не может предопределять дальнейшую судьбу нефти в отложениях девонского возраста. Нефть в девоне есть, ее нужно быстрее разведать и заставить новые мощные горизонты легкой нефти служить на благо нашей Родины...» [23, с. 37]. Ее поиски не прекращались. С 1939-го по первое полугодие 1943 года на Сызранской и соседней Заборовской площадях треста «Сызраньнефть» было пробурено 9 разведочных скважин на девон. В связи со слабыми проявлениями нефтеносности три скважины, которые вскрыли кристаллический фундамент, не были даже испытаны. И вновь ожидания не оправдались.

29 февраля 1944 г. бюро Куйбышевского обкома ВКП(б), обсуждая вопрос о подготовке новых нефтяных площадей, в том числе по Ставропольскому нефтепромыслу, приняло историческое решение: «пробурить в Яблоновом овраге скв. № 41 на девонские отложения и в первом полугодии проверить наличие промышленной нефтеносности в девоне по этой скважине» [13. Л. 241 (об)]. Девонскую нефть открыла разведочная скважина № 41. Ее бурила бригада известного мастера В.А. Ракова. Первая в СССР девонская фонтанная скважина № 41 «вошла в эксплуатацию из нижнего 13-метрового пласта с фонтаном до 250 тонн чистой нефти в сутки» [14. Л. 132]. Произошло это историческое событие 9 июня 1944 года. Открытое месторождение оказалось многопластовым. Скважина № 41 вскрыла три нефтяных пласта общей мощностью 25 метров. 31 августа 1944 г. вторая эксплуатационная скважина № 36, которую пробурил мастер А. Сабирзянов, также вступила в эксплуатацию с суточным дебитом 160 тонн девонской нефти. Затем была углублена на девон еще одна эксплуатационная скважина № 57 (буровой мастер Вальков), которая вошла в фонд действующих.

С открытием девонской нефти начинается новый качественный скачок в развитии нефтяной промышленности Куйбышевской области. Вскоре последует череда открытий девонской нефти в Башкирии, а несколько позже – в Татарии. Волго-Уральская НГП начнет стремительно вырываться по запасам в лидеры страны.

Мощные фонтаны нефти, полученные из горизонта Б2 в Зольном и девонского горизонта в Яблоновом Овраге, стали основной предпосылкой для преобразования Ставропольского укрупненного нефтепромысла в трест «Ставропольнефть» в марте 1945 года. Его управляющим был назначен В. Раков (однофамилец знатного бурового мастера). В 1945 году трест вышел на лидирующие позиции, а «его удельный вес в общей добыче нефти возрос к концу года до 44,3%, а в марте 1946 г. – до 54,8%» [15. Л. 76]. Нефтяники освоили прогрессивные методы бурения – турбинный, направленный, кустовой. Куйбышевские мастера скоростного бурения В.А. Раков, А.К. Сабирзянов, Г.Д. Толстоухов, И.В. Кузнецов и другие добились высоких показателей (более 900 м на станок в месяц при средней скорости 120-250 м). Применение новых способов бурения стало одним из решающих факторов ускорения разработки девонских месторождений, расположенных в Жигулевских горах.

В 1944 году начался процесс разукрупнения Куйбышевского нефтяного комбината – из его состава выведен трест «Бугурусланнефть».

Сложное положение в последние годы войны сложилось в «Куйбышевнефтекомбинате». И люди, и оборудование работали на износ. Те нагрузки, которые выдерживали люди, были не под силу механизмам, требовавшим ремонта. Так, например, из 84 буровых станков, имевшихся в «Куйбышевнефтекомбинате» в июле 1944 г., пригодными к работе оставались лишь 24; 33 станка требовали капитального ремонта, 27 – разуккомплектованы. Вопрос о восстановлении и ремонте бурового оборудования в нефтяной промышленности подвергся специальному рассмотрению на заседании бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) от 14 июля 1944 года. На нем констатировалось, что большая часть буровых станков и оборудования пришли в негодность, а имевшиеся механические мастерские на полную мощность не использовались. Прозвучала критика и в адрес Сызранского ремонтно-механического завода, введенного в эксплуатацию в сентябре 1943 года. Он за это время так и не смог наладить серийный выпуск запасных частей для ремонта бурового оборудования [16. Л. 14]. Начало становлению завода было положено постановлением ГКО, увидевшим свет в ноябре 1942 г. Перед коллективом ремонтно-механического завода ставится задача: изготовление запасных частей для бурового и промыслового оборудования нефтяных предприятий Востока. Первым директором РМЗ был назначен Исмаил Абульфатович Султанов. Главная задача, поставленная перед коллективом, – освоение выпуска задвижек различного диаметра для

промыслов. На 1 января 1944 года численность персонала завода достигла 201 человека, из них 154 – женщины. Несмотря на все трудности, к этому времени коллектив уже сумел освоить производство более ста наименований запасных частей. В сравнительно короткое время удалось освоить серийный выпуск технологически сложных для тех условий изделий. Подействовала и критика со стороны Куйбышевского обкома. В декабре сорок четвертого коллектив рапортовал о досрочном выполнении годового плана [27, с. 16-17]. На протяжении всех военных лет завод изготавливал и поставлял предприятиям бурения и нефтедобычи запасные части к буровому и нефтепромысловому оборудованию. Он стал первым предприятием нефтяного машиностроения, созданным в нашей области.

1942 год, один из самых критических в истории Великой Отечественной войны, ознаменовался появлением в Куйбышевской области новой, стратегически важной отрасли промышленности – нефтеперерабатывающей. Ее первенцем стал Сызранский нефтеперерабатывающий (нефтеперегонный) завод. В его сооружение коррективы внесла начавшаяся война. В июне 1941 г. направление строительства завода было изменено. Первоначальный проект сооружения НПЗ в течение второго полугодия 1941 г. менялся пять раз, что отразилось на ходе проектирования и строительства завода. Строительство форсировалось на базе оборудования, вывезенного с заводов Херсона и Одессы. В «Справке о восстановлении эвакуированных предприятий за 1941 и 1942 г. по Наркомнефти» говорится о «крекинг-заводе г. Херсон», восстановленном в г. Сызрани. О том, на какой базе восстановлен, ответ дается достаточно четкий: «На площадях, подготовлявшихся для нефтезавода другой конструкции» [26. Л. 227]. Крекинг-завод был восстановлен в течение 8 месяцев вместо положенных для мирного времени 2,5 лет.

С 15 июля 1942 г. Сызранский нефтеперерабатывающий завод приступил к выпуску продукции. Строительные работы были осуществлены трестом «Востокнефтьстрой». 20 июля 1942 г. с крупными недоделками в промышленной аппаратуре и сооружениях завод вступил в промышленную эксплуатацию. В докладной записке, направленной 25 июля того же года в ЦК ВКП(б) и СНК СССР секретарем Куйбышевского обкома ВКП(б) Никитиным В.Д., ставился вопрос об ориентации завода на переработку сызранской нефти, т.к. завод работал на привозном сырье. Осенью 1942 г. в кратчайшие сроки к новому заводу был проложен нефтепровод от Сызранского и Ставропольского нефтяных месторождений.

С октября 1942 года, когда резко сократился подвоз бакинского мазута, на заводе стали крекировать местную сернистую нефть с большим содержанием солей. Разработанного технологического режима не было, а это приводило к массе нарушений и ошибок, кончавшихся выведением аппаратуры из строя. В июне 1943 г. была пущена в эксплуатацию шестикубовая батарея, смонтированная из оборудования Туапсинского, Херсонского и Одесского заводов.

В июне 1945 г. заместитель секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) Я.М. Агарунов отмечал, что завод вступил в эксплуатацию в августе 1942 г. с месячной выработкой 4000 тонн бензина, увеличив выработку бензина, которая стала «на 30% больше проектной мощности» [17. Л. 343]. Всего с момента пуска завода до июня 1945 г. на Сызранском НПЗ было переработано 965 тыс. тонн сырья; получено бензина 281 тыс. тонн, мазута – 564 тыс. тонн, пиролизного сырья – 58 тыс. тонн. Среднемесячная выработка бензина повысилась с 3672 тонн в 1942 году до 9266 тонн в 1945 году, т.е. на 252%. В годы войны завод был засекречен. Больше известен как номерной № 418, однако до 22 июня 1943 г. значился как завод № 96.

Свой вклад в укрепление нефтеперерабатывающей отрасли Куйбышевской области внесли и США, направившие в годы Великой Отечественной войны оборудование и технологические установки с одного из демонтированных в стране заводов в г. Куй-

бышев. Поставки осуществлялись по ленд-лизу. 21 августа 1943 г. на основании постановления ГКО № 3961 Наркоматом нефтяной промышленности СССР издан приказ о начале строительства крекинг-завода в районе г. Куйбышева. С сентября того же года развернулось сооружение завода № 443. 8 сентября 1945 г. пущены первые установки ЭЛОУ-1 и ККУ-1, получен первый бензин А-56.

Если 1942 г. положил начало нефтеперерабатывающей промышленности, то следующий 1943 год стал временем зарождения в Куйбышевской области газовой промышленности. Она уверенно заявила о себе после сооружения в 1942-1943 гг. газопровода Бугуруслан-Куйбышев, который дал предприятиям Куйбышева дешевое, экологически чистое топливо. В первую очередь тем из них, которые выполняли заказы фронта, приближали День Победы. За его сооружение отвечал наркомат нефтяной промышленности СССР.

Широкое использование газа для нужд промышленности началось в СССР только в годы Великой Отечественной войны. Первыми городами Советского Союза, в которых природный газ стал широко использоваться в промышленных целях, стали Куйбышев и Саратов.

О богатейших запасах природного газа в Бугурусланском районе Чкаловской области, граничащем с Куйбышевской областью, было известно еще до войны. Проект газопровода Бугуруслан – Куйбышев появился в 1940 году, но он остался на бумаге. В 1942 году недалеко от Бугуруслана под руководством В.П. Савченко и В.М. Алешинского было открыто крупное месторождение с запасом, оценивающимся в сотни миллионов кубометров газа. 7 апреля того же года ГКО СССР принял решение о строительстве газопровода Бугуруслан – Куйбышев. В соответствии с ним на основании приказа народного комиссара нефтяной промышленности от 10 апреля 1942 года газопровод планировалось «закончить строительством» в декабре того же года.

В мае 1942-го было организовано управление строительством газопровода Бугуруслан – Куйбышев. Необходимо было построить газосборную сеть протяженностью 45,5 км, головные сооружения, проложить основную магистраль газопровода длиной в 144 км. Работы по газосборной сети и головным сооружениям вел трест «Азнефтегазстрой».

При планировании прокладки газопровода Бугуруслан – Куйбышев исходили из того, что более 60 процентов труб будут асбоцементными, остальные – металлическими. Срок поставки асбоцементных труб наркоматом стройматериалов, установленный ГКО СССР (май-июнь 1942), был сорван.

Руководили строительством газопровода Н.В. Черский, Д.А. Коган и И.Н. Дарчиев. Трест «Азнефтегазстрой» возглавлял М.Г. Данилов. Они разрешали многочисленные организационные вопросы и делали все, чтобы завершить строительство газопровода в установленные сроки. Основной исполнитель работ, стройуправление № 11, имело в своем составе четыре линейных конторы. Из 1900 человек, занятых в них на 20 октября 1942 года, 1400 являлись заключенными [18. Л. 9 (об)]. К осени 1942-го стало очевидно, что задание ГКО по окончанию строительства газопровода Бугуруслан – Куйбышев находится под угрозой срыва.

В сентябре 1943 года газопровод Бугуруслан – Куйбышев был сдан в эксплуатацию. В справке, датированной 10 ноября 1943 года, говорилось: «Газопровод Похвистнево – Безымянка протяжением 165 км пущен в эксплуатацию в сентябре месяце т. г. и в настоящее время подает газ потребителям в количестве до 220 тыс. куб. м в сутки или 9 тыс. куб. м в час» [19. Л. 4]. В первую очередь газ был подан на Безымянскую ТЭЦ. В общем топливном балансе БТЭЦ доля газа повысилась с 9,4 процента в сентябре 1943 года до 52,5 процентов в июне 1944-го.

Магистральный газопровод Бугуруслан – Куйбышев с многочисленными недоделками был принят в эксплуатацию комиссией Управления газопередачи 15 января 1944 года.

Необходимо подчеркнуть исключительную сложность проведенных работ. В тяжелых условиях военного времени строители ввели в строй компрессорный блок, сепараторные высокого и низкого давления, химводоочистку, водозабор, газосборный коллектор, четыре дюкера через реки, три – через магистральные пути, три – через озера и болота с 16 колодцами, газораспределительный пункт и другие сооружения. Впервые в СССР на 21 километровой отрезке были использованы асбоцементные трубы вместо металлических.

Государственный план по добыче газа, установленный тресту «Куйбышевгаз» на 1944 год «в количестве 200 миллионов кубометров», был выполнен 11 декабря 1944 года. В том же году за счет применения газа было сэкономлено до 200 тыс. т привозного угля. Почти полностью было снято потребление угля и мазута на 18 заводах Куйбышева и частично на Безымянской ТЭЦ. В январе 1945 года были газифицированы уже больше сотни предприятий, примыкающих к трассе газопровода. В 1945 году природный газ пришел на Куйбышевскую ГРЭС.

История сооружения газопровода Бугуруслан – Куйбышев со временем обросла рядом мифов. Первый из них – «о всенародной стройке» (на самом деле использовался в значительной мере труд заключенных, колхозников, горожан, привлеченных в порядке исполнения трудовых обязанностей). Второй – об использовании для прокладки газопровода асбоцементных труб на последнем участке трассы как удачно найденном выходе из сложившейся ситуации с обеспечением стройки трубами (в самом начале строительства планировалось применить до 60 процентов асбоцементных труб от их общего количества, но их не смогли вовремя выпустить и поставить на стройку). Третий – об открытии газового месторождения под Бугурусланом в 1942 году (нефтегазовые месторождения были обнаружены под Бугурусланом в 1939-1940 годах). Не были до настоящего времени обнародованы и данные о разработке проекта газопровода Бугуруслан – Куйбышев в 1940 году. Соответственно складывалось мнение, что работа над ним началась с чистого листа бумаги в годы войны.

Мифы появляются тогда, когда искажаются или не обнародуются факты реальной истории. «Газопровод Бугуруслан – Куйбышев, – был уверен известный специалист газовой отрасли Ю.И. Боксерман, – можно считать началом бурного развития нашей газовой промышленности» [3, с. 81].

Шла война, но продолжалась и жизнь. Те, кто трудился во имя Победы, занимались и будничными, мирными делами. В ноябре 1942 г. бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) одобрило инициативу коллективов Сызранского и Ставропольского нефтепромыслов Куйбышевского нефтекомбината «по выработке соли из буровых вод». На декабрь с точный план выработки соли должен был составить на Сызранском нефтепромысле 2 тонны, на Ставропольском – 0,4 тонны [20. Л. 69]. Соль также являлась «стратегическим» продуктом для тех, кто находился в тылу.

В марте 1943 г. руководство Куйбышевского нефтекомбината в связи с увеличением численности рабочих, занятых в нефтяной промышленности, до 14 тыс. человек, обратилось в ВЦСПС с просьбой создать областной комитет профсоюза рабочих нефтяной промышленности Востока «с местонахождением в г. Куйбышеве».

В феврале 1943 г. в г. Сызрани открыт Дом нефтяников. Весной того же года около 4000 семей нефтяников получили землю под огороды. Им было выделено свыше 450 га. Возобновился выход газеты «Сызранский нефтяник». В конце того же года в Промышленном районе г. Сызрани был открыт детсад для детей фронтовиков. Одним из его шефов стала транспортная контора треста «Сызраньнефть».

1944 и 1945 годы стали победными и для нефтяной промышленности Куйбышевской области. Был досрочно выполнен план 1944 года. Прирост по сравнению с 1943 годом составил 22,1%. Свой вклад в повышение производительности труда внесли со-

циалистическое соревнование, стахановское движение. Эти формы воздействия на массы, управления ими в годы Великой Отечественной войны наполнились более глубоким содержанием.

В нефтяную промышленность области за годы войны вложено около 250 млн рублей. В военные годы в области родилась газовая индустрия. В 1942-1943 гг. построен самый крупный для того времени и первый в стране дальний магистральный газопровод Бугуруслан – Куйбышев.

Однако нефтяники в годы войны работали в тяжелейших условиях. Особенно это касалось «спецконтингента» – тех, кто пришел на промыслы не по своей воле.

В 1945 году завершит свою историю Куйбышевский нефтяной комбинат. Переход страны на мирные рельсы повлечет за собой и реорганизацию управления нефтяной промышленностью. На смену Куйбышевскому нефтяному комбинату придет объединение «Куйбышевнефть».

В мае 1945 г. закончится Великая Отечественная война. В развитии нефтяной промышленности Куйбышевской области произойдут качественные изменения. Добыча нефти в 1945 году по сравнению с 1940 годом увеличится в 4,7 раза. В области будут вновь созданы два нефтедобывающих треста – «Кинельнефть» и «Ставропольнефть»; четыре новых нефтяных промысла – Заборовский, Зольненский, Губинский, Похвистневский; два нефтеперерабатывающих завода – Сызранский и Куйбышевский, два ремонтно-механических завода. Резко вырастет численность занятых в нефтяной отрасли.

За сухой констатацией фактов – напряженный труд нефтяников Куйбышевской области, рабочих и инженерно-технических работников, прибывших в Поволжье с эвакуированными предприятиями с юга и из западных областей СССР, отраслевых, партийных и советских руководителей. Их усилиями в 1945 г. Куйбышевский нефтяной комбинат займет второе место после Башкирского по нефтедобыче в России.

Нефтяной комплекс, созданный в годы Великой Отечественной войны, станет главным итогом развития нефтяной отрасли в 1941 – 1945 гг. Успехи, достигнутые в военные годы, будут закреплены и намного превзойдены в послевоенные десятилетия.

Литература

1. Бабкин Н. Девонская нефть // Сызранский нефтяник. 1940. 19 июля.
2. Байбаков Н.К. Нефтяной фронт. М.: Газоил пресс, 2006. 92 с.
3. Боксерман Ю.И. Невидимые магистрали // Знамя. 1975. № 7. С. 61-110.
4. Бройде И.М. Деятельность штаба нефтяной промышленности в годы Великой Отечественной войны // Из истории нефтяной и газовой промышленности СССР (воспоминания ветеранов войны и труда). Спец. вып. М.: ВНИИОЭНГ, 1995. С. 5-15.
5. Будков А.Д., Будков Л.А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., Недра, 1985. 248 с.
6. Ведомственный архив ОАО «Самаранефтегаз». Личные дела на «А». Д. 36.
7. Государственное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» (далее – ГУ «ГАОО»). Ф.Р-838. Оп. 2. Д. 1.
8. Государственное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (далее – ГУСО «СОГАСПИ»). Ф. 656. Оп. 5. Д. 89.
9. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 19. Д. 35.
10. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 6. Д. 29.
11. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 26. Д. 36.
12. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 24. Д. 33.
13. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 8. Д. 9.
14. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 23. Д. 31.
15. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 25. Д. 8.
16. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 8. Д. 70.

17. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 24. Д. 33.
18. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 20. Д. 6.
19. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 35. Д. 154.
20. ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 6. Д. 101.
21. Иголкин А. Новая «столица» советской нефтедобычи // Нефть России. 2007. № 7. С. 119-122; ГУСО «СОГАСПИ». Ф. 656. Оп. 8. Д. 9.
22. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 3. М., 1961. 662 с.
23. Цит. по: Курашев А. Куйбышевская нефть. Из истории развития нефтяной промышленности области. Куйбышев: Куйбыш. кн. изд-во, 1969. 238 с.
24. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 493.
25. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 429.
26. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 493.
27. Усинцев Ю. Начиная завод с мастерской // До и после Победы. К 60-летию ОАО «Нефтемаш». Сызрань, 2003. С. 16-21.
28. Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. 512 с.
29. Томашпольский Л.М. Куйбышевская нефть. Куйбышев: Огиз; Куйб. обл. изд-во, 1947. 95 с.
30. Филиал Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самаре (далее филиал РГАНТД в г. Самаре). Ф.Р-314. Оп. 2-1. Д. 6.
31. Цит. по: Экономидес Майкл, Рональд Олини. Цвет нефти. Крупнейший мировой бизнес: история, деньги и политика/ Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2004. 256 с.

УДК 379.85

© 2012 Савинкова Р.А.

ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В САМАРЕ В 20-е гг. XX в.

В статье на основе документов и архивных материалов автор показал причины, процесс зарождения и особенности самостоятельного туризма, а также тенденции развития экскурсионной практики и роль краеведческого движения, местных партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в формировании туристско-экскурсионного пространства Самары в 20-е гг. XX в.

Ключевые слова: экскурсия, туризм, краеведение, экскурсионное бюро, низовые ячейки, массовый самостоятельный туризм, экскурсия-конференция, политико-воспитательная и просветительская работа.

После революции наблюдались трудности в развитии туризма и экскурсионного дела. Отсутствие единого организационного центра при востребованности этого направления создало условия, при которых различные органы и организации занимались туристско-экскурсионным делом. В силу того, что эти организации действовали разобщенно, у них не было целостного представления о целях и задачах туризма и экскурсий, трактовка туризма и экскурсий была различной.

Специальная терминология существует в любой отрасли. Туристская терминология исторически изменчива и, как правило, достаточно верно улавливает и отражает закономерности развития общества, а, следовательно, и тот социальный заказ, который общество предъявляет к этой сфере в разные периоды. С момента зарождения индустрии туризма термины «путешествие», «туризм» и «экскурсия» не имели четкой дифференциации, их смешивали в одно – «туризм» [1, с. 48]. Одни рассматривали туризм как часть экскурсионной деятельности. Другие считали туризм составным элементом физкультуры, третьи по-

лагали, что туризм – это увеселительные прогулки во время отпуска, четвертые видели основную задачу туризма в ознакомлении с родным краем.

То же самое происходило и с термином «экскурсия». Экскурсией называли и собственно экскурсии в современном понимании этого слова, и научно-исследовательские экспедиции, и дальние путешествия. Зачастую экскурсию считали частью учебной деятельности, одной из форм урока или частью внеклассной воспитательной работы с учащимися. В 20-е годы XX в. шел процесс поиска идеологической ниши для экскурсионной работы среди взрослого населения. Анализируя архивные документы, можно выделить несколько направлений этих поисков. Экскурсии рассматривались:

1. в рамках краеведческой работы;
2. как политико-воспитательная и просветительская работа среди населения;
3. экскурсия – конференция как форма губполитпросветработы [2, Л. 149].

Экскурсия как самостоятельная часть туризма стала рассматриваться гораздо позднее. Только к концу 20-х – началу 30-х гг. XX в. происходит уточнение туристско-экскурсионной терминологии.

Но не только эндогенные факторы определяли развитие туристско-экскурсионной деятельности, важную роль играли и экзогенные факторы. Особенности исторического развития в 20-е гг. XX в. сказались на содержании и методологии туризма и экскурсионной деятельности в Самаре. Это связано с экономическим и политическим развитием страны в целом. После революции и гражданской войны материально-техническая база гостиничных предприятий оказалась разрушенной, а они сами были национализированы. В Самаре осталось только шесть гостиниц, находящихся в ведении коммунального хозяйства, которые обслуживали приезжающих по командировочным удостоверениям. В этих условиях массовый организованный туризм был невозможен, поэтому получил распространение самодеятельный туризм, не требующий развитой гостиничной базы.

Серьёзное влияние на развитие туризма и экскурсий оказало краеведение. В первые годы советской власти краеведческое движение развивалось более быстрыми темпами, чем в дореволюционный период, и превратилось в важное явление общественной жизни страны. Период с 1917 по 1927 г. называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения [3, с. 11-27]. Краеведение в 20-е гг. XX в. стало массовым научно-культурным движением, так как его считали важной сферой культурно-просветительской политики партии и правительства. К краеведческому движению старались приобщать широкие слои населения, особенно учащуюся и студенческую молодежь.

Необходимо также отметить тесную связь краеведения 1920-х годов с академическими учреждениями и университетами и учебными заведениями. Примером этого могут служить следующие факты. Самарское археологическое общество при Самарском государственном университете использовало экскурсии как форму изучения Самарского края. Как указано в архивных документах, летом 1919 года была организована экскурсия на Барбошину Поляну на археологические раскопки [4, Л. 26]. С познавательными целями также организовывались краеведческие экскурсии для слушателей Самарского городского народного университета [4, Л. 1]. При Самарском строительном техникуме в 1924 г. был открыт кружок по изучению промышленности и техники Самарской губернии, который начал работу с экскурсионного осмотра и изучения Самарского железнодорожного моста через р. Самару. Был намечен план целого ряда подобных экскурсий [5]. Хотя можно отметить, что эти экскурсии больше напоминали экспедиции, поскольку непременно предполагали наличие исследовательских задач и их решение.

В 1919 г. при Самарском государственном университете было организовано Общество археологии, истории, этнографии и естествознания, занимавшееся изучением Самарского края, члены которого не только читали лекции, но и публиковали работы по различным вопросам истории, этнографии, природы региона.

Силами сотрудников Общества археологии, истории, этнографии и естествознания Самарского государственного университета под руководством Павла Александровича Преображенского составляется и публикуется путеводитель по Самаре на 1925 и 1926 годы. Павел Александрович Преображенский был одним из тех, кто стоял у истоков экскурсионного дела в Самаре. Его работы, написанные в 20-е годы XX столетия, интересны тем, что не только содержат материал по краеведению, но и предлагают экскурсионные и туристские маршруты по Самаре и её окрестностям. Это работы «Предварительная беседа к экскурсиям по старой Самаре и общий план экскурсии» (1923), «Исторические очерки Самарского края» (1924), «Краеведение как один из видов областной работы» (1926), «Поездка по Волге: Самара – Царевщина – Ширяево. Пособие для экскурсий – школьных, профсоюзных, клубных, краеведческих» (1926), «Рассказ о том, как дедушка Степан Иванович был мальчиком, ездил в Самару, и что в Самаре видел и слышал» (1928). В 30-е годы он консультировал М.А. Емельянова, во время написания последним книги о Жигулёвской кругосветке. В то же время необходимо отметить, что в работах П.А. Преображенского отсутствует методика разработки, организации туристских и экскурсионных маршрутов и проведения экскурсий по Самаре и области. А маршруты как туристские, так и экскурсионные предлагались с целью изучения края.

В первом путеводителе советских времён давались необходимые сведения о расположении средств размещения, предприятий питания, транспорте, культурно-развлекательных учреждениях, местах отдыха и т.д. Приезжающих предупреждали о том, чтобы они были бдительны и присматривали за своими вещами, так как «самарские карманники весьма искусны и подчас отважны» [6, с. 17].

В путеводителе также были описаны маршруты для знакомства с Самарой и её окрестностями. Это были маршруты пешеходные, с использованием трамвая и смешанные, специально разработанные для тех, кто самостоятельно хотел познакомиться с городом. Маршруты по городу были проложены с учётом расположения наиболее интересных объектов, к которым давались краткие комментарии. Также предлагались загородные маршруты. Это были поездки на дачи на теплоходе до Барбошиной Поляны и до Красной Глинки или на трамвае до четвёртой дачной просеки (ныне ул. Советской Армии).

В 1926 году в Самаре Губернский совет профессиональных союзов (ГСПС) при Губполитпросвете ГубОНО создаёт экскурсионное бюро [7, с. 42]. Значительную поддержку экскурсионному бюро оказывало Общество археологии, истории, этнографии и естествознания. Совместно они разрабатывают маршруты экскурсий по краю. Впервые информация о них была опубликована в 1927 году. Всего было выпущено три таких указателя. Предлагались экскурсии по Самаре, на промышленные предприятия, на предприятия связи и транспорта, освещалась культурная жизнь города, предлагались маршруты по окрестностям г. Самары и по Самарской губернии. Каждый маршрут имел свой порядковый номер [8, с. 7-15]. В 1928 г. вышел второй указатель экскурсий с изменениями маршрутов. Как указывалось в нем, «переработка указателя коснулась главным образом маршрутов, трудно выполнимых по чисто техническим условиям (...Самара – Новинки – Шелехметь или Самара – Подгоры – Гаврилова Поляна), или маршрутов, лишенных значительной экскурсионной ценности и интереса (...лаборатории губздрава, губмедторга)» [9, с. 3-4].

Необходимо отметить, что экскурсионное бюро не организовывало экскурсии, а только оказывало консультационную помощь, предоставляло научных руководителей и руководителей по физкультуре. Кроме экскурсий бюро организовывало массовые загородные прогулки. Также экскурсионное бюро помогало в организации дальних поездок в другие города и области. Для проведения экскурсии необходимо было за неделю

до мероприятия дать заявку по установленной форме, где указывались название организации и её адрес, число экскурсантов, их образовательный уровень, номер маршрута по указателю, время проведения экскурсии, а также фамилия ответственного организатора. Перед экскурсией обязательно проводились беседа по теме экскурсии и инструктаж о правилах поведения во время экскурсии.

Проблеме охраны окружающей среды во время экскурсий или выезда на природу уже тогда придавалось большое значение. В пособии П.А. Преображенского приведены правила поведения экскурсантов, где указывалось не только то, как подготовиться к экскурсии, но и как себя вести на природе. Например, в пункте 4 говорится: «Не оставляйте после себя бумажек, яичных скорлуп и других объедков. Уходя с места стоянки, соберите весь сор в кучку и заройте в землю. Не будет ничего для вас унижительного, если вы также приберёте и чужой сор, оставленный нерассуждающими путниками» [10, с. 3].

Изменения в сфере туризма и экскурсионного дела в Самаре напрямую связаны с реорганизацией туристско-экскурсионной деятельности на государственном уровне. В конце 20-х гг. происходит монополизация туризма, идеологическая функция начинает доминировать над хозяйственной. Складывается структура централизованного управления туризмом.

В 1926 году при Наркомпросе РСФСР было создано Объединенное экскурсионное бюро, куда вошли Бюро дальних экскурсий Института методов внешкольной работы, экскурсионное бюро при Главполитпросвете и экскурсионное бюро при музейном отделе Главнауки. Самодеятельным туризмом Объединенное экскурсионное бюро не занималось. Профсоюзы в тот период еще не включали туризм в сферу своей культурной работы и ограничивались лишь организацией массовок и экскурсий в музеи.

Объединенное экскурсионное бюро в конце 1928 года было ликвидировано, и заменено акционерным обществом «Советский турист» («Совтур») [11, с. 100], которому вменялось в обязанность создание сети туристских баз и маршрутов на всей территории Советского Союза, т.е. развитие планового туризма. Туристские и экскурсионные маршруты должны были проходить по местам, связанным с революционными событиями, социалистическим строительством в стране. К лету 1929 года «Советский турист» предлагал путевки по 29 маршрутам, проложенным как в европейской, так и в азиатской части страны.

Массовый самодеятельный туризм стал развиваться благодаря комсомолу, развернувшему с середины 20-х годов широкую деятельность по организации досуга молодежи.

В январе 1927 года ЦК ВЛКСМ и редакция «Комсомольской правды» провели совещание по организации массового туризма. На совещании была создана комиссия по туризму при редакции газеты «Комсомольская правда» [12, с. 283]. При большинстве губернских и городских комитетов комсомола возникли бюро туризма, а при многих ячейках – секции туризма, объединявшие любителей походов. Туризм быстро становился важным участком комсомольской работы. Комитеты отчитывались за его развитие и содержание. В мае 1927 года «Комсомольская правда» сообщала, что уже насчитывается около 20 тысяч туристов, организованных в группы [13, с. 45].

В середине 20-х гг. в Москве возобновило (изменив устав) деятельность РОТ. Объединяло оно около 500 человек и представляло собой небольшой замкнутый клуб. По инициативе Бюро туризма при Московском комитете ВЛКСМ в Российское общество туристов вступило около 1 500 молодых туристов, затем они потребовали созыва очередной конференции [11, с. 107].

Устав Российского общества туристов РСФСР был утвержден 28 февраля 1927 г. В § 3 устава говорилось, что обществу предоставляется право открывать филиальные

отделения Российского Общества туристов, имеющие задачей осуществлять цели общества в определённых районах РСФСР [2, Л. 6а].

В Самаре 13 ноября 1927 года состоялось организационное собрание членов Самарского отделения Российского общества туристов в составе 15 человек. Собрание проходило в помещении Дворца труда при доме Союза РАБПРОС. На повестке дня стояли организационные вопросы: о целях и задачах Общества туристов, выборы временного правления и другие. Было выбрано правление из 5 человек. Устав Самарского отделения Российского общества туристов был зарегистрирован 9 декабря 1927 г. Самарским губернским Административным отделом НКВД. Через 10 месяцев, в октябре 1928 г., Самарское отделение Российского общества туристов насчитывало уже 150 человек. Главным образом это была молодёжь в возрасте 18-25 лет. По социальному положению – служащие 60%, рабочие – 30%, учащиеся – 10% [14, Л. 20 об.].

Впоследствии Самарскому отделению Российского общества туристов были предоставлены права губернской общественной организации. Представитель РОТ на правах члена входил в экскурсбюро политпросвета. Члены клуба читали доклады и лекции о туризме на заводах и фабриках, в клубах, писали статьи в «Коммуну» о туризме. Среди «кругосветчиков» была распространена брошюра «Жигулевские горы» – это было одно из первых пособий для самостоятельных туристов и экскурсантов, изданных в Самаре.

С целью определения роли туризма 23 апреля 1928 г. был проведён диспут с участием 400 человек на тему «Место туризма в культурной работе (революции)». Примечателен тот факт, что в документах даётся разное название этого диспута, что свидетельствует о становлении определённой терминологии. В диспуте приняли участие представители ГСПС, Губздрава (Рудницкий), Общества археологии, истории, этнографии и естествознания (профессор Преображенский, Арапов, Говоров), РК ВЛКСМ, Губкома ВКП(б), Союза Просвещенцев и др. Выступавшие, в частности, отмечали роль краеведения в развитии туризма [14, Л. 21].

Изменение отношения к туризму можно увидеть в документах местных партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Профсоюз в своём циркуляре от 28.05.28 г. за № 3344 признаёт общество заслуживающим внимания и всяческой поддержки со стороны профсоюзных организаций «в смысле привлечения новых членов», а особенно при организации низовых ячеек общества на предприятиях и в рабочих клубах. Губком ВКП(б) в связи с постановлением от 20. 04.28 г. № 40 также признаёт дело туризма заслуживающим внимания со стороны профсоюзных и других организаций. Губком ВЛКСМ отмечал, что обществу не уделялось должного внимания [14, Л. 21-21 об.]. По инициативе Общества Губком ВКП(б) поручил организовать специальную секцию туризма при ГСПС. ГСПС считал, что организованный туризм должен был найти своё отражение в общей системе культработы профсоюзов [14, Л. 23].

В газете «Труд» от 8 мая 1928 г. был опубликован циркуляр ВЦСПС № 71 «Об экскурсиях и туризме» от 7 мая 1928 г. [15]. А уже 28 мая того же года ГСПС издал циркуляр, в котором рекомендовал следующие организационные формы туристской работы.

При местных комитетах в клубах, где имелось не менее 5 туристов, организовывались группы и выбирался организатор; если туристов насчитывалось более 10 человек – выбиралось бюро из 3-5 человек. Если группа была достаточно велика и имелся интерес к различным видам туризма (дальний туризм, лыжный, горный, велосипедный и т.д.), то в группе создавались соответствующие секции.

Руководство группами туристов осуществлялось культкомиссиями и правлениями клубов, работа по туризму включалась в план работы и сметы местного комитета или правления клуба. Задачами тургруппы было:

а) организация ближних и дальних путешествий, «причём следует учитывать не только дальние путешествия, требующие больших затрат и много времени, **но главным образом держать курс на местный туризм**, т.е. посещение окрестностей Самары, имеющих чрезвычайно интересные места» (уже в двадцатые годы осознавалась важность организации отдыха в том регионе, где проживали туристы);

б) пропаганда посредством организации бесед и лекций по туризму: «Беседы должны носить конкретный характер, например: маршруты, экскурсии, гигиена туриста, пользование естественными факторами, умение обращаться с компасом и картой, практические советы и т.д.» [14, Л. 23].

Во время лекций о местном туризме рекомендовалось использовать диапозитивы с краеведческими материалами, которые имелись в Самарском Обществе археологии, истории, этнографии и естествознания, а при беседах о дальнем туризме – киноленты «Советский Казахстан», «Виды Узбекистана», «Советские субтропики», «Волга», «Учитесь плавать», «Солнце – источник здоровья» и т.д., а также использовать каталог культфильмов Совкино. При этом делался акцент на том, что тургруппа должна увязывать свою работу с нуждами физкультуры [14, Л. 23 об.].

Общее руководство работой по туризму было возложено на губотделы Союзов, которые должны были оказывать практическую помощь (консультации, содействие при составлении маршрутов, подбор докладчиков для лекций по туризму, организация уголков туризма и т.д.). Объединяющим центром являлась секция туризма при КО ГСПС.

РОТ должен был оказывать помощь организациям, обращающимся за помощью, в виде справок, методических указаний и т.д.

Профсоюзным организациям необходимо было следить за тем, чтобы туризм проходил в организованном порядке. «Не следует давать удостоверения для так называемых кругосветных переходов, походов вокруг СССР пешком и т.п. Кроме того, никакой денежной помощи таким «туристам», прибывающим из других городов, союзных организаций, оказывать не должны» [14, Л. 23 об.].

Работа велась по разным направлениям, но главный упор делался на самостоятельный туризм и краеведческую деятельность. Так, 26 мая 1928 г. на Самарской центральной радиостанции была прочитана лекция «Самарская кругосветка и как её провести» [14, Л. 21 об.]. А до 12 ноября этого же года было организовано 10 городских и загородных экскурсий, в каждой участвовало по 12 человек (120 участников). Летом с целью обследования Самарской Луки были организованы 4 краеведческие экскурсии по маршруту Самара – Рождествено – Серная Гора – Ширяево – Барбошина Поляна – Печерская – Рязань. Экскурсанты привезли коллекции минералов и горных пород и материалы этнографического характера: легенды, сказания, поверья. Экскурсии были организованы за счет участников [14, Л. 24].

Несмотря на то, что туристско-экскурсионное движение становится массовым явлением, экскурсионное дело, как и краеведение, со второй половины 20-х гг. испытывает серьёзные затруднения. В 1928 г. Российское общество туристов было реорганизовано в Общество пролетарского туризма, с этого периода начинается огосударствление и централизация туристско-экскурсионной деятельности. Возобладала тенденция политизации, ориентированная не на культуру, а на политическое просвещение. В указателе экскурсий на 1928 г. обращает на себя внимание следующее: авторы акцентируют внимание на том, что «существенным недостатком прошлогоднего указателя являлось отсутствие в нем маршрутов по историко-революционным экскурсиям; поэтому, несмотря на некоторые трудности в разработке удобных маршрутов этого типа, Губполитпросвет, при содействии истпарта ГК ВКП(б), помещает несколько экскурсий,

дающих представление о революционном прошлом Самары» [9, с. 4]. И хотя в этот же период политпросвет организовал курсы по подготовке экскурсоводов [14, Л. 24 об.], чтобы обеспечить экскурсии квалифицированными кадрами, это не способствовало дальнейшему экскурсионному исследованию Самары. Экскурсоводов готовили с целью политпропаганды. В 30-е гг. эта тенденция усилилась. Массовая коллективизация, кооперация, антирелигиозная пропаганда также не способствовали экскурсионному развитию, многие памятники, особенно культовой архитектуры, были разрушены или использовались под хозяйственные, складские помещения. В результате этого значительно обеднилась визуальная среда города, что существенно уменьшило его туристско-экскурсионный потенциал.

Таким образом, можно отметить, что краеведческое движение в конце 20-х гг. идет на спад, а характерной чертой туризма стало подчинение его целям и задачам государства. Туризм начал рассматриваться как средство пропаганды, а экскурсия – как мощное идеологическое пропагандистское оружие.

Литература

1. Турист-активист. 1931. № 5-6.
2. ГАСО. Ф.Р-353. Оп. 1. Д. 291. Л. 149, Л. 6а.
3. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. 1990. Вып. 1.
4. ГАСО. Ф.Р – 28. Оп. 2. Д. 36. Л. 1, Л. 26.
5. Коммуна. 1924. 4 апреля.
6. Путеводитель по Самаре на 1925 и 1926 гг. для приезжающих и экскурсантов. Издание Общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара: Типография Селькредсоюза, 1925.
7. Отчёт о работе Самарского губернского совета профессиональных союзов с октября 1925 года по октябрь 1926 г. (К 8-му Губсъезду профсоюзов). Самара: Б.и., 1927.
8. Указатель экскурсий на лето 1927 г. по Самаре и её окрестностям. Самара: Издание ГУБОНО, 1927.
9. Указатель экскурсий на лето 1928 г. по Самаре и её окрестностям. Самара: Издание ГУБОНО, 1928.
10. Преображенский П.А. Поездка по Волге: Самара – Царевщина – Ширяево. Пособие для экскурсий – школьных, профсоюзных, клубных, краеведческих. Издание Высших курсов краеведения Самарского Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. Самара: Типография № 2 Полиграфпрома ОМХ-а, 1926.
11. Усыскин Г.С. Очерки истории российского туризма. СПб.: Издательский Торговый Дом «Герда», 2000.
12. Соколова М.В. История туризма: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., перераб. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
13. Воронкова Л.П. История туризма: учебное пособие. М.: МПСИ, 2001.
14. ГАСО. Ф. Р-828. Оп. 3. Д. 165. Л. 20 об., Л. 21, Л. 21-21 об., Л. 21 об., Л. 23, Л. 23 об., Л. 24, Л. 24 об.
15. Труд. 1928. 8 мая.

ТАНЦУЮЩИЙ КАВКАЗ (ЗАМЕТКИ ЭТНОГРАФА)

В этнографическом очерке рассматриваются межэтнические проблемы, касающиеся взаимоотношений современного русского населения Северного Кавказа и некоторых горских народов. Налицо отсутствие этнического равновесия в регионе. Очевидно, что проблема нарушения этнического равновесия может быть разрешена только благодаря возвращению всем народам Кавказа (включая русских) равных прав на духовно-культурную самобытность и равных возможностей под справедливым (для всех) покровительством государственного закона.

Ключевые слова: народы России, горские народы Северного Кавказа, русские, духовно-этническая культура, этническое равновесие.

Что такое сегодня российский Кавказ? Земля обетованная? Курортная зона? Территория раздора и конфликтов? Плацдарм военный и политический? Сегодня российский Кавказ старается скрыть свое лицо: кто он и что он, и приходится лишь всматриваться и размышлять...

Движемся по федеральной трассе в направлении Республики Карачаево-Черкесия по Ростовской области и начинаем обращать внимание на изменение социального ландшафта. Ростовская земля, как и Кубань, – традиционно хлеборобный край. Перед нами потянулись бескрайние поля, засеянные зерновыми: десятки, сотни километров ровного зеленого, чуть-чуть всхолмленного поля. И никаких поселений с жилищами, населенных пунктов, встречаются лишь автозаправки, возле которых паркуются невиданные в центральной России изящные комбайны, уборочная и посевная техника, новенькие импортные трактора. Всё это – чистенькое, разноцветное, новое и ухоженное. И снова – поля и поля. Глаз и душа отдыхают на этом просторе, где всюду видны признаки правильно и масштабно организованного труда. Сердце начинает переполнять чувство щемящей радости за страну, где еще остались уголки вот такого чуда! В спешке мы не вдавались в технологию здешнего землепользования и не искали причин малочисленности населенных пунктов, но отметили для себя: ростовская земля сохранила до сих пор нечто великое, что мы в центральных областях уже почти утестили.

Поселения, встречающиеся на пути, имели характерный для юга зажиточный вид: кирпичные одноэтажные коттеджи с глухими невысокими заборами, обилием садовой зелени. Магазины вдоль дороги, маленькие, похожие на московские, обклеенные такой же примелькавшейся рекламой. Да и ассортимент продуктов в них был чисто московский, а точнее, международный. Вдоль домов, на столиках и табуреточках, местные жители (армяне или азербайджанцы) выставляют на продажу фрукты: груши и яблоки, то ли турецкие, то ли свои.

Переночевав в гостинице нешумного городка Миллерово, мы уже к полудню следующего дня добираемся до Ставрополя, областного центра Ставропольского края и места резиденции архиепископа Ставропольского Феофана. Недалеко уже и республиканское пограничье – Карачаево-Черкесия. Место нахождения епископской кафедры не уединенное, а достаточно шумное: здесь и крупнейшая в России духовная семинария, действовавшая даже в советское время (но на определенный период закрытая при Хрущеве), и кафедральный собор, и крупнейший в городе православный книжный магазин. Прямо напротив церковного комплекса видим красивое старинное здание. Это Ставропольский государственный университет, в дореволюционные годы – духовная семинария. При архиерейском доме создан церковный археологический музей по типу

ЦАКА в Троице-Сергиевой лавре. За алтарем собора – могила митрополита Гедеона, бывшего на кавказской кафедре до нынешнего владыки Феофана. Резной крест из черного мрамора и выгравированный на нем портрет владыки. На могилке постоянно горит лампада.

Особо чтут здесь память владыки Вениамина, человека высокоподвижнической жизни. Первые годы его служения пришлись на 1920-1930-е, трагический и сложный период для Русской Православной Церкви. Владыка Вениамин был посланником патриарха Тихона на Кавказ, много сделавшим для сохранения канонического общения с Грузинской Православной Церковью. Сепаратизм грузинских националистов способствовал ее обособлению от Русского Православия. Но тогда разрыв удалось предотвратить, Грузинская Церковь, получив статус автономной, осталась в пределах канонической территории РПЦ. Митрополит Вениамин прожил долгую жизнь, оставаясь на своем архипастырском посту вплоть до 1950-х годов, живя как подвижник и много делая для поддержания Православия в крае. К слову сказать, в Ставрополе существовала одна из трех на весь Советский Союз (!) духовных семинарий, открытых в военные и послевоенные годы. Две другие находились в Троице-Сергиевой лавре под Москвой и в Одессе.

Во дворе резиденции нынешнего Ставропольского владыки, цветущей и ухоженной, видим полуразбитый колокол. На нем надпись о том, что колокол находился в грозненском храме Архистратига Михаила и пострадал в годы последней чеченской войны. Здесь же мы узнали удивительную вещь: ставропольцы считают себя частью Кавказа как особого географического региона. «С нас он начинается», – сказали нам и в качестве шутки продемонстрировали образцы современного музыкального чеченского фольклора на русском языке. Популярный в Чечне бард-чеченец поет на русском языке хриплым голосом «под Высоцкого» солдатские баллады. Если не вслушиваться в содержание песен, то покажется, что звучат они от лица русского солдата, воевавшего в Чечне и повидавшего горя. Так обычно поют мальчишки во дворах – неумело, но искренне, от всего сердца. Но песни не о мальчишеской любви и измене, не о матери, оставшейся дома и ждущей сына, они о другом: о «злых гяурах», о ненависти к врагам-русским, о необходимости отмщения. Оказалось, это крайне популярный ныне исполнитель самодельных песен, конечно, запрещенных здесь, но, очевидно, записи легко достать. Правда, когда мы попытались купить на рынке диски, нам это не удалось. Кстати, в Ставрополе мы заметили в музыкальных киосках многочисленные записи на DVD и MP3 «кавказской попсы» – большого числа исполнителей из этого региона, о которых в столице ничего не известно.

Дыхание Кавказа мы явно ощутили, только выехав из Ставрополя, когда глазам открылись первые отроги Кавказского хребта. Отсюда Кавказ начинается как череда не очень высоких, заросших лесом предгорий, и ландшафт сразу меняется. Перед нами предстают замкнутые долины, поросшие зеленой травой, и невысокие зеленые горы. Кавказ потрясает своей невероятной красотой! Думаешь про себя: «Лучше уже не будет!». Но сколько раз потом приходилось про себя и вслух говорить вновь и вновь: «Такого еще не было, и лучше уже не будет!». И, как в античной драме, начинаешь ждать, когда же наступит апогей красоты, тот высший момент, который уже невозможно будет заменить никаким другим. И он действительно наступил однажды, когда мы забирались на горную площадку, где находилась одна из крупнейших в мире обсерваторий (кстати, московская территория АН России). Двигаясь по плавному серпантину, мы, в конце концов, оказались на уровне эльбрусского горного хребта. Внизу петляла река, да и ландшафт приобрел тот необходимый для глаза масштаб, когда ты видишь и ближнюю, и среднюю, и дальнюю перспективу. Массивы заросших густым лесом предгорий видятся отсюда как густой, ослепительной красоты мох, облегающий все возвышенности и впадины. Горы рассекают зелень с хирургической точностью и выбрасывают

вверх камни, снег и какую-то невероятную мощь земли, о которой внизу и не подозреваешь. Каким-то шестым чувством догадываешься, что еще минуту назад весь этот калейдоскоп красок двигался и жил, и только сейчас, когда ты посмотрел на него, он замер и не оживет, пока ты стоишь и наблюдаешь за ним. Вот тут-то и приходит понимание того, что красивее этой красоты ты здесь уже больше ничего не увидишь. И это так.

Но вернемся к началу кавказской дороги. Поначалу с восторгом встречаешь пасущиеся вдали от дороги большие табуны лошадей и овец, любишь дорогой, безвозвратно потерявшей свою горизонтальность и непрерывность. Как только мы въехали в район буйной, дымящейся от свежести зелени, совсем почти перестали смотреть вперед; асфальтовая полоса, вьющаяся вдоль предгорий, не была уже так притягательна для глаза. След ее то пропадал за поворотом, то сливался с горной грядой, там, где дорога вдруг уходила вниз... На границе с Карачаево-Черкесией прошли через нестрогий контрольно-пропускной пункт с нашей стороны и через несколько сот метров – с другой стороны. Качество дороги сразу изменилось в худшую сторону. Этот контраст порази нас и на обратном пути, когда мы возвращались через Адыгею (а это уже Краснодарский край). Плохоньякая, никудышная дорога из Карачаево-Черкесии в какой-то момент вообще оборвалась (федеральная!), за ней пошла грунтовка, по которой мы двигались осторожно, не торопясь, пока не попали на территорию Краснодарского края и сразу... на прекрасный асфальт. В самой Карачаево-Черкесии хорошие дороги там, где находятся курортные зоны, – пути, ведущие на Домбай, в Архыз и т.д.

Республика Карачаево-Черкесия считается дотационным субъектом Российской Федерации, то есть не имеющим возможности своими силами справиться с экономическими проблемами и потому живущим (по бюджетным статьям и расходам) на иждивении Москвы. Но вся бедность республики заключается в отсутствии заводов и промышленных зон. Сами жители бедняками себя явно не считают. Никакой бедной сакли вы здесь уже не увидите! Наоборот, судя по двух- и трехэтажным каменным особнякам, все соревнуется в достатке и даже богатстве. Неважно, чьи мелькали за окном аулы: ногайцев, карачаевцев или черкесов, – везде особняки доминировали в застройке. Крупных хозяйств не отмечалось, но вот вдруг потянулись на протяжении нескольких километров длинные застекленные строения – теплицы, окруженные по периметру колючей проволокой и вышками с часовыми. Оказалось, что здесь находится крупнейшая на Северном Кавказе плантация, принадлежащая Ю.М. Лужкову. Таковы наши нынешние Ермолы!

Как разительный контраст ухоженному жилому сектору во многих крупных поселениях выглядят брошенные производства советского времени. Какой-нибудь небольшой заводик по производству трикотажа, а может, и чего-то посложнее, теперь закрыт, верхние три-четыре этажа носят следы варварского разгрома (ободранные, с разбитыми стеклами), а нижние этажи – сплошные мойки, с рекламой и прочим антуражем. Мойки (как и заправки) здесь встречаются на каждом шагу: великолепно оснащенные, модернизированные. Для местного джигита – бесчестье, если его железный конь будет хоть мало-мальски испачкан. Поэтому работы у мойщиков (где немало русских женщин) хватает, и эта производственная инфраструктура исправно и надежно работает.

Странное ощущение не покидает меня по мере знакомства с краем – друг за другом гнездящимися аулами. При том, что много богатого и вычурного, здесь явно сохранились следы советских устоев: они проявляются в каких-то едва уловимых чертах быта, надписях на улицах, косности обывателей. Кстати, здесь впервые нам встретилась мусульманская реклама социального характера, например призыв к женщине покупать одежду в специализированном магазине (изображение женщины в закрытой мусульманской одежде). Надписи на улицах в основном на русском языке, но много и двуязычных или полностью замененных на черкесские (на основе русского алфавита). По-

падают также магазины, ориентированные на верующих мусульман, где продается продукция с характерным обозначением «халяль», т.е. мясо скота, убитого по ритуалу (с молитвой). Женское население одето по-разному: видны горянки, явно ориентированные на мусульманскую одежду, но попадаются и те, кто ходит без платков и не в строгом платье. В более глухих аулах такого мы уже не встречали. Явно бросались в глаза многочисленные строящиеся мечети. Судя по пятиконечным звездочкам на полумесяцах, многие возводятся не без турецкого участия. На Турцию активно ориентируется и местная научная интеллигенция, слабеют связи с Москвой, но крепнут с Турцией. Гранты, поездки, исследования, критическое отношение к русскому присутствию – все это очень заметно. Никто из интеллектуалов не считает себя россиянином: «мы – карачаевцы», или «мы – абадзины», но уж точно не россияне.

Двойной стандарт здесь уже накрепко засел в людях, свою двуполярность не боятся демонстрировать чуть ли не на самом высоком уровне. Так, прибыв в столицу Карачаево-Черкесии, мы стали свидетелями очередного демарша, устроенного одним из известных политиков республики, недавно перебравшимся из Москвы (!), где он был известным чиновником. На заседании госсовета республики, где присутствовал и благочинный православных храмов Черкесска, обсуждался вопрос о статусе древних архызских православных храмов X века от Р.Х. Упомянутый выше чиновник в резкой форме высказался за передачу их «карачаевскому народу» (хотя в республике еще живет немало русских, православных казаков), поскольку «это его земля и памятники культуры должны принадлежать ему». Главе республики пришлось даже извиняться перед священником за резкость своего подчиненного. Один из трех архызских храмов – Ильинский – уже находится в ведении епархии, в нем проходят богослужения, но два других после республиканской «реставрации» представляют собой печальное зрелище. Без окон, без дверей, с надписями на стенах, сделанными досужими туристами. Видно, что до последнего времени храмы пребывали в небрежении, хотя они находятся на территории комплекса археологического музея под открытым небом. В XIX в. здесь, среди древних храмов, находился Александро-Невский мужской монастырь, в годы революции разоренный.

Мусульманская национальная интеллигенция республики выступает за совместное пользование храмами мусульманами и православными, т.е. предлагает один храм отдать мусульманам, а два – православным. Чуть позже оказалось, что место, где находятся храмы, и археологический музей под открытым небом оформлены в долгосрочную аренду родным братом того скандального выступающего и должны были со временем использоваться как туристический комплекс с гостиницами, автостоянками, магазинами. Тем более что это место находится на пути к Архызу, где активно прокладываются туристические маршруты. Мусульмане и здесь, на Кавказе, как и в целом по России, занимают по многим вопросам странную позицию: ни нам, ни вам, православные, пусть лучше это достанется светским властям, пусть выиграет атеизм, но только не православие.

В столице Карачаево-Черкесии – городе Черкесске – мы не встречали открытого проявления антирусских настроений ни в поведении людей, ни в плакатных лозунгах; в городе восстанавливается соборный храм, в центре, на площади, есть памятная стела святым Кириллу и Мефодию, просветителям славян. Вообще город выглядит совершенно по-советски, образца 1980-х, хотя реклама, несколько вольная для Кавказа, все же возвращает нас к современности. Молодежная одежда мало отличается от московской. Однако не заметно присутствия разного рода молодых радикалов: готов, панков, скинхедов, юношей с африканскими дрэдами и т.п. Их здесь просто нет. Но есть свои, национальные особенности. Нас очень удивили танцевальные вечера абадзинской молодежи. Не знаю, бывают ли здесь «московские» дискотеки, но абадзинские молодеж-

ные танцы впечатляют. С пяти вечера в центральном городском сквере, рядом с площадью Ленина, по несколько часов кряду молодежь активно танцует. Эти танцы однотипные, точнее сказать, танец один. Через динамик громко и ритмично звучит гармоника (танцевали не под живую музыку). Парень, энергично выбрасывая перед своим лицом одну руку, другую опускает вниз, на носочках медленно движется вокруг девушки. Иногда вокруг нее начинают кружиться несколько парней. Вокруг танцующих – плотное кольцо зрителей и одновременно участников. Они ритмично хлопают и выкрикивают слова поощрения. С этикетной церемонией приглашается на танец новая девушка, оба партнера на секунду замирают – и начинается обоюдное движение. Танец необыкновенно заводит всех. Как нам сказали, именно благодаря танцам молодежь здесь получает первую прививку этнического и религиозного радикализма, начиная резко противопоставлять себя другим, в основном русским. Но ссорятся и малые кавказские народы между собой. Музыка здесь действительно – самый короткий путь к этническому самосознанию, она взывает к чувству гордости за происхождение. Не раз нам приходилось видеть в отдельных черкесских селениях, где имеются туристические центры, возле музыкальных киосков такую картину: как только зазвучит кавказская гармошка, рядом сразу же образуется круг танцующих из числа тех, кто просто проходил мимо. В этом естественном и энергичном танце сегодня поражает этот очевидный резкий вызов другим народам, демонстрация этнической силы, желание энергично действовать во имя своего народа. Такими же вот были, наверное, античные греки из Илиады, которые легко могли воспламениться от гнева Ахилла. Сцены из истории.

При изучении проблем русских, донные компактно живущих в сельской местности Карачаево-Черкесии, конечно, нельзя обойти тему этнического противостояния. Потомки казаков Кубанского казачьего войска, как называлось оно до революции, продолжают жить в Республике Карачаево-Черкесия, но резко уменьшается его численность. Жить русским становится с каждым годом все труднее и труднее. Русские входят в состав нетитульного населения национальной республики, где автохтонами являются карачаевцы и черкесы. Закон на стороне прежде всего коренного населения. Особенно остро эта проблема стоит в сельской местности. В бывших казачьих станицах живут сегодня потомки казаков, немного рабочих и интеллигенции, приехавшей в советский период, но все они разрознены, отделены друг от друга глухими заборами. Между тем казачьи станицы ныне активно заселяются карачаевцами и черкесами и все более превращаются в аулы. Они живут и действуют в полном единстве и согласии друг с другом, сознательно вытесняя русских с Кавказа.

Наступление на русских началось не сегодня, а еще в хрущевские 1960-е годы, когда бывших горцев стали подселять к казачьим станицам. Поначалу они все же жили в отдалении, отдельными анклавами, располагаясь на одном конце станицы или рядом с ней, чуть в стороне. Сегодня идет уже чересполосное расселение, с целенаправленной разбивкой русского массива на отдельные островки. За этим, однако, не следует объединения, слияния, дружбы, наоборот, усиливаются вызывающее поведение и агрессивность. Много причин кроется в современной этнической мягкотелости бывших когда-то боевыми казаков. Начнем с того, что отношение советской власти к русским, и казакам в том числе, было особое: яростная борьба с «русским шовинизмом», начатая В.И. Лениным, продолжалась и при И.В. Сталине до конца 1930-х годов. Вплоть до Великой Отечественной войны русских не просто не жаловали – они считались единственным неблагонадежным для революции этносом. Лишь война на время отодвинула «русский вопрос» в сторону, но уже при Н.С. Хрущеве он опять возник. Сталинские репрессии в отношении некоторых северокавказских народов, формально вызванные массовым участием их представителей в войне на стороне фашистов, были проведены по большевистски, коварно. За сталинскую национальную политику пришлось отвечать

на Кавказе всему русскому народу. Хрущев как истовый ленинец продолжил ленинскую политику борьбы с русским шовинизмом. В очищенные от карачаевцев, чеченцев и других народов поселения он приказал селить русских, а позже после массового возвращения депортированных кавказских народов располагать их рядом, бок о бок.

Почему до революции проблема национализма в России практически не существовала? Тогда отдельные строгие меры в отношении некоторых народов со стороны власти носили скорее политико-гражданский характер и имели целью созидание единого гражданского общества, а не ущемление конкретной этничности. Этничность в то время была словно упакована, одета в мягкие одежды вероисповедания, традиционной культуры, защищалась целенаправленно политическими средствами. Но именно большевики с приходом к власти, радикальными средствами утверждая первенство своей атеистической идеологии, обнажили этничность, сорвав с нее конфессиональные и традиционные одежды и провозгласив ее первенство (право наций на самоопределение). Они обозначили этнические границы между народами как границы политические, а не духовные, при этом они уничтожали храмы, мечети, дацаны, чтобы этничность еще глубже интернационализировалась и дала возможность народам Союза слиться в одно целое. Но как только народы почувствовали жесткое этническое касание друг друга (что раньше исключала религия, культура), они словно ощутили боль, какая бывает при отсутствии кожи. Так в Россию, благодаря стараниям большевиков, пришел национальный вопрос как глобальная для всей страны проблема.

Советская власть была противницей личности, да и в этничности ее интересовало не очень многое – лишь то, что касалось государственной пользы, не более. Поэтому народы были таким же объектом идеологических манипуляций, как и рядовая личность. Отсюда понятие «советский народ» – единственное достойное уважения для советской власти. Вот почему ту «грубость», которую допустил Сталин в отношении некоторых кавказских народов, депортировав их, так же нарочито грубо исправил Хрущев. При Хрущеве в административной и в промышленной инфраструктуре северокавказского региона началось искусственное возвышение представителей «титульных наций», т.е. представителей коренных народов. Это была целенаправленная политика «отдания долга» за депортацию. И долг заставляли отдавать русских. Им навязывали чувство вины за прошлое, и сегодня в массовом сознании у северокавказских народов четко зафиксировано: русские – виновники тех страшных событий.

При этом роль русского населения в регионе сводилась к подчинению своих интересов интересам политики местных чиновников. Обязательно соблюдались необходимые пропорции и приоритеты: если это были завод, фабрика, производство, то руководителем обязательно должен был быть или черкес, или карачаевец, и лишь одним из заводов – русский; если это была школа, то директор и учителя-гуманитарии были из числа местных, остальные – русские; если администрация, то раскладка сил та же. У русских и карачаевцев – разные права, судя по политике центральной власти: карачаевцам разрешали заводить большие стада скота, русским – нет, им давали подъемные деньги на строительство домов, русским – нет. В одной из станиц мы столкнулись с вопиющим фактом дискриминации: та половина станицы, где жили карачаевцы, была газифицирована, а русская сторона оставалась без газа.

Здоровые силы среди казачества, не желавшие жить в атмосфере типичных феодальных отношений (к чему, по сути, все пришло на Кавказе в постсоветский период), морально и физически вытеснялись и просто уезжали учиться и работать в Краснодар, Ставрополь и другие города России. В советский период этот процесс еще не носил столь очевидный и массовый характер в силу того, что существовало производство, где можно было трудиться всем, но с обрушением советской экономической инфраструктуры начался процесс перехода на уровень только дотационный. Причем если раньше

дотации шли на государственные экономические программы, то в демократический период деньги стали средством поддержания только «своих» в разных структурах.

В беседе с владыкой Ставропольским Феофаном мы также услышали об этих болевых точках на Северном Кавказе: вытеснение русских идет быстрыми темпами, и никакого противодействия этому нет. На Кавказе резко сужается цивилизационное поле, на котором всем когда-то было мирно и хорошо. По мысли владыки, в этом регионе следует строить высокотехнологичные предприятия, чтобы остановить «естественный» отток русских. Далее – изменить пропорциональное соотношение людей, стоящих у власти, в сторону русских, иначе кавказское кумовство никак не побороть. Опять, как и в XIX в., ввести должность генерал-губернатора (еще более эффективно было введение должности наместника Кавказа, которую в свое время занимали такие выдающиеся государственные деятели, как Ермолов и Муравьев), растить национальную элиту с русской, российской ориентацией. Но пока к этому мнению явно никто не прислушивается.

В 2008 г. в бывших казачьих станицах мы застали уже то казачество, которое способно выполнять только некоторые парадные функции: стоять в праздничном оцеплении вокруг станичного храма два раза в год да периодически «собираться погутарить», оформить доски почета в казачьем правлении. Казаков более нет в реальной жизни станицы, нет их в отстаивании интересов России здесь, на ее южном рубеже, их нет в ежесубботных церковных службах; их авторитет так мал, что не хватает даже, чтобы защитить кого-то из русских в случае нанесения обид со стороны карачаевцев. А обид очень много. Они не защищают честь женщин, девушек от посягательств, и потому нередки случаи надругательств над теми девушками, которые не потакают кавказским джигитам. Казаки сбывают карачаевцам свои «колхозные» паи, ту землю, которая им досталась от их славных предков. И это, может быть, сегодня самый позорный факт в их жизни. Печальны и такие факты: атаман района, соблюдая какой-то свой интерес, повел венчать своего сына к бывшему священнику-раскольнику, давно изверженному из сана и даже отлученному от Церкви. Десять лет отсидевший по уголовному делу казак стал сотником и получил три звездочки на погоны. Глава администрации станицы Кардоникской, сам из старинной и уважаемой местной казачьей фамилии, вообще не участвует в выборной жизни казаков, в их кругах, не ходит в храм, соблюдая, как он говорит, «демократическую политкорректность» (чтобы не обидеть мусульман), но при этом попадает под суд за финансовые злоупотребления. Как только здесь появляется по каким-то непостижимым законам духовной механики прекрасный организатор из числа русских, человек совестливый, с четкой позицией и программой, казак, он через какое-то время просто исчезает неведомо куда, и родные не знают, где он и что с ним. Ходят слухи, что недалеко отсюда, в покрытых зарослями горах, существуют селения, где держат в рабстве пропадающих людей. Как сказал нам в откровенной беседе один из церковных казаков, среди русских людей здесь господствует страх, потому что они никем и ничем не защищены.

Поэтому остаются или пожилые, или морально сломленные люди, которые постоянно идут на компромиссы. Даже церковным людям приходится считаться с обстоятельствами жизни в станице, жить тихо и незаметно.

«Карачаевцы селятся и селятся в нашей казачьей станице, покупают дома за 300-500 тысяч рублей, а русские уезжают и уезжают, продают дома, потому что работы нет. «Ваше место – за Доном», – постоянно слышим мы от карачаевцев. И хотя в станице уже много смешанных браков, дети этих родителей воспитываются в мусульманской традиции, они становятся карачаевцами».

Самые смелые люди здесь – священники. От них действительно веет спокойствием того старинного казачества, которое здесь когда-то жило и устраивало жизнь всем

остальным. Молодые люди, по происхождению из местных казаков, они (группа священников), во-первых, дружны между собой (а это большая округа, километров в 50), во-вторых, они по-настоящему верующие, притом нравом горячие, как и полагается их сословию. Этот сплав и создает тип спокойного вдумчивого человека. Вот возле них и происходит какое-то движение «плоти, стремящейся обрести утраченный дух». Настоятель Покровского храма в станице Кардоникской – монах, сам из среды раскулаченных казаков: «Прадед мой был верующим человеком, но, как и все казаки, жестким. У него было много детей, в коллективизацию его обидели, но не сослали (забрали оружие и деньги). Семья чуть не умерла с голода. Дед имел страшную неприязнь к советской власти, но не выказывал своих чувств, в колхоз не вступал, был то ли объездчиком, то ли молоко возил». Священник воспитывался бабушкой, глубоко верующей и церковной женщиной, которая была связана с монахинями из разоренных монастырей, одна из них жила в ее доме. Он отметил, что местное русское население продолжает считать себя казаками, потомками тех, кто заселял эти земли в XIX веке. «Люди простые, достаточно сложные по характеру и по всему остальному. Если кого-то не любят, то не любят, если кого полюбят, то полюбят крепко». Община в станице крепкая, сплоченная, объединившаяся еще при строительстве храма в 1990-е годы. Дореволюционный станичный храм, деревянный, больших размеров, не сохранился. Вера у казаков крепкая, но многое в ней основывается на традиции, на норме, пришедшей от предков. Сам факт наличия здесь священника имеет гораздо меньшее значение, чем где-нибудь в центральной России или даже в городах республики. Конечно, у традиции есть свои положительные моменты, отмечает батюшка: «Мамка сказала: "Усим пойты причастыться на Троицу", – и хоть ты умри, но вся семья должна пойти и причаститься. Сказала: «Хрыстит дитя», – значит, надо идти крестить. Вот это «мамка казала» здесь нерушимо. Мамкино дело – затолкнуть в храм, а дальше пусть батюшка думает, что с дитем делать. Это позиция большинства сельчан».

Священник, однако, считает, что этого мало, что сегодня и у «мамки» должна быть осознанная вера, она должна глубже все понимать и более осознанно влиять на своих детей. Путь к этому – чтение Евангелия или хотя бы Закона Божия Слободского, четкое духовное знание: зачем я иду в храм, зачем исповедуюсь и причащаюсь. Словом, как мы поняли, этот священник-монах и весь контингент его друзей-священников открыли новую полосу церковной жизни для сельчан. Традиция сохранила веру, но этого сейчас здесь недостаточно, и речь идет о духовной грамотности. Кстати, интеллигенция регулярно смотрит православный московский телеканал «Союз», слушает любимую передачу с лекциями А.И. Осипова, выписывает доступные церковные издания, сидит в православном Интернете, ездит в Иерусалим. Но это 10-15 человек на приход, остальные – народ, который отталкивается только от традиции.

Веянием нового времени стало появление в казачьих станицах мусульманских мечетей с минаретами. На минаретах установлена мощная звуковая техника, и голос муэдзина, записанный единожды на магнитофон, звучно разносится в положенные часы по округе. Слабенький колокол чуть слышен в 500 метрах, а этот призыв оглушает всех. В станице есть старинный монастырский обычай: как только умирает кто-то из православных христиан, раздаётся удар колокола, чтобы люди тут же могли помолиться о новопреставленном. Но, пока мы жили при храме, было грустно на фоне всего остального слышать частое звучание приходского колокола. Необъяснимыми, с точки зрения здравого смысла, выглядят в этом случае крещения мусульман здесь. Нередки случаи, когда мусульмане обращаются к православному священнику за помощью: просят освятить дом (и он это делает), дать святой воды. Когда же крестный ход идет зимой на Иордань святить воду, там уже стоит множество мусульман, которые также участвуют в

купании и потом набирают святую воду в канистры. Случаи перехода в православие единичны, причем это делается тайно. Но в том же Черкесске, где нет такого пригляда со стороны единоверцев, зафиксированы многочисленные случаи крещения и перехода к сознательной церковной жизни. Неизвестно, почему это происходит, но это факт. Возможно, причина в том, что для горцев христианство в принципе не чуждо, поскольку их предки были крещены в период существования Византии и до сих пор слышны отголоски тех событий.

Очень сложно вернуть в этот регион российские цивилизационные одежды, ведь это в первую очередь связано с возвращением веры, церковности, высших добродетелей. При этом, хотя исламу здесь дается зеленый свет, он эти проблемы не решает; напротив, там, где начинается какая-то необычная религиозная активность, обязательно выглядывают чьи-то политические или идеологические «уши» – или Турции, или экстремистов, или других радикалов. К тому же ислам, по нашему глубокому убеждению, как и католицизм, в принципе не может дать поля для культурной деятельности отдельным народам, подавляя их арабским языком, культурой, менталитетом, правовым, по сути, а не религиозным сознанием. Слово, казалось бы, за русским православием, но русский мир переживает на Северном Кавказе не лучшие времена, ему необходима серьезная государственная поддержка. Русские совершенно очевидно ущемлены в политических, гражданских правах на Северном Кавказе, что очень мешает самим кавказским народам, провоцируя их молодежь на радикализм не только на Кавказе, но и в центре России. От «титულიности», «избранности», особого финансового обеспечения, особой правовой защищенности у них явно кружится голова. Отсюда и агрессивность современного кавказского танца.

Казачье венчание в ст. Кардоникская

Колокол из Грозного

Памятник репрессированным карачаевцам

С серпантина

Троицкая суббота, ст. Кардоникская

ГЛАМУР ПОД ЗНАКОМ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье анализируются цивилизационные основания гламура как социального явления; подчеркивается, что основные культурные матрицы техногенной цивилизации сформировали понимание гламура как очередного проекта современной цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, технологическое общество, природа, культура, вещь, гламур.

Сегодня философское знание переключилось на анализ повседневности, которая трактуется как сценарий жизни обыкновенного человека. В рамках этой проблемы многочисленными исследованиями было зафиксировано новое явление общества, обозначаемое как гламур. Сегодня гламур настолько прочно вошел в нашу жизнь, что о нем не пишет только ленивый... Многие понимают его на уровне интуиции и не могут отличить от учтивой куртуазности или светскости. Приведем краткий перечень существующих в общественном сознании определений гламура: шик, роскошь, красота, ухоженность, блеск, эротизм, сексуальность, изящество, очарование... Этот список можно продолжать и продолжать. Обратимся к модной ныне Википедии, которую считают свободной энциклопедией.

Английское слово *glamour* возникло в средние века как вариант *grammar* – «грамматика», «книга», заимствованного из фр. *grammaire* (развитие значений такое: грамматика – сложная книга – книга заклинаний – колдовство, заклинания – чары, очарование; ср. также фр. *grimoire*, рус. гримуар – «книга заклинаний», того же происхождения). Им в средние века обозначали разные проявления учености, в том числе оккультные практики, которые ассоциировались с грамотностью. Кстати, в Оксфордском университете до сих пор есть должность профессора of *glamour* (грамматики).

Первые употребления слова «гламур» в русском языке отмечены в 1997 году, однако широко распространенным оно стало с 2005 г. Этого понятия еще нет в академических словарях, даже Word до сих пор подчеркивает красной волнистой линией это слово как слово с ошибкой. О гламуре знают не все, но всё.

В целом складывается впечатление, что гламур «ризомной матрицей пронизывает все сферы общества, позиционируя себя как метафизическая всеобщность. Когда вся мировая эстрада перестает быть эстрадой, а превращается в фабрику звезд», производя однодневки для конкурсов красоты и подиумов, – это влияние гламура. Когда в холодный зимний день встречаешь молодых девчонок с разноцветным пирсингом на голлом животе – это влияние гламура. Когда фраза рекламного слогана «Жизнь удалась!» выделяется на фоне иномарки и банки с чёрной икрой – это тоже влияние гламура.

Гламур, проникая во все сферы жизнедеятельности человека, становится мейнстримом всего: экономики, политики, культуры. Он проник даже в храм науки, сделав ее поверхностной и развлекательной. Так что же это за явление – гламур? Внешняя презентация культуры в себе и себя в культуре или новая контекстуальность, возникающая как ответ на вечную неудовлетворенность миром? А может быть, и не надо особо мудрить: гламур – это лишь очередная мода, которая, как и всякая мода, быстро надоедает и проходит.

Литература, посвященная анализу гламура, часто рассматривает его с позиций концепта повседневности, в которой гламур выступает в аспекте поведенческой культуры как некий изящный стиль жизни для избранных. Лингвистические исследования презентатируют вербально-смысловые коннотации гламура: обаяние, блеск, очарова-

ние, богатство и др. Лингвистические «игры» с определениями понятий гламура лишь расширяют пространство интерпретационного поля, высвечивая в нем семантические структуры. Но эти структуры методологически не приводят нас к «дому бытия» М. Хайдеггера и даже не вытягивают на уровень нарративного знания Ж.-Ф. Лиотара, которое, по его мнению, передает набор прагматических правил, конституирующих социальную связь. Прибавим к сказанному, что существует огромное количество публицистических произведений бумажного и электронного формата, где гламур позиционируется в оценочно-морализаторском ключе. Справедливости ради заметим, что сквозь толщину написанного о гламуре эпистемологическим лучиком осторожно высвечивается теоретический вывод: в современном мире гламур конституирует и конструирует жизнь человека. Этот вывод расширяет смысловое поле гламура, перемещает его с характеристики эстетического на уровень онтологических оснований, что в свою очередь позволяет прояснить онтологический потенциал гламура, который он позиционирует в многочисленных практиках собственной экспансии.

Предложенный ракурс гламура интересен тем, что за его развертыванием угадывается многопанорамный социокультурный процесс. Его анализ позволит ответить на сложные вопросы, ответы на которые пока существуют лишь в форме вербальных фиксаций, отражающих конкретный ряд событийных очевидностей, зафиксированных многими исследователями как явления гламура. Что является стержневой основой гламура? Какими факторами обусловлена его масштабная экспансия? Почему экспансия гламура обесценивает идею информационного общества? Почему в бытие гламура присутствует только молодость и отсутствует смерть? Почему гламур столь агрессивен, нетерпим и жесток? Вопросы можно задавать бесконечно.

Как известно, любое вопрошание порождается некоей неизвестностью, скрытой тайной, обнаружение которой формирует любую проблему. Для нас проблемой исследования является содержание и определение границ возможностей бытийствования гламура в социуме. Бытийствование – это поиск бытия, нахождение вечного, того, что всегда отсутствует, того, чего нам недостает. А поиск бытия – это поиск тех оснований жизни, прикоснувшись к которым человек находит в себе силы для преодоления враждебности мира и возможность почувствовать себя «светом этого мира». Многообразие бытия проявляется через сущее, в рамках которого взаимодействуют природное и культурное, телесное и духовное, научное и техническое, явное и скрытое. Перечисленное существует в аспекте его причастности к бытию, поэтому анализ гламура как сущего возможен только в данном аспекте. Определив таким образом смысловое поле гламура, мы выполним две важные эпистемологические задачи. Сущее понимается как отражение мира чувственно-материальных вещей и отношений в аспекте онтического. Различие онтического и онтологического вводит М. Хайдеггер в связи с различием сущего и бытия. Онтический аспект характеризует существование конкретно-сущего, а онтологический план существования указывает на бытие сущего, т.е. на то, что дает возможность данному сущему быть таким, какое оно есть. Во-первых, включив гламур в «ситуацию сущего», мы переведем его анализ на уровень философской рефлексии (не игнорируя при этом исследовательские задачи культурологической парадигмы). Во-вторых, сможем выявить исторические истоки гламура в единстве предметно-чувственной стороны бытия, со всей «жизненной сферой» человеческого самосознания, аккумулирующей все стороны социального бытия, во всем многообразии отношения человека к миру. Сущее существует не только в пространстве, но и во времени. Поэтому гламур, в контексте сущего, имеет свою историю. Заметим, что историческое появление гламура, начало его победоносного шествия (пока лишь в качестве художественного стиля) удивительным образом совпало с той социокультурной ситуацией, когда развитие европейской цивилизации начинает приобретать все более техногенный характер. Сегодня цивилизационный подход при анализе социального приобретает но-

вую жизнь. Позволяет органически соединить классические и постклассические парадигмы исследований. Цивилизационный подход, в рамках которого упорядочивается структурированное пространство социума, позволяет обнаружить в современности целостный смысл, разорванный плюралистичностью и устремленностью к развитию мира. Смысл этот состоит в трансцендировании, выходе за пределы эмпирического бытия, если не к Богу, Космосу или другому абсолютному субъекту, то, например, к человеческому роду. Поэтому цивилизация как историческая форма организации общественной жизни проявляет себя в способах упорядочения вещной среды и в способах вещного оформления общественных отношений людей. И хотя цивилизация обнаруживает себя в характере и содержании любой деятельности человека (научной, художественной, производственной, политической, повседневной и др.), для всех феноменов цивилизации важно их проявление в материально-структурных особенностях вещно-предметной среды. Именно поэтому разные цивилизации отличаются той предметной средой, которую они создают и в которой протекает жизнь человека.

Направленность и усиление техногенного фактора в европейской цивилизации связана с наступлением второй промышленной революции (изобретением машины и парового двигателя), которая осуществила новый качественный скачок в развитии производительных сил, что привело к рождению индустриального общества, к появлению рынка товаров, труда и капитала. Возникло капиталистическое общество. Именно в его рамках четко проявилась структура «культурно-генетического кода», в котором «культурные матрицы», нечто типа генома, обеспечивают воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. С развитием капитализма разрушаются первоначальные природные зависимости людей и создаются новые связи, определяемые совокупным общественным трудом. Открывается вторая по сравнению с природой онтологическая реальность – реальность культуры. Рассмотрим содержание культурных матриц техногенной цивилизации и их влияние на появление и развитие гламура как социального явления. В структуру матриц включены идеи, система ценностей, картина мира, поведенческие ориентиры, артефакты – все то, что может варьироваться и модифицироваться, сохраняя при этом общие признаки в качестве глубинного инварианта, характерного для конкретного типа цивилизационного развития. Одной из матриц, которая определила мировоззренческую направленность техногенной цивилизации, выступает идея преобразования мира посредством подчинения человеком природы. Как сформировалась эта идея? Человек, как известно, не является завершенным существом. Природа, развив его до определенной точки, оставила наедине с самим собой. В этой ситуации у человека есть выбор: либо продолжать собственное развитие своими усилиями и средствами, либо остаться до смерти таким, каким он родился, без всякой способности к саморазвитию. Как известно, человек выбрал ситуацию антропогенеза, онтологическим основанием которого выступило преодоление (компенсация) собственной изначальной неспециализированности. Так как человек по природе своей не занимает строго определенного места, он постоянно обречен, как верно замечает философский антрополог Хельмут Плеснер [1, с. 128], на бесконечный поиск преодоления собственной неспециализированности путем создания Своего мира. Но существует внешний мир – это единственный мир природы, человек делает его своим, преобразовывая по собственному усмотрению, опираясь при этом на могучую силу, дарованную антропогенезом, – рефлексивное сознание, которое формировалось в процессе предметно-практической деятельности. В рамках этой деятельности человек использовал как естественные орудия – силы природы (ветер, вода, огонь), так и искусственные орудия труда. В их производстве возникают первичные техники как процедуры постоянного повторения приемов и правил в поиске средств достижения конкретных целей. В этих поисках формируется сначала стихийная саморефлексия над техникой как средство, защищающее от природы путем приспособления себя к природной среде.

Здесь техника выступает лишь инструментом компенсации собственной скудности, инстинктивного приспособления к природе. По мере усложнения практической деятельности формируется новый технический способ освоения природы, приспособление *природы к себе*, универсализация которого саморефлектировалась в идее господства человека над природой. Отметим, что технический способ освоения природы первоначально не носил ярко выраженного агрессивного характера. Плановое вмешательство в природу, ее приспособление к потребностям человека выступало скорее в проективном аспекте. Как учебно-объяснительный способ такой организации мира, где соединялось в нераздельное целое конкретная операция над исходным продуктом, целевые установки по созданию конкретного продукта, включенность накопленного опыта. В проективном способе организации мира формы рефлексивной деятельности все более усложнялись. Ведь для того, чтобы сделать и воспроизвести однажды выполненное действие, надо продумать, осознать, каким образом это действие описать и сформулировать в виде приложения к конкретному целевому акту деятельности. Разнообразие форм рефлексивной деятельности, их практические возможности детерминировались индивидуальными особенностями человека. Ситуация все возрастающей индивидуализации человека, развертываемая посредством рефлексивного сознания, своим следствием получает многовариантность бытия с его возможностями выбора. Так появляется еще одна матрица техногенной цивилизации – автономная личность. В исторических условиях авторитарного государства автономная личность переносит практики авторитаризма на свои отношения с природой. Так возникает вариант технического освоения природы – вариант войны, агрессии к природе. Отношения с природой рефлексивно осознаются как овладение её богатствами, это отношение исторически закрепило в культурной норме, существование которой поддерживалось и обновлялось. Впоследствии соединившись с матрицей власти, матрица войны с природой сформировала идеологию технократии и экспертократии. Технократия и экспертократия формируют такое мироотношение, в котором овеществленная воля техники задает культуре технологический императив по отношению к природе. Суть этого императива – природа есть только сырьевой материал и больше *ничто*. Если раньше в рамках существующей оппозиции природа – культура скрывалась возможность «игры с природой» по сценариям Я – Другое или Я – Чужое, то в техногенном мироотношении данная возможность растворяется, по меткому выражению М. Хайдеггера, в «забвении бытия». В пространстве забвенного бытия природный мир загоняется в резерваты – заповедники, национальные парки, зоопарки, красные книги, где природный мир начинает существовать как символический экспонат [2, с. 56]. Вместе с тем в этом пространстве рассеивается способность человека различать удовольствия и радость, так как эта способность, по мысли Конрада Лоренца, определяется природной основой человеческого существования [3, с. 31]. Разрыв природы и культуры стал одной из причин распада единства в гармонии предметно-вещной среды. Это единство поддерживалось вхождением вещи в ансамбль предметного мира, в котором вещи имели «интимное» отношение к человеку. Теперь, в процессе ускорения потребления вещей, она, не успев прижиться у владельца, изнашивается не только вещественно, но и символически, в итоге вещь превращается в ничто... Но ничто – основание для потери родовой сущности человека. «Когда наше бытие продвинуто в Ничто... мы становимся заместителями Ничто, мы становимся конечной матрицей», – считает М. Хайдеггер [4, с. 58].

В современном обществе символизация не только ведет к осознанному идеалу потребления, но и формирует всеобщность поведенческой модели, направленную на конструирование вещи, человека, мира в целом. Ведь символ одновременно есть *образец*, конституирующий методологическую установку на потребление, и *базовая операция*, которая формирует меру потребления и образ мира. В итоге соединение символа с технологизацией общества приводит к тому, что техника проникает в область осознан-

ного видения (как действовать, что получится в результате, как жить в соответствии с этим). Это окончательно приводит к растворению культуры в технике и появлению «третьей» природы – искусственной техносферы, в которой человек всегда имеет дело не с *данным* объектом, а с *заданным*, то есть сконструированным объектом.

Именно в пространстве техносферы гламур окончательно из явления стиля культуры превращается в объект техносферы, конструирование которого определяется метафизическим основанием жизни. Так как понимание воспроизводства жизни как природного процесса не включено в пространство техногенного общества, основанием жизни становится идея бессмертия. В культуре человечества эта идея не нова: например, реальное воплощение она получила в образе Голема или в образе Франкенштейна, героя известного романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Всеобщность техники и технологии при условии разрыва культуры и природы приводит к необходимости конструирования идеи бессмертия, которая трансформируется в *квазиматериальное* бессмертие (клонирование, замена или искусственное конструирование частей тела). В данном аспекте гламур представляется не культурным, а техногенным способом вхождения в мир и существования в нем. Например, человек гламура вечно молод, не имеет родителей, мерцает на фоне безликих, но многочисленных друзей [5, с. 168]. Он существует только в пространстве, а не во времени. Это и понятно, так как биологический вид жизни – процессы с памятью, а память техники – оперативная и не имеет предшественников, поэтому в гламуре как техногенном способе существования отсутствует детство. Дети презентатируются как символы взрослых или в качестве реборна – знака живого ребенка. Отрыв от природной основы приводит к новому осмыслению телесности: тело не представлено, а сконструировано полностью или частично. Например, известная дива современного российского гламура – Ирэн Феррари – имеет самую большую в России силиконовую грудь, Кристина Рэй сделала более ста инъекций ботокса в губы, раздвоила язык и сделала эльфийские уши, Олеся Малибу (Кожевникова) полностью сконструировала все значимые части тела. И таких примеров много. Таким образом, главным основанием появления человека гламура на «сцене современности» является искусственная содержательность техногенной цивилизации в ее оторванности от собственной биологической основы. Можно с уверенностью сказать, что явление гламура – это ещё один социальный проект человека, соответствующий вызову техногенной цивилизации. Встает вопрос не только о границах применимости этого проекта, но и о его прогностических возможностях в будущем. Но ответ на этот вопрос лежит в плоскости решения глобальной проблемы: сможет ли техногенная цивилизация вообще существовать без породившей её биологической основы; не прекратится ли с наличием искусственной цивилизации существование самого человека.

Литература

1. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 128 (96-151).
2. Конев В.А. Мир культуры и мир Бытия // Высшее образование в России. 2001. № 6. С. 56.
3. Подробнее см.: Конрад Лоренц. Тепловая смерть чувства // Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. Ульяновск, 2008. С. 31-40.
4. Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 58.
5. Степанова О.С. Концепция личности в «философии» гламура // От неразумия к разумию через самопознание и самосовершенствование: монография / Отв. ред. В.И. Иванов. Вып. 11. Красноярск: Литера-принт, 2011. С. 168.

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается состояние религиозного сознания современной студенческой молодежи. На материалах конкретного социологического исследования анализируются мировоззренческие аспекты влияния религии на структуру ценностных ориентаций и установок молодежи, определяются пути совершенствования нравственного сознания молодежи.

Ключевые слова: молодежь, религия, вера, церковь, духовные интересы, ценностная ориентация, нравственное сознание.

В современном российском обществе происходит серьезная трансформация как социального, политического, экономического устройства, так и его духовных основ. В настоящее время наше общество находится в поисках устойчивых духовных ориентиров, которые могло бы разделять большое число членов общества. Отсутствие идеологии в обществе приводит к размыванию представлений о духовно-культурных и нравственных ценностях у различных социальных групп. Поскольку будущее страны определяет молодое поколение, необходимо изучать составляющие общественного сознания молодежи. Важнейшую роль в развитии и сохранении духовных основ общества играют культура, религия, наука, духовно-нравственная социализация молодого поколения. Религия – один из важнейших компонентов духовной сферы, поэтому отношение молодежи к религии всегда являлось приоритетным направлением исследования как у отечественных, так и у западных социологов. В течение пятнадцати последних лет проведено множество исследований, посвященных религиозности молодежи, публикуется множество данных, характеризующих состояние религиозного сознания российской молодежи [1-8]. Однако целью подобных исследований в основном является изучение степени, уровня и характера религиозности молодежи, определяемых через анализ ответов на вопросы о религиозной самоидентификации, частоте посещения церкви, знакомстве с Библией, Кораном и т.д. Нам хотелось добавить к рассмотрению данной темы еще один аспект – качественный анализ восприятия религии, ее влияния на ценностные ориентации молодежи.

Информация о состоянии и динамике данных показателей является ключом к пониманию всей культурной сферы общества и необходимым условием для разработки и изучения путей совершенствования нравственного сознания молодежи. Студенты являются активной общественной группой, требующей тщательного изучения, тем более что сегодняшние студенты – это завтрашняя основа общества. При этом следует помнить, что у такого объекта исследования, как студенчество, есть определенные особенности. С одной стороны, у них уже сформированы или находятся на завершающей стадии формирования культурные и политические мировоззренческие позиции, с другой – студенты еще не способны активно влиять на процессы культурной и политической жизни общества.

Эмпирические данные, анализ которых представлен в данной публикации, были получены в ходе исследования, проведенного авторами в 2011-2012 учебном году в Самарском государственном техническом университете. Целью исследования стал анализ состояния нравственного сознания студенческой молодежи и факторов, влияющих на общую культуру и систему ее ценностных ориентаций.

К основным задачам социологического исследования были отнесены:

- анализ отношения молодежи к религии;
- определение структуры досуговых практик;
- выявление наиболее эффективных путей влияния вуза на совершенствование нравственного сознания молодых людей.

Для отбора респондентов был использован кластерный вариант выборки: пропорционально численности студентов на факультетах осуществлялся отбор групп на каждом курсе обучения, кроме V курса. Внутри отобранных групп проводился сплошной опрос. Всего было опрошено 500 человек, в том числе 55,8% мужчин и 44,2% женщин.

Нравственные нормы и установки в студенческой среде

В современном российском обществе на фоне отсутствия единой общегосударственной идеологии все чаще возникает вопрос о поиске новой цивилизационной идентичности, ядром которой может стать религиозная идентичность. Как известно, религиозное сознание представляет собой систему мировоззрения, сложную совокупность верований, символов, ценностей, моральных заповедей, которые содержатся в священных текстах и писаниях. Оно характеризуется чувственной наглядностью и наличием религиозной веры, выражаемой в языке при помощи религиозной лексики. Мировоззренческая функция религии реализуется благодаря наличию в ней определенного типа взглядов на человека и общество. Именно поэтому нас, прежде всего, интересовали нравственные аспекты сознания студенческой молодежи, объективные и субъективные характеристики последнего.

Таблица 1

Поступки, недопустимые для человека

(индекс допустимости от совершенно недопустимых (-1) до (+1) вполне допустимых)

<i>Поступки и ситуации</i>	<i>В целом по выборке</i>
Политическое убийство	-0.39
Измена Родине	-0.6
Употребление наркотиков	-0.77
Самоубийство	-0.83
Покупка краденых вещей	-0.41
Обогащение за счет других	-0.2
Пьянство	-0.11
Деловая необязательность	-0.22
Проституция	-0.5
Сексуальные связи с человеком своего пола	-0.6
Дача (получение) взятки	-0.09
Публичное проявление неприязни к лицам другой национальности, другой веры	-0.3
Уклонение от налогов	-0.11
Нарушение законов	-0.05
Супружеская измена	-0.36
Уклонение от службы в армии	+0.11
Курение	+0.02
Аборт	-0.4
Добрачные сексуальные связи	+0.6

Анализ распределения индекса допустимости (табл. 1) свидетельствует о том, что в студенческой среде существуют определенные стереотипы отношения к различным поступкам и жизненным ситуациям, сформированные в комплексе обществом, культурой и семьей. Необходимо отметить, что для наших респондентов нет абсолютно допустимых или недопустимых поступков, речь может идти лишь о степени допустимо-

сти того или иного поступка. Наблюдается высокая степень интолерантности и неприязни для таких поступков, как самоубийство, наркомания, гомосексуализм и измена Родине. Причем самоубийство, по мнению респондентов, – поступок даже в большей степени недопустимый, чем измена Родине.

В отношении добрачных сексуальных связей студенты проявляют наиболее высокую степень толерантности. Вполне лояльно студенты относятся как к экономическим преступлениям – даче взятки, уклонению от налогов, обогащению за счет других, так и к нарушению закона в целом и уклонению от службы в армии в частности. Кроме того, проявлением чисто российской ментальности является терпимое отношение к курению и пьянству.

Однако распространенность тех или иных пороков в обществе зависит не только от оценки, но и от организации и состояния общества. Например, в ситуации обнищания и голода в обществе, строго осуждающем воровство, число случаев воровства будет расти, а распространение гомосексуализма в тюрьмах будет связано отнюдь не с особенностями сексуальной этики сидящих в них людей. Тем не менее, мы наблюдаем относительно мягкие оценки многих поступков со стороны молодых людей. Изменение отношения к различным поступкам – процесс, зависящий как от общекультурных факторов (мораль «смягчается» не только в России, но и в других странах), так, очевидно, и от специфических российских факторов. Современные молодые люди менее догматично относятся к морали, иначе понимают сложность моральных проблем и им все труднее категорично отвечать: «никогда».

Религиозное мировоззрение студенческой молодежи

Россия является многоконфессиональным государством, в котором насчитывается свыше 70 религиозных течений. Молодым людям все чаще приходится строить взаимоотношения со сверстниками – представителями других культур и вероисповеданий. Именно поэтому нас интересовали, прежде всего, вопросы религиозной самоидентификации и отношения студентов к другим религиозным течениям.

Результаты исследования свидетельствуют, что для студенчества характерен достаточно высокий уровень религиозности, поскольку больше половины опрошенных студентов (55,0%) относят себя к верующим. Причем необходимо отметить, что группа «колеблющихся между верой и неверием» может включать в себя и тех, кто ближе к вере, и тех, кто ближе к неверию. Соответственно среди 27,4% «колеблющихся» могут быть студенты, которые, не являясь верующими, все же соотносят свое поведение с традициями и предписаниями религии, исповедуемой их этнокультурной средой. Когда человек говорит о себе – «Я – верующий» или «Я – атеист», он определяет свою мировоззренческую и жизненную позицию. Однако следует помнить, что эта позиция может быть подвижной, и заявление о своей вере или неверии не означает, что человек «подписывается» под неким кредо, следовательно, лишь в незначительной мере дает возможность предсказать его ответы на другие вопросы.

Безусловный интерес представляет распределение ответов на вопрос непосредственно о вере наших респондентов. Во-первых, надо отметить, что число лиц, называющих себя верующими (55,0%), не совпадает с числом лиц, ответивших «да» на вопрос о вере в Бога (82,3%). Оно значительно меньше, так как самоидентификация как верующих в глазах респондентов – нечто более серьезное, чем просто сказать, что ты веришь в Бога. Отвечая так, человек как бы берет на себя определенные обязательства и включает себя в некоторую мировоззренческую категорию, отделяя себя от других категорий, противопоставляя себя им.

Респондентам было предложено ответить на вопрос о своей вере, где среди вариантов были ответы, касающиеся как традиционных христианских представлений о вере, так и распространенных среди невоцерковленных людей. Дальнейший анализ распределения ответов респондентов показывает достаточно хаотичную картину верований, бытующих в молодежной среде.

В целом можно сказать, что наши респонденты примерно в одинаковой степени признают свою веру как в мистику, астрологию, НЛО, приметы, так и в загробную жизнь, ангелов, бессмертные души и т.п. Можно даже сказать, что практически нет таких суеверий, в которые не верили бы молодые люди. Такая корреляция суеверий с верой характерна не только для наших респондентов, она характеризует, на наш взгляд, массовое сознание современной молодежи. Это явление можно объяснить тем, что в современном обществе институты, обеспечивающие воспроизводство традиционной религиозности, теряют свои позиции и доверие широкой общественности, при этом развиваются и активно пропагандируются установки развития трансцендентных жизненных смыслов, ориентированных на сиюминутные запросы населения, что является базой для развития эзотерики, мистики, оккультизма и нетрадиционной религиозности.

В анкете был вопрос о том, как молодые люди понимают слово «Бог». Из ответов становится видно, что удельный вес лиц, понимающих Бога по-христиански, как живого Бога, с которым человек может вступать в личные отношения, невелик (36,9%), особенно если сравнить эту цифру с числом верящих в Бога и считающих себя верующими. Достаточно высок процент респондентов, имеющих пантеистические представления о Боге как Мировом Духе или Вселенском разуме, – 29,3%.

В целом результаты исследования демонстрируют картину незначительного распространения веры в церковное учение в студенческой среде, что не удивительно, так как лишь 6,2% студентов хотя бы раз месяц посещают церковь, а около 50% вообще были там 1-2 раза в жизни. Тем не менее в ходе исследования мы выяснили, что в целом студенты положительно воспринимают религию как социальный институт: 77,4% считают, что «религия способствует сохранению национальной культуры и традиций»; 69,9 уверены, что она «воспитывает в людях высокую нравственность», а 63% студентов согласны с тем, что «религиозная вера утешает, помогает пережить жизненные трудности». При этом 49,8% положительно относятся к возрождению в российском обществе религиозных традиций и обычаев, однако основным мотивом такого отношения служит не возможность приобщиться к религиозной вере (9,1%), а желание повысить свой культурный уровень (31,8%).

Отношение молодежи к Церкви как организационной структуре института религии в целом позитивно, но далеко от безоговорочного признания необходимости религии и веры. Так, 57,7% опрошенных согласны с тем, что в духовных вопросах следует опираться на авторитет и знание традиционных религий, а 36,5% уверены, что для правильного выбора духовного пути надо попробовать все, в том числе и новые, нетрадиционные варианты религиозности.

К феномену новой религиозности можно отнести как религиозные (в узком смысле, т.е. институциональные) направления, так и направления неинституциональной религиозности, в том числе те, которые обычно не причисляют к религиозным. Последнюю группу направлений часто относят к «квазирелигиозности». Элементы квазирелигиозности присущи многим новым религиозным течениям, вневероисповедной мистике в современной России. Поэтому важно было выяснить, способна ли Церковь (традиционные религии) дать ответы на наиболее актуальные в современном российском обществе вопросы (табл. 2).

Таблица 2

Вера в способность Церкви дать ответы на различные вопросы

(индекс отношения: «-1» – совершенно не способна; «+1» – определенно способна)

<i>Считаете ли вы, что Церковь способна дать ответы на:</i>	<i>Индекс</i>
Вопросы морали	+ 0,4
Проблемы семейной жизни	- 0,09
Духовные потребности людей	+ 0,52
Социальные проблемы российского общества	- 0,37

Молодежь довольно резко разделила сферы жизнедеятельности общества по степени влияния на них Церкви. С точки зрения молодых, Церковь способна влиять на мнения людей исключительно в духовной сфере общества и совершенно не способна оказывать влияние на решение проблем в социальной сфере. Однако не следует забывать, что способность оказывать влияние и способность декларировать свою точку зрения, занимать активную позицию по актуальным вопросам современности – не одно и то же.

Иерархия ответов на вопрос, должна ли Церковь высказываться по определенным проблемам, фактически конкретизирует довольно абстрактные понятия «духовная сфера», «социальная сфера».

1. Актуальные духовные вопросы – 85,8%
2. Вопросы нравственности – 79,7%
3. Помощь малоимущим слоям населения – 76,3%
4. Религиозная толерантность – 75,4%
5. Проблемы семьи – 67,2%
6. Аборты – 67,2%
7. Различные этические вопросы – 65,7%
8. Гомосексуализм – 55,7%
9. Внебрачные связи – 40,7%
10. Борьба с безработицей – 31,6%

Эта конкретизация совершенно по-иному расставляет акценты в ожиданиях наших респондентов. Несмотря на то, что индекс влияния Церкви на социальную сферу общества составил (-0,37), а на проблемы семейной жизни (-0,09), от Церкви ждут реальной помощи малоимущим (76,3%), семьям (67,2%) и даже государству на уровне внешней политики (57,2%). Наряду с этим ждут от Церкви активной позиции по таким вопросам, как проблема гомосексуализма – 55,7%; проблема внебрачных связей – 40,7%; абортов – 67,2%. Таким образом, можно констатировать высокую степень эклектичности религиозного мировоззрения студентов, их слабую ориентированность и эрудированность в вопросах веры, религии, церкви.

Нас также интересовало отношение студентов к различным религиям, с которыми они сталкиваются в своей жизни (табл. 3).

Таблица 3

Отношение студенческой молодежи к различным религиям

(Индекс от «+1» – очень хорошее отношение к религии – до «-1» – очень плохое)

Религия	Ваше отношение к различным религиям:						Индекс отношения
	Очень хорошее	Хорошее	Безразличное	Плохое	Очень плохое	Всего	
Православие	47,9%	38,2%	11,1%	1,3%	1,5%	100.0	+0,58
Католицизм	8,5%	30,6%	54,7%	2,8%	3,4%	100.0	+0,33
Протестантизм	8,5%	20,5%	45%	4,4%	21,6%	100.0	+0,33
Ислам	7,7%	25,7%	50,4%	10%	6,2%	100.0	+0,17
Буддизм	6%	25,9%	56,8%	1,9%	9,4%	100.0	+0,2
Иеговизм	2,1%	13,5%	66%	9%	9,4%	100.0	-0,03
Восточные и мистические религиозные движения	4,5%	15,4%	67,1%	5,3%	7,7%	100.0	+0,07

Анализ распределения свидетельствует о весьма своеобразном отношении к религиям, существующим как во всем мире, так и непосредственно в России. Среди христианских религиозных конфессий наиболее позитивно оценивается православие как

доминирующее в российском культурном пространстве. Около 80% студентов позиционируют себя в качестве православных. Также позитивно студенты оценивают католицизм. А вот протестантская версия христианства, как и иеговизм, воспринимается и оценивается студентами скорее негативно. Что касается ислама, буддизма и ряда восточных мистических учений, то их оценка незначительно отличается и может быть интерпретирована скорее как нейтральная. Таким образом, религии в соответствии с отношением к ним опрошенных образуют определенную иерархию – хотя ни одна религия не может сравниться с православием, есть религии, к которым респонденты высказали положительное отношение. Легко заметить, что эта иерархия не основывается на религиозной близости к православию. Отношение к исламу и буддизму, например, лучше, чем отношение к протестантизму и иеговизму. Объяснением этой иерархии может быть то, что буддизм, католицизм и ислам – это религии других народов, которые не пытаются распространяться среди русских. А иеговизм и протестантизм пытаются вносить плюрализм в сферу, которая должна оставаться неизменной, то есть это религии, приверженцы которых ведут наиболее активную пропаганду среди русских. При этом интерес представляет распределение ответов на вопрос о правах разных религий в российском обществе. Более 60% опрошенных считают, что все религии в Российской Федерации должны обладать равными правами.

В целом студенты демонстрируют положительное отношение к Русской Православной Церкви, доверие к ней. При выборе различных характеристик РПЦ характеристику «необходимая» и «терпимая» безоговорочно выбрали более 70%; «заботится о людях» – 69,7%; «помогает развитию культуры» – 65,8%. Вместе с тем парные оппозиции некоторых характеристик имеют весьма противоречивый характер. Отсюда следует важный вывод – православная самоидентификация студентов имеет весьма опосредованное отношение к религиозной вере. Она может порождать установку на веру, желание веры, но расстояние от установки до веры может быть достаточно большим. В этой связи необходимо отметить еще один факт: официальное игнорирование религиозной сферы в нашем обществе на протяжении длительного времени привело к тому, что уровень «религиозного образования» большинства населения (даже среди тех, кто считает себя приверженцем определенной конфессии) остается чрезвычайно низким, что создает благоприятные условия для распространения экстремистских учений, опирающихся на этноконфессиональную основу. Это свидетельствует о необходимости введения в образовательных учреждениях религиоведческих учебных курсов, направленных на получение объективного научного знания о религиях. Религиозная грамотность молодежи является важным инструментом, способным преодолеть стереотипы, пропагандируемые СМИ в отношении религии, и снизить уровень этноконфессиональной напряженности в стране.

Особое место в нашем исследовании было отведено выделению наиболее предпочтительных, по мнению студентов, форм воспитательной работы в вузе. К числу приоритетных направлений такой деятельности студенческая молодежь СамГТУ относит социальные акции, направленные на оказание помощи одиноким людям – как детям, так и старикам, а также занятия, направленные на профилактику наркотической и алкогольной зависимости. Достаточно позитивно студенты относятся к проведению дискуссий на духовно-нравственные темы, проведению совместных церковно-общественных праздников, а также к получению психолого-педагогических и духовных консультаций молодыми студенческими семьями.

Некоторые выводы

Подводя итоги исследования, можно сказать, что проблема духовности молодежи связана с получением ответа на многие жизненно важные вопросы, касающиеся не только отношения к обществу, другим людям, к себе, но и к тем ценностям, на основа-

нии которых делается выбор жизненного пути, цели и смысла жизни. Современный общественный дискурс наполнен мнениями о кризисе, переживаемом страной, об утрате гуманистических нравственных ценностей, о подчинении морали политико-идеологическим интересам. В определенной мере это верно, поскольку на формирование ценностей влияют происходящие в обществе экономические и социальные деформации, и нынешняя молодежь серьезно отличается не только от молодежи 90-х, но и от поколения «нулевых», поскольку у нее другие ценности, принципы, интересы.

1. Анализ результатов исследования свидетельствует о том, что в студенческой среде существуют определенные стереотипы отношения к различным поступкам и жизненным ситуациям, сформированные в комплексе обществом, культурой и семьей. Нравственные установки современной студенческой молодежи довольно противоречивы и динамичны, молодежь легко адаптируется и хорошо ориентируется в социальном пространстве. Однако в ситуации зыбкости нормативной структуры общества молодые люди порой не отдают себе отчета в том, что нарушение традиционных норм морали – это путь к саморазрушению.

2. Досуговые практики студенческой молодежи сегодня не отличаются большим разнообразием. Особенно настораживает тот факт, что вуз как активный агент социализации не использует всех возможностей влияния на молодежь. Результаты исследования свидетельствуют о том, что лишь ничтожно малая часть студентов участвует в общественной и культурной жизни университета, использует возможности интеллектуального и нравственного развития в социокультурном пространстве вуза.

3. Анализ результатов исследования по проблеме религиозности молодежи приводит к весьма противоречивым выводам. Данные по религиозной самоидентификации молодежи на всем протяжении исследования колеблются в достаточно широких пределах.

4. На наш взгляд, прирост религиозности в студенческой среде достигается за счет увеличения числа приверженцев нетрадиционной духовности (астрология, магия, гадание и др.), тем не менее, значительная часть молодых людей позиционирует себя как сторонников традиционных религий. Это явление можно объяснить тем, что в современном обществе институты, которые обеспечивают воспроизводство традиционной религиозности, теряют свои позиции, при этом активно пропагандируются и распространяются альтернативные формы религиозности – эзотерики, мистики, оккультизма и нетрадиционных религий, предлагающие разнообразные способы удовлетворения духовных запросов общества.

5. Удельный вес лиц, понимающих Бога по-христиански, как живого Бога, с которым человек может вступать в личные отношения, невелик (36,9%), особенно если сравнить эту цифру с числом верящих в Бога и считающих себя верующими. Сравнительный анализ распределений, представленных в исследовании, демонстрирует картину незначительного распространения веры в церковное учение в студенческой среде.

6. Отношение молодежи к Церкви как организационной структуре института религии в целом позитивно, но далеко от безоговорочного признания необходимости религии и веры. Для многих молодых людей деятельность Церкви должна быть строго ограничена областью удовлетворения религиозных потребностей верующих и духовно-нравственным воспитанием. Фактически, одобряя возрастание роли религии в обществе, молодежь не видит в Церкви участника социально-политических процессов.

7. Не пользуется популярностью среди молодежи утверждение о приоритетном положении Русской Православной Церкви по сравнению с другими конфессиями. В большинстве своем молодые люди поддерживают тезис о равенстве всех религий перед законом.

8. Молодежь довольно резко разделяет сферы жизнедеятельности общества по степени влияния на них Церкви. С их точки зрения, Церковь способна влиять на мнения людей исключительно в духовной сфере общества и совершенно не способна оказывать влияние на решение проблем в социальной сфере. Тем не менее, от Церкви ждут реальной помощи малоимущим (76,3%), семьям (67,2%) и даже государству на уровне внешней политики (57,2%).

9. Анализ результатов исследования свидетельствует о весьма своеобразном отношении к религиям, существующим как во всем мире, так и непосредственно в России. Религии в соответствии с отношением к ним опрошенных образуют определенную иерархию – хотя ни одна религия не может сравниться с православием, есть более и менее «уважаемые» религии. Отношение к исламу и буддизму лучше, чем отношение к протестантизму и иеговизму. Возможно, объяснением наличия этой иерархии может быть то, что буддизм, католицизм и ислам – это религии других народов, которые не пытаются распространяться среди русских. А иеговизм и протестантизм пытаются вносить плюрализм в сферу, которая должна оставаться неизменной, то есть это религии, приверженцы которых ведут наиболее активную пропаганду среди русских.

10. Учитывая, что социальный феномен религиозности современной молодежи является довольно размытой, неопределенной и сложной структурой, а также то, что формальный рост религиозности в молодежной среде достигается за счет верующих в сверхъестественные силы, индифферентных и колеблющихся, мы считаем своевременным преподавание в вузе светских религиоведческих дисциплин и открытие на базе вузов духовно-просветительских центров, способных реально влиять на нравственное сознание студенческой молодежи.

Литература

1. Гиндер И.А. Отношение российской молодежи к религии и теория секуляризации // История образования и науки в Сибири. Вып. 3. Красноярск, КГПУ, 2009. С. 23-28.
2. Коул Э., Кобиа С. Сильный индивидуализм и материализм — новые вызовы христиан постсоветских стран [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.christiantoday.com/article/2799.htm> (Дата обращения: 5.04.2012).
3. Кузнецова Л.И. Молодежь и религия: социологическое исследование // Миссионерское обозрение. 2005. № 1. С. 25-30.
4. Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. Киммо Каарияйнена, Дмитрия Фурмана. М., СПб.: Летний сад, 2007. 400 с.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003. 496 с.
6. Полозова М.И. Молодежь и религия: сб. материалов международной конференции «Молодежь – будущее цивилизации». СПб., 2006. С. 71-73.
7. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX в. М.: Академический Проспект, 2005. 297 с.
8. Широкалова Г.С., Аникина В.В. Гражданственность и религиозность современного российского студенчества // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / Под общ. ред. Ю.В. Вишневого. Екатеринбург, 2009. С. 668-680.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЭССЕНЦИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ СОЦИУМА

В статье рассматриваются эстетические проблемы социального бытия на основе явлений исторического прошлого конца XIX века и современности. Поднятые философские проблемы изучаются с помощью категориального аппарата эстетики методом сравнительного анализа. Обозначены эстетические пути и методы совершенствования материальных и духовных основ жизни человека и общества.

Ключевые слова: эстетизация мировоззрения, нравов, поведения человека; эстетика социальной культуры, свободы и справедливости.

В работе актуализирована философская диалектическая проблема эссенциального и экзистенциального соотношения социальных реалий. Эссенциальное осмысление сути философских категорий свободы, ответственности и справедливости, в конечном счёте, приводит к пониманию необходимости исследования проблемы этизации и эстетизации мировоззрения, идеологии, поведения и культуры каждого человека, то есть к экзистенциальной проблеме воспитания гуманных людей, от которых, в конце концов, зависят все достижения, успехи и условия общественного бытия. Эссенциальные основы жизни человека и общества представлены существующими социопсихологическими взаимоотношениями, формирующими и перестраивающими как в деструктивном, так и в созидательном направлении культуру «второй природы», начиная от межличностных отношений, функциональных связей социальных институтов до сословно-классовых условий общественного бытия. Экзистенциальное обывательское понимание культуры часто ассоциируется лишь с разнообразием художественного творчества, литературы, искусства, поэтики, архитектуры, ваяния, зодчества и т.д. Однако такое понимание содержания и сути культуры экзистенциально представляет собой лишь утилитарно-потребительский взгляд на содержание и суть социокультуры.

На современном этапе социально-исторического развития экзистенциальная реальность социального бытия во многом носит позитивно прагматический характер. Известно, что целью каждого человека является богатая, прекрасная и счастливая жизнь. Методологические и технологические цели, пути, средства и способы решения этой главной проблемы даже в одной социально-исторической культуре экзистенциально диалектичны, то есть понимаются как диаметрально противоположные. Экзистенциальное их содержание и суть будут зависеть от генно-биологического состояния человека, от психологического типа мышления, от уровня интеллектуального и образовательного развития, от морально-нравственного воспитания, от половой принадлежности, от состояния здоровья, возраста, религиозности, от принадлежности к соответствующей этнокультуре, от производственно-трудовых, материально-финансовых, социально-политических и правовых условий жизни.

На основании вышесказанного уместен следующий познавательный эссенциально-эвристический вопрос. А возможна ли богатая, счастливая и красивая жизнь каждого человека (или большинства населения) без наличия главного мировоззренческого, культурологического, нравственного «категорического императива» и его следствия – без правового экзистенциального атрибута жизни – справедливости? Для этого, прежде всего, надо ответить на вопросы: что такое справедливость и что такое богатая, красивая и счастливая жизнь? Так, на переломе XIX-XX веков сначала русский народник, затем первый русский марксист и философ Г.В. Плеханов в статье «Смещение представлений» категорию справедливости экзистенциально совершенно верно соотнёс с кате-

горией собственности, относящейся к производственной сфере социального бытия. «Неправильно <...> утверждение, что революционеры хотят «сокрушить собственность». <...> революционеры наших дней в огромнейшем большинстве своём <...> хотят не сокрушить «собственность, а придать» ей новый характер: заменить *частную собственность на средства производства – общественную*» [3, с. 396].

Эссенциальная суть современной официальной идеологии сводится к дифференцированному содержанию. Философские категории – гуманизм, свобода, закон, ответственность, культура, наука, техника, мораль, нравственность, этика, эстетика, экономика, производство, распределение и потребление – не являются общей и единой базисно-надстроечной основой жизни человека и общества. Между ними якобы не существует социальных связей, и поэтому нельзя изучать их обобщённо. Они представляют разнообразные экзистенции реалий общественной жизни. Поскольку они представляют собой разные сферы жизни человека и поскольку они взаимно не детерминированы, существуя раздельно друг от друга, их надо изучать (исследовать) исключительно раздельно. Однако экзистенция общественного бытия такова, что это и есть основное содержание жизни, в котором, так или иначе, живёт каждый человек. А если эти сферы жизни взаимно отчуждены и абсолютно обособлены, то почему у людей столь обширные и разнообразные интересы, потребности, запросы и связи во всех сферах жизни? Каждый человек в той или иной степени одновременно является как пользователем, так и генератором соответствующих общественных отношений в разных сферах социального бытия – мировоззренческой, религиозной, политико-идеологической, социально-экономической, производственно-трудовой, научно-познавательной, инженерно-технической, морально-этической и духовно-культурной. Для людей одинаково важны все сферы социального бытия, поскольку жизнедеятельность каждого человека одновременно проходит во всех сферах общественного бытия.

Экзистенция социального бытия в жизни выступает как суровая реальность общественных отношений. Люди вынуждены постоянно отвечать на социально-экономические, идеологические и политико-правовые вызовы. Люди постоянно оказываются в таких условиях, которые так или иначе неизбежно и закономерно приводят их к осознанию необходимости разрешения главного социального вопроса – вопроса о справедливых и эстетических основах общественной, экономической, финансовой жизни, вопроса о социально-правовом равенстве (не декларированном, а реальном) и вопроса о доверии людей друг к другу. Условия общественной жизни ныне преимущественно формируются на основе эссенциальных представлений. Иначе говоря, в основном из-за гиперэгоистических и необоснованно претенциозных представлений некоторых людей о собственном месте и своей роли в жизни общества они полагают, что закон важнее справедливости, а они сами стоят над законом. Другие из-за собственных идеологических, политических и экономических заблуждений искренне верят в прямо противоположное – справедливость должна быть выше закона, а третьи абсолютно уверены, что закон и справедливость должны быть тождественны, эссенциально и экзистенциально представляя собой аксиологическую гармонию культуры общечеловеческого бытия как образца эстетического содержания и сути социального бытия.

Эстетический анализ тождественности эссенциального и экзистенциального приводит к философской верификации содержания и сути аксиологической и культурологической истинности социального бытия человека. Эссенциальное содержание истинности социального бытия человека невозможно без гуманистического начала, являющегося единственным критерием и единственным условием формирования высокого уровня духовно-материальной культуры бытия человека и всего общества. Для каждого человека экзистенциальным содержанием социального бытия является эстетическая основа гуманизма, вырастающая на благодатной мировоззренческой, философской и правовой почве справедливости. Однако в обществе понятие справедливости и

его формы далеко не однозначны и не обязательно диаметрально противоположны и антонимичны. И здесь очень важно, чтобы в сознании хотя бы большинства сформировалось бы стойкое убеждение в том, что эссенциальная суть категории справедливости может быть экзистенциально воплощена в реалиях жизни человека и общества. Тогда национальная идея совпадёт с социальной реальностью уже не как утопия и не как категорический императив, а как ежедневная повседневность, как реальное явление, как содержание, как форма взаимоотношений и естественная норма жизни каждого человека. И тогда в условиях гуманизма и толерантности деструктивные элементы в виде пережитков и пороков не смогут реставрироваться и буйно расцвести.

Онтологически общественная жизнь подчинена причинно-следственным отношениям. Особенно в периоды экзистенциальной социальной несправедливости буйным цветом расцветала эссенциальная антиэстетическая идеология. В такое время беспричинно и необоснованно объявлялись истинными социальными, экономическими и правовыми ценностями сословно-классовая дифференциация, приватизационное право и олигархическая собственность для одних и бесправная толерантность для других. Такой образ жизни апологетически и декларативно объявлен истиной общественного бытия. В сознание людей вгонялась эссенциальная антиэстетическая идеология как вполне естественная и приемлемая норма жизни.

Официальная идеология массово формирует у людей соответствующее сознание, которое цивилизованный человек не может расценивать как гуманное, культурное и эстетическое, поскольку оно базируется на лжи, коварстве и цинизме, выдаваемых в качестве харизматической изюминки оригинальности мышления и отношения человека к человеку. А гипертрофированный эгоизм объявляется харизматическо-волевым даром лидерства, зазнайство представлено как естественность природного доминирования над другим (ми). Но, как известно, в истории человечества гипертрофированные субэгоистические черты характера всегда вели и впредь будут приводить (если их не культивировать и не искоренять из сознания каждого человека) к таким явлениям жизни, как межиндивидуальное взаимоотноуждение людей, сословно-классовая дифференциация, эксплуатация, угнетение, дискриминация, беззаконие, произвол, насилие, конфликты, правонарушения, преступления, террор и войны. Безудержное, бесконечное алчное стремление к богатству, роскоши и господству есть причина личных несчастий и социального трагизма. В повести «История одной жизни» отражаются исторически давние, но такие сегодня узнаваемые события. «Иван Захарович «арендовал» несколько беспризорных и брошенных детей у нищих <...>. Маленькие нищенки ежедневно приносили ему изрядную выручку, и он держал их в ежовых рукавицах, строго наказывая, если они приносили, по его мнению, мало. <...> Иван Захарович бил их <...>, когда был очень пьян, когда возвращался из трактира, а дети с «работы» [6, с. 239].

Снобизм обосновывается как логическая неизбежность интеллектуального возвышения одного (их) над другими, остальными. Зависть представляется как стимулирующий двигатель конкурентоспособности, а чванство преподносится как образец откровенности и честности, нахальство – как находчивость, как способность проворно оказаться «в нужном месте в нужный час». Наглость объявляется «вторым счастьем», грубость преподносится как простота помыслов, действий и поступков, хамство обосновывается как право бесцеремонного вторжения в личную жизнь другого человека, агрессивность выдаётся за подлинное геройство, а стяжательство – за естественный и притом справедливый способ обогащения и т.д. Заносчивость трактуется как чувственная ранимость души, а презрение обосновывается как естественное превосходство био-личного над социо-общественным (коллективным). Пошлость объявляется нормой безграничного свободного («крутого») поведения, замешанного на высокомерном общении с другим (ми), как это проиллюстрировано в пьесе «Кумушки» М.Л. Михайлова конца XIX века. В ней колоритно отражён экзистенциальный реализм порока, прояв-

ляющийся в презрительно-высокомерном отношении господина соляного пристава Матвея Матвеевича Лукоянова к нищенке Сидоровой – беззубой старухе из богадельни, которая, заглянув в его дом, попросила у господина милостыни. А в ответ барин «как топнет на меня ногой, инда поджилки <...> затряслись – так я и остамела на месте. – Чего, кричит, не видала? Корок <...> арбузных не хочешь ли? Вон <...> на дворе подбирай – много их там, у помойной ямы; а в дом ни ногой!» [2, с. 246].

Безусловно, каждому гуманному человеку ясно, что эта сцена представляет собой антипод милосердного и справедливого отношения к человеку. Подобные тотальные сословно-классовые отношения в масштабах общества представляют собой экзистенцию социальной несправедливости, на деле проявляющуюся в социальных, экономических и правовых ограничениях. А это уже ничем не обоснованная секуляризация прав и свобод каждого человека. Она всегда есть следствие социально неразумного, безответственного, антигуманного и антигармоничного мышления, поведения и отношения некоторых людей к другим. А безответственность, паразитизм, доминирование и господство одних над другими всегда произрастает на почве необоснованной и неправомерной претенциозности. А логика безответственности паразитизма, доминирования и господства как идеологическая эссенция неизбежно порождает экзистенциальную социальную несправедливость, являющуюся эстетической антиномией бытия человека и общества.

Нельзя не заметить, что вышеприведённое экзистенциальное содержание мировоззрения и психологии является прямой угрозой социально-экономическому и правовому положению людей, стабильности и безопасности общества в целом. Именно такие представления и социальные претензии являются источниками общественных несчастий. Именно они являются источниками несчастий с драматическими социально-историческими последствиями, ставящими народ на грань выживания, или того хуже – приводящими к безграничному разгулу преступности, к террористическим и военным трагедиям, связанным с массовыми людскими потерями. Экзистенцию общественной жизни в таких условиях невозможно назвать ни свободным, ни счастливым, ни прекрасным.

Разумно устроенным общественным бытием надо назвать лишь гармонию эссенциального и экзистенциального содержания социальных условий жизни, в которых каждый гражданин является свободной, интеллектуальной, гуманной и творческой личностью. Подлинная эстетика общественного бытия представлена цивилизованной и справедливой жизнью, сформированной на основе духовного милосердия, возвышающего разум каждого человека до счастья и любви: «совершенная любовь <...> единство всех в одном, сознание всех в себе и себя во всех. Но такая совершенная <...> Любовь <...> предполагает *совершенное* общество, богочеловеческий союз <...>. Сознав её <...> мы должны работать над строением совершенного богочеловеческого общества» [7, с. 591-592].

К великому сожалению, в последнее время очень часто средствами массовой информации отрицательные и даже порочные черты характера умышленно возводятся в ранг благодетельных. При этом они тщательно маскируются под такими понятиями, как харизматичность, продвинутость и элитарность. Эстетические понятия в обыденном массовом сознании скудны, поверхностны. Экзистенциальной иллюстрацией такого состояния могут служить всевозможные салоны красоты, салоны стилистов и пр., в которых люди заняты исключительно украшением внешнего облика и тела. Видимо, им эссенциальная суть подлинного эстетического содержания и сути человека и общества вовсе не знакома. Она определённо не знакома всем тем, кто не прозябает в бедности и нищете, всем тем, кто живёт праздну, весело, богато и роскошно. Видимо, те, кто никогда не задумывался о последствиях своих поступков и никогда в своих мыслях и

действиях не придерживался принципа категорического императива, гуманности, альтруизма, сострадания, взаимопомощи, чести и совести, представления не имеют о квинтэссенциальности культуры человека, если их основным принципом понимания прекрасного является известный тезис – «красота требует жертв».

Но, как известно, ещё со времён Н.Г. Чернышевского подлинное содержание красоты никак не отождествлялось с жертвенностью и жертвоприношением. Оно формулировалось с прямо противоположным смыслом, представленным как всемерная поддержка жизни, развития, расцвета, здоровья, совершенствования и пользы природе, человеку, обществу, человечеству. Эссенциальная суть эстетического вовсе не требует жертвовать ничьей судьбой, ничьим здоровьем и ничьей жизнью. Просто каждый человек должен всегда придерживаться принципа гуманной гармонии разума, поступков и дел. Раскрывая эссенциальную суть эстетических идей Г.В. Плеханова, М.А. Лившиц писал: «В своих опытах «научной эстетики» он рисовал историческую аллегория слияния двух начал, плохо сходящихся у его предшественников, – сознания и бытия, свободы и необходимости, передовой общественной мысли и стихийного движения народных масс» [1, с. 138].

Надо заметить, что искусственное культивирование подобных экзистенциальных реалий общественных отношений, к сожалению, неизбежно приводит к тяжким социальным последствиям, а в лучшем случае к общественному отторжению и забвению харизматизма как лживой идеологии, замешанной на ипохондрическом снобизме. Эта социально-историческая экзистенция подтверждается тысячелетним ходом исторической жизни народов, исповедующих индуизм, буддизм, ламаизм, христианство, толстовство: истоками людских и общественных несчастий, драм, трагедий и страданий являются исключительно циничные, подлые, безобразные, низменные и алчные желания тех, кто возомнил себя элитой. Буддизм предоставляет экзистенциальный методический способ преодоления и избавления от страданий. Достаточно лишь подавить в себе все свои желания (в том числе гуманные, моральные и нравственные) посредством упражнений и медитации так называемым восьмеричным путём. Однако это лишь банальное и общественно бесполезное бездействие, которое невозможно расценить как социальное благодеяние. Например, в необходимых случаях экстренного спасения здоровья и жизни человека от смертельной опасности бездействие преступно и может расцениваться как пособничество в причинении ущерба здоровью или содействие в летальном исходе.

Для футурологического исследования проблема геронтологического анализа понимания сути эссенциального и экзистенциального содержания общественного бытия особенно актуальна. Люди старшего поколения, особенно прожившие трудную жизнь, по сравнению с молодёжью имеют несравнимо более богатый трудовой, послужной и жизненный опыт. Прожив трудную жизнь, они могут более правдиво и более взвешенно сравнивать прошлое и настоящее, достижения политики и дипломатии, экономики и демократии, военно-промышленного комплекса и вооружённых сил, законности и правопорядка, культуры и спорта. Сегодня социально-эстетический эссенциально-экзистенциальный вопрос гармонизации теории и практики, идеологии и реальности, образования и культуры, науки и техники, общественного единства и государственной безопасности (целостности) восходит к разрешению главной общественной и государственной проблемы – научным, трудовым, экономическим, правовым и культурным путём сделать жизнь каждого россиянина благосостоятельной, духовно-нравственной, интеллектуальной, солидарной и прекрасной. Так, например, эссенциальная суть социального бытия Г.В. Плеханова восходит к достижению высокого уровня жизни каждого трудящегося гражданина на основе «торжества человеческого разума» над слепой, не-

разумной и бездушной силой – стихией рынка. «Разумная, планомерная организация общественного производства обеспечит удовлетворение «телесных потребностей» человека, как обеспечивается самую природою при всяких общественных отношениях удовлетворение «потребности дыхания» [4, с. 233].

Эстетика социальной культуры, свободы справедливости, ответственности всегда создается лишь на основе гуманности и социальной гармонии, которая представляет собой совокупность идеологических, правовых, экономических, производственных, распределительных условий общества. Составными элементами эстетики социокультуры являются среда, обстоятельства, отношения, взаимоотношения, ощущения и чувства, представляющие собой единство духовно-материальной сферы бытия человека и общества. Так, в сочинении В.С. Соловьёва «Философские начала цельного знания» представлена экзистенциальная причина эстетического содержания взаимоотношений людей как «*первоначальная красота, идея как красота, или идея красоты, есть единство чувства между духом, умом и душой*» [5, с. 279].

Видимо, поэтому в социально-историческом процессе развития человечества из дисгармонии взаимоотношений людей и диссонанса социально-экономических отношений ни в каком обществе и никогда не рождалась справедливая система социальных институтов и эстетическая культура общественного бытия. Экзистенция социального бытия такова, что устроить жизнь всего общества, то есть каждого человека, в соответствии с эстетическими законами – дело весьма хлопотное, трудоёмкое, сложное и длительное. Но она во многом достижима. При условии, что каждый дееспособный и разумный человек независимо от ранга, чина, материально-финансового состояния и служебного положения будет нести перед обществом пропорционально-соответствующую (т.е. соразмерную) нравственную, административную и уголовную ответственность за свои прегрешения, проступки, правонарушения и преступления. Тогда остальные люди будут вести более осознанную и культурную жизнь, не покушаясь на чужую личную, коллективную, общественную и государственную собственность. В этом состоит телеологическая суть эстетической эссенции и экзистенции бытия социума.

Литература

1. Лившиц М.А. Г.В. Плеханов: очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. М., 1983. 138 с.
2. Михайлов М.Л. Полное собрание сочинений: в 5 т. СПб. (б/г.) Т. 2. 246 с.
3. Плеханов Г.В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. 396 с.
4. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1956. 233 с.
5. Соловьёв В.С. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2000. Т. 2. 279 с.
6. Станюкович К.М. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1977. Т. 5. 239 с.
7. Трубецкой С.Н. Сочинения. М., 1994. С. 591-592.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ВЕЩЬ: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОЙ БАЗОВОЙ МЕТАФОРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Универсальный способ знакового опосредования в европейском видении мира есть некая универсальная «вещь», которая символизирует наиболее существенные стороны европейской метафизики. Взаимодействие запредельного и наличного в европейской культуре может быть представлено определенными символами. В классическом европейском варианте метафорой подобной универсальной «вещи» может являться метафизический циферблат. С развитием европейского мировидения циферблат (имманентное) отделяется от своего «механизма» (трансцендентное). Происходит ранжирование вещей до состояния абстрактных языковых позиций, словно на гигантском циферблате. Эта конструкция позволяет лучше понять, почему в классическом варианте метафизики так велика тяга к форме как таковой.

Ключевые слова: метафора, метафизический циферблат, форма, репрезентация, трансцендентное, имманентное.

Проблема репрезентации мира вещей через метафизические схемы в европейской метафизике сложна, но имеет некую однородную основу. Дело также в структурном зазоре между метафизической основой и знаковым, языковым, вещным проявлением европейского мирозерцания. Эвристически картину мира в европейской метафизике целесообразнее понять, используя некий ключевой образ.

Оптика нашего наблюдения подразумевает как обзор сущего «крупным планом», так и эффект детализации, т.е. смотрение через некую подзорную трубу или бинокль. Для адекватности наблюдения «оптика» должна быть чистой. Если признать, что учение И. Канта – это «критика разума, пытающегося рассуждать чисто», что будет означать «нечистое» в рассуждении? Эмпирический осадок, который все равно неустраним? В контексте нашего исследования это вело бы к отказу от метафорических выражений и попаданию в порочный круг понятийного мышления. Последнее означало бы очередной пуск бесконечного конвейера понятий, закабалившего европейское метафизическое мышление. И едва ли это является путем истины. Лишь метафора с ее естественной эмпирической «нечистотой» может помочь нам. Но это метафора отнюдь не поэтического свойства, это именно эпистемологическая метафора, предполагающая сложную систему трансцендирования эмпирических данных.

Метафизически базовая европейская метафизическая схема имплицитно содержит вариативные образы. Тем не менее, она может быть обозначена через эпистемологическую метафору часового циферблата. Мы могли бы предложить также метафору «картины» или «зеркального лабиринта», но это была бы несколько другая модель.

К примеру, Л. Витгенштейн постоянно употребляет слово «картина». Картина мира «заключена в языке». Он утверждает, что язык «постоянно берет нас в плен». Язык постоянно воспроизводит эту картину. Он «делает вещи» [3, с. 82].

Если бы мы рассматривали неклассическую и постнеклассическую эпоху, мы обнаружили бы очевидное стремление к обретению изначальной онтологической открытости. Но предметом нашего рассмотрения будет главным образом классический вариант европейской метафизики. «Классический» в смысле своего основного инварианта, в смысле схемы, благодаря которой поддерживается метафизическое единство и постоянство, схемы языкового опосредования. Мы указали на метафору «картины», но

нас больше интересует классический механистический образ европейской культуры, который восходит к самому ее «сердцу».

Проблема первоначала в европейской классической метафизике изначально смещена в сторону теоцентризма. И это именно моноцентризм, характерный для монотеистической религиозности. Священное Писание жестко опосредует любую возможную онтологическую открытость. «Первоначало» в европейской классической метафизике искусно «затерто» и отполировано до состояния некоей идеальной однородной субстанции. Тем не менее, даже с учетом исторической специфики происходит экстраполяция бытия вещного до состояния бытия универсального, трансцендентного. Как нам представляется, чтобы не было путаницы в понимании категории трансцендентного, удобнее всего будет оттолкнуться от того, что европейская культура не может существовать вне границы. Бытие на границе – вот основной способ ее бытия. И эта граница делает трансцендентным, запредельным все, что не укладывается в рамки ее универсальной метафизической схемы. При этом пограничный или трансцендентальный статус имеет именно язык как структура, порождающая все иные инстанции.

В конечном счете, универсальное существует как водораздел между человеческим и трансцендентным (нечеловеческим). В европейской культуре Я-субстанция приобретает рафинированные и величественные черты, возведенные искусственно в ранг абсолюта через понятие. Видны ее замкнутые совершенные контуры, оформленность через структуры языка и центрацию на культуросообразных моделях: общеевропейском или августинианском Persona, картезианском «Я» и т.д. Но есть и иные модели. К примеру, такое условное универсализированное «Я» нужно отличать от «я» бергсонизма, понимаемого через длительность. Первая модель Я-субстанции тяготеет к статусу абсолюта, вторая демонстрирует относительность метафизических притязаний на универсальность.

Итак, в европейской культуре существует некая существенная приверженность той главной «вещи», вокруг которой кружатся и вращаются все остальные. Утверждение «все равны перед богом» трансформируется во «все вещи равны перед главной вещью», которая репродуцируется в социально-культурном контексте – перед Законом, перед Властью, перед Абсолютной идеей. Все это гипостазированные сущности, напоминающие о божественном или ином трансцендентном, но уже не являющиеся таковым. Целая серия опосредований делает проблематичным непосредственный контакт с Иным. Происходит движение вокруг условного метафизического центра, движение, фиксируемое трансцендентальной заглушкой, которую создают культура в целом, язык и метафизические системы в частности. Это движение и есть то, что отсылает к базовой метафоре метафизического циферблата.

«Трансцендентальная заглушка» – случаен ли этот термин? Вовсе нет. Само европейское ratio, модель теоретического разума, основано на особом способе фильтрации трансцендентного. Будь то картезианское методическое сомнение с его центрацией на cogito, будь то трансцендентализм И. Канта или диалектический лабиринт Г.В.Ф. Гегеля – все свидетельствует о тенденции ограничить возможность вторжения в рациональный мир европейского сознания всякого рода инобытия. Наиболее жесткой моделью рационализации бытия является гегелевская диалектическая схема, существующая в континууме Чистого Понятия.

Посмотрим на вопрос иначе. Может быть, дело не в «главной вещи», не в метафизическом центре, но в самой «пустоте» циферблата, том искусственно заданном континууме, в который она помещена? Может быть, четкость и оформленность классического в европейской метафизике возникает из так называемого ничто? Образ ничто очень важен в качестве обязательного фрейма, обрамляющего категории метафизической классики. Процесс гипостазирования (от греч. ἰπόστασις – сущность, субстанция), наделяния абстрактных сущностей статусом действительного существования характеризует

ет основную линию развития европейской философии от ее истоков, от Пифагора и Платона до Гегеля и Витгенштейна. «Единое» у Плотина, метафизическое «Я» у Фихте, Абсолютная Идея, Абсолютный Дух и Чистое Понятие у Гегеля – в философской классике вещи возникают как результат оформления метафизического «ничто». Наконец, Ж.П. Сартр заявляет о ничто как об исконном определителе человеческого в нас самих. Ничто, которое автор экзистенциалистского проекта интерпретирует через понятие чистой трансценденции.

Механизм формовки масс бытия, отливания их в готовые вещи имеет свою историю. Это не только и не столько история европейского классического искусства, сколько история метафизики. Вызревание сущего до предельного изящества и лаконичности формы происходит через препарированное и унифицированное ничто человеческого сознания. Происходит ранжирование вещей до состояния абстрактных позиций на некой совершенной абсолютной поверхности, словно на гигантском циферблате, который сам метафизик не может увидеть, так как сам является его частью. «Чтобы тотальность бытия упорядочивалась вокруг нас в инструменты, чтобы она дробилась на дифференцированные комплексы, которые отсылают друг к другу и могут быть использованы, необходимо, чтобы появилось отрицание не как вещь среди других вещей, но как категориальная рубрика, руководящая упорядочиванием и распределением больших масс бытия в вещи» [8, с. 89-90].

Символически сознание напоминает часовой маятник, который отмеряет своими колебаниями временные интервалы, отсылая к универсальному ритму сущего. Вот это бергсоновское колебание маятника сознания «между созерцанием внешней и внутренней реальности» наводит на представление и о неких метафизических часах, и в то же время о метафизическом циферблате, который есть внешний край исподволь вызревающих процессов. Бергсоновская «точка, расположенная на одинаковом расстоянии» от «внешнего» и «внутреннего», напоминает деления на циферблате часов [1, с. 308]. Цитируя Бергсона, можно понять представление об особом предельном рецепте соотношения «бытия» и «ничто», о соотношении «материи» и «формы», которое дает нам базовая схема европейской метафизики. И, хотя бергсонизм претендует на оригинальность, подобная «маятниковая» модель сознания отсылает к знаменитому кантовскому трансцендентализму.

Да, конечно, нужно отталкиваться от того, что метафизический циферблат – универсальная вещь, в которой реализовалась некая основополагающая форма мышления. То, что мы называем единством «формы» и «содержания», «идеи» и «вещества», конечно же, проливает свет на проблему «вещности вещного», но дело именно в форме. «Разъятость» вещи на аристотелевские четыре причины или «повода» почему-то в классике стремится лишь к одной – формальной. Даже те выдающиеся мыслители в истории европейской философии, которые хотели бы избежать аристотелизма, не могли уйти от понятия формы. Николай Кузанский дает определение Бога как «универсальной формы бытия всех форм». Э. Кассирер, всецело опираясь на понятие символической формы, в то же время признает радикальность господства принципа формы, утверждая, что для Бергсона «самый акт формирования уже оказывается покрывалом Майи» [1, с. 308]. Господство принципа «формы» тотально, оно охватывает период от теологии раннего Средневековья до неокантианства и структурализма второй половины XX столетия. Характерно, что подспудно национальные языковые картины мира несут в себе альтернативы принципу формы. Понятие формы скрывает в себе недостачу природного, отчуждение человека от окружающего мира и от себя. Слово Ding, которое употребляет И. Кант для обозначения вещей самих по себе, в немецком изначально означало «речь», «разговор» и обязательно связывалось с местом, где этот «разговор» или собрание людей происходит [10, с. 54]. Немецкое Bild в отличие от лат. *formatio* или *imago* несет в себе семантику «строительства» как того процесса, который отталкива-

ется от телесного. Не говоря уже о древнегреческих «идея» и «эйдос» (др.-греч. ἰδέα – внешний вид, внешность, наружность, «то, что видно», в конечном счете, «образ»; др.-греч. εἶδος – вид, облик, образ). Именно тело оказывается тем первичным перцептивным полем, в котором укоренен εἶδος как образ. Однако для европейского мирозерцания характерна механизация телесного. Так почему же для европейского мировидения важна «форма» сама по себе, и не в ущерб ли это другим аспектам вещного? Если форма – это «осень» культуры, что же тогда будет ее «зимой» и «весной»? Почему рано или поздно «форма» истощается, и не следует ли это понимать как цикличность возобновления некой архетипической схемы?

Вообще выражение «форма сама по себе» можно представить как метафизическую карикатуру на «вещь саму по себе» Канта. Разве форма сама по себе, сознание само по себе, «Я» само по себе не иллюстрируют сам способ европейского мышления, которое любую трансцендентную инстанцию научилось создавать из «ничего»?

Существуют два аспекта образа метафизической классики как «часов». С одной стороны, механизм часов «за сценой», с другой – круг-циферблат перед нашим взором. С одной стороны, доступный познанию имманентный мир «чистого разума», с другой – трансцендентный мир вещей самих по себе, чистая длительность. Нигде еще, ни в одной другой цивилизации, онтологический горизонт не был так плотно и безнадежно замкнут и «зациклен». Длительность, соответствующая миру вещей самих по себе, парадоксальным образом представлена через специфическую для европейской культуры форму циферблата. Сущее получает свою символическую орбиту, орбиту, которую описывают движущиеся стрелки математического разума.

Как известно, к XIV веку в Европе время соборных колоколов, возвещавших о неких кардинальных событиях жизни, прошло. Время теперь делится не только по узловым моментам – полдень-полночь, восход-закат. В Европе появляются первые механические башенные часы, диск которых разделен на сетку из двадцати четырех часов. В 1370 г. король Карл V повелевает, чтобы все колокола парижских церквей и соборов звонили синхронно с башенными часами королевского дворца [7, с. 55-56]. Принцип действия часового механизма был открыт в XIII в. и реализован во второй четверти XIV века [7, с. 55-56]. Ж. Ле Гофф согласен с П. Ориолем в том, что время как бытийную сущность на рубеже двух указанных эпох сменяет время как концепт, как то, что опосредовано разумом и существует, прежде всего, в разуме [7, с. 55-56]. С началом Нового времени часы становятся моделью мира уже в полном смысле, своеобразным «произведением» искусства в мире «второй природы».

Многие европейские мыслители подтверждают эту идею в своих сочинениях. Прежде всего, это Ф. Бэкон. В сочинении «Афоризмы об истолковании природы и царстве человека» Ф. Бэкон для иллюстрации своего «инструменталистского» взгляда на природу и место человека в ней использует именно метафору часов: «Часы есть, несомненно, тонкая, тщательно изготовленная вещь, которая подражает небесному кругу своим вращением и биению сердца животных последовательным и размеренным движением» [2, с. 48].

Человек в трудах другого представителя эмпиризма, Т. Гоббса, так же как и у Ф. Бэкона, лишь механически искусственно воспроизводит природу. В Средневековье тоже существовало убеждение, что не сам святой творит чудеса, что он является лишь проводником божественной благодати. Вследствие подобных обстоятельств появляются характерные «механические» метафоры. Например, сердце – «пружина», суставы – «колеса». В сочинениях Т. Гоббса метафора часов употребляется в гораздо более прозаическом контексте. Часы для него являются одним из наиболее наглядных примеров автомата – самодвижущейся машины. Это искусственное тело, которое имеет искусственную жизнь. Кроме того, механические часы для него все равно остаются производением искусства, пусть и особого, инструментального, «машинного». Эти искусствен-

ность и механистичность – довольно характерная черта, которая подспудно войдет в европейский способ мирозерцания.

Р. Декарт представляет мир «подобно часовщику, который, рассматривая не им сделанные часы, обычно в состоянии по некоторым видимым их частям судить о том, каковы остальные», и считает, что можно экстраполировать человеческое точечное маленькое *cogito* на весь универсум [4, с. 419]. Р. Декарта, претендующего на статус главного творца механистической картины мира, следовало бы считать на метаязыковом уровне главным «часовщиком» новой метафизики. Метафизики, использующей фигуру искусственной природы в качестве универсального медиатора и модели человеческой деятельности, а значит, и культуры Нового времени в целом.

Недалека уже классическая эпоха, эпоха великих метафизических систематиков, эпоха немецкой классической философии. Эпоха И. Канта, который подвесит «метафизические часы» на небывалую доселе высоту интеллектуального космоса. Эпоха Г.В.Ф. Гегеля, который своим диалектическим методом отполирует циферблат до зеркального блеска и трансформирует его в феноменологическое зеркало, гигантский метафизический механизм сознания. Попав в гегелевское «зеркало-лабиринт», никакая вещь не сможет уже быть вещью самой по себе, просто вещью, – она сможет быть лишь одним из многочисленных эффектов, бликов на поверхности великого Чистого Понятия.

И. Кант утверждает, что наше представление о фундаментальных *argiōi*, пространстве и времени «есть только схема, имеющая всегда отношение к репродуктивному воображению» [5, с. 164]. Происходит непрерывное повторение, механическое воспроизведение того-же-самого, данное в виде некой схемы... Едва ли какой-то символ лучше циферблата часов может проиллюстрировать эту идею.

«Чистый образ всех величин (*quantogum*) для внешнего чувства есть пространство, а чистый образ всех предметов чувств вообще есть время. Чистая же схема количества (*quantitas*) как понятия рассудка есть число... Число, таким образом, есть не что иное, как единство синтеза многообразного...» [5, с. 118]. Часы как никакая другая метафора отсылают к кантовскому «единству синтеза многообразного». Пространственность циферблата унифицирует временную неоднородность в рамках одной символической поверхности. Равномерность расстояния между позициями часового деления на циферблате приводит многообразную чистую длительность к однообразному тождеству.

Понятие «чистый образ» отсылает к некоему семиотическому масштабу и требует символической репрезентации, т.е. подходящей «картинки» – циферблата часов. Помимо прочего, часовой циферблат воплощает собой идею некоего «масштаба» измерения времени. Это метаязык «позиций», уравнивающих любую неупорядоченность стихийных сил природы или социальной жизни.

Трансцендентальная схема, языковой каркас, метафизический циферблат – не являются ли эти искусственно созданные, гипостазированные сущности особями, иллюстрирующими один и тот же принцип? Говоря точнее, овеществление этих сущностей коренится в одном гипостазированном принципе. Эволюция кантовской методологии ведет к тому, что мы бросаем более широкий взгляд на ту же проблему и понимаем принцип, который является гарантом или обеспечением ее решения.

Символизм часов затрагивает не только метафизику или гносеологию И. Канта, но также этику и эстетику. «Кафедра добродетели», в пределах которой тасуется интеллектуальная колода, трансформируется и внешне напоминает гигантские часы, парящие прямо в воздухе. Поэтому мы говорим о «воздушном замке» или даже полете в интеллектуальном Космосе, «небесном Ничто» (Ф. Ницше), ибо что такое «трансцендентальные условия», как не «выход в космос»? В эстетическом мире Канта царит запрет на вторжение непосредственных ощущений в искусственно созданную реальность, что справедливо отмечает Т. Адорно в «Эстетической теории». Эстетическое удовольствие может быть сообщаемо всем, но «изнутри» субъекта и должно быть дозиро-

вано. Так, механическая кукушка появляется из часов в нужный момент, чтобы возвестить время, а потом снова исчезает в своем домике, чтобы «биться крыльями о вечные стены» (Ф. Ницше).

Символ часов не утрачивает своей значимости и для философии XX столетия. Так, для Ф.Г. Юнгера колесо является обобщающей мир техники фундаментальной метафорой. Причем для последнего значим не столько «циферблат», сколько «принцип колеса». Однако это «колесо» означает вовсе не естественную цикличность природных процессов, а «холодный» счет искусственно заданного социального времени.

Деревянные передаточные механизмы, систему взаимодействующих между собой валов и зубчатых колес в мельнице, колесную передачу в ровничных машинах, используемых на прядильных фабриках, в скоропечатных типографских станках, сменяет ювелирная точность часового механизма. «Мелкие металлические системы передач мы видим в часах... Дифференциальные механизмы состоят из различных зубчатых колес, у которых в работе передаточного механизма все время участвует третье колесико или винт, в результате чего создается дифференциальное движение, используемое в силовых передающих устройствах и в счетных механизмах... Это совершающееся во времени движение, на котором основаны все часовые механизмы (ведь часы – это не что иное, как механизм, состоящий из зубчатых колесиков), множится, ширится, обретает все новые связи и все больше и больше вторгается в жизнь человека, в его трудовую деятельность. Кто способен, осознав эти причины и следствия, остаться невозмутимым при виде колеса и, распознав в нем символ мертвого времени и сообразив, что этот символ означает для человека, не ощутить холодное веяние?» [10, с. 80].

Перейдем из сферы абстрактного языка философии в сферу литературного языка и поэтических конструкций. Неисчерпаемой семантической глубиной и репрезентативностью в этом смысле обладают сонеты У. Шекспира. В 77 сонете метаязыковым выражением, соответствующим немецкому «циферблат», в английском является dial, которое помимо циферблатных смыслов имеет такое значение, как «солнечные часы» и, в смысле уже современном, «набирать телефонный номер». Диск, который не только имеет деления на своей поверхности, но при этом еще вращается...

Thy glass will show thee how thy beauties wear,
Thy dial how thy precious minutes waste...
Thou by thy dial's shady stealth mayst know
Time's thievish progress to eternity.

Описание еле ощутимой, скрадывающей любое постоянство «тени времени» – dial's shady stealth – отсылает сразу к трем видам часов. Протекание – к клепсидре. Символизм тени – shady – к песочным. Тем не менее, не принципиально – песочные, часы, солнечные или механические. Главное то, что время течет незаметно, как тень, как репрезентация Ничто. Время общественное, время часов башенных, ставших репрезентацией и мерой социальной жизни, интериоризируется во время личностное. Наиболее эстетически оправданным представляется перевод С.Я. Маршака, который отсылает либо к отображению времени на часах песочных, либо к циферблату механических.

А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Эти две уточняющие метафоры, «часы» и «время», дополняют одна другую. Циферблат часов – это и зеркало, и небесный лабиринт, на поверхности которого происходят искания. Очень адекватно эти смыслы передает перевод А. Ковалевского.

Морщинки на лице в зеркальном отраженье
В могильный мрак помянут заглянуть;
Покажет ход часов, ворующих мгновенья,
Как время в вечность совершает путь.

Циферблат часов или зеркало в европейской культуре – поверхность, которая отделяет мир реальный от потустороннего. Существует архетипическая интенция европейской культуры – ставить ширму между миром «тем и этим», «этим и иным», обыденным и чудесным – таковы правила игры при поиске трансцендентной инстанции. Для философии такими инстанциями в новейшее время становятся сознание и бытие. Подобной трансцендентной инстанцией также является Бог.

Далее, если мы рассматриваем проблему соотношения концептов «часы» и «время», можно вспомнить, что говорит по поводу времени в «Творческой эволюции» А. Бергсон: «Время – это творчество, или же оно – ничто» [1, с. 380]. Проблема времени как «творчества априори» или творения как процесса проливает свет и на нашу «циклическую» репрезентацию времени. В данном случае не принципиально различие времени как «длительности» и времени как «цикла». Важен лишь *результат* творчества, результат «неизбежен». Ведь метафизический циферблат классики – это оптический эффект, параллакс двух «результатирующих» – общей онтологической основы, способа бытия классического (поверхность циферблата), и формального компонента на циферблате – метафизических «лета» и «осени» как характерных эмблем классического, противостоящих «неклассическим» «зиме» и «весне». Говоря иначе, архаика и неклассическое необходимо присутствуют как «теневые» ранжиры на светлом циферблате классического. Надо признать, что классика хотела бы представить архаику как «скелет в шкафу» или пугало «просвещенного» сознания. Это прискорбно, потому что она хотела бы отнять у человека его собственное божество, вырубить «священный лес» его внутреннего мира и вместо священной тропы показать прямую дорогу к алтарю единого абстрактного бога. Между тем нельзя забывать, что архаический политеизм в чем-то более мудр, ибо природосообразен. Утверждение о примитивности архаического сознания и культуры очень сомнительно.

Классическое в снятом виде как «нулевой», унифицированный образ сущего все равно не в силах избежать ни мифологического подтекста своих фигур, с одной стороны (архаика), ни предчувствия завершенности и надвигающегося декаданса – с другой (неклассика). В дальнейшем, с приходом постмодернистского состояния, исказится сама субстанция реального и циферблат мировых часов станет всего лишь несерьезной семиотической игрой и симуляцией. На часовых заводах производят «серии» наручных и настенных часов, на смену им придут электронные табло, исчисление времени в машинном модусе и форме цифровых технологий войдет в тотальное поле бездушной социальной матрицы. Метафизическая классика, сама являясь результатом или оформлением неких подспудно вызревающих процессов, выводит это на поверхность своих метафизических циферблатов.

Когда метафизика имеет дело с идеей и понятием, сама того не желая, она соприкасается с ничто, которое становится изящной универсальной вещью, вещью на все времена. Вещью, которой придали дух общезначимости, обладающей самосознанием и имеющей имперские амбиции. Европейский мир пронизывает метафизическая пустота, которая подается под соусом «вещи», если подавать это блюдо должным образом как необходимый и само собой разумеющийся результат.

В эпоху компьютерных и нанотехнологий мы наблюдаем мир, ушедший в виртуальное, в пространство вторичной знаковости. Былой циферблат европейской метафизики утратил трансцендентное измерение. Искусственная вечность закончилась, ее завершение провозгласил Ф. Ницше. Позитивизм определил границы умопостижимого мира как границы языка. Сегодня, в эпоху постмодерна, когда «время сорвалось с петель», обезумевшие стрелки метафизического циферблата культуры едва ли подскажут нам, в какую эпоху мы живем. Существует ли мы «до» начала нового мира или «после» окончательного краха неклассической эпохи... События циркулируют по заранее выверенным орбитам, демонстрируя обратимость позиций метаисторической рефлексии.

сии. «Высшее» и «низшее» смешалось – духовные ценности слишком привязаны к орбитам всеобщего символического обмена. «Ниспровержение» высших и по сути вечных ценностей пародируется ниспровержением авторитетов и политических лидеров.

Классическая эпоха ушла безвозвратно. Эпоха неклассическая также канула в лету. Постмодерн утратил ореол своей демонической привлекательности. Остаются только вечные вопросы. В силу чего наступает истощение фундаментальной структуры бытия в данном круге развития культуры? Может ли онтологическую фундаментальность «природосообразных» форм культуры заменить изощренность ее вторичных «машинных форм»? Сможем ли мы сотворить новый культурный мир подобно образу в киноискусстве или же культура сама должна вырасти естественным образом в современном сверхсложном мире?

Но одного неперемного условия избежать нельзя. Чтобы воссоздать ощущение культуры как непрестанного восхождения к чему-то высшему, трансцендентному, нужна целостность мировоззрения и цельность внутреннего мира человека.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
2. Бэкон Ф. Соч.: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 575 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. 347 [5] с.
4. Декарт Р. Соч.: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
5. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь: Реноме, 2003. 464 с.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. I. Язык. М.: Академический проект, 2011. 398 с.
7. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 328 с.
8. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 2002. 925 с.
9. Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб: Владимир Даль, 2002. 559 с.
10. Юнгер Ф.Г. Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. 301 с.

УДК 008+378.1

© 2012 Кандауров С.П.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В статье дается толкование понятия «толерантность». На примере самарских вузов раскрывается процесс многофакторного воздействия на потенциал толерантности межконфессионального взаимодействия в студенческой среде. Статья основана на материалах социологических исследований 2008 – 2010 гг.

Ключевые слова: толерантность, межконфессиональные отношения, процесс образования, студенты.

Формирование личности молодого специалиста в вузе проходит в условиях воздействия сложной социальной среды. Среди разных объективных и субъективных факторов вузовской среды особое место занимает учебный процесс. Он функционирует целенаправленно, обладает организационно-административным ресурсом и возможностями использования разнообразных педагогических технологий. Система организации учебного процесса вуза функционирует в пространстве разнообразных социальных отношений, как внутренних, так и внешних. Разновидностью отношений, участ-

вующих в социализации студентов, являются межконфессиональные отношения. Им объективно принадлежит часть «педагогической нагрузки» в процессе становления личности интеллигента, будущего специалиста. Все это обуславливает актуальность темы. Основная задача данной работы – выявление специфики взаимозависимости учебного процесса и потенциала толерантности у студентов в межконфессиональном взаимодействии и на этой основе разработка методологии некоторых направлений модернизации учебно-воспитательного процесса в вузах в условиях преобразований, происходящих в российском обществе за последние десятилетия. В работе использованы материалы социологических исследований, проведенных в самарских вузах в 2008 – 2010 годах при участии автора, где объектом послужили представители двух крупнейших конфессий: православные и мусульмане.

Характер межконфессионального взаимодействия обусловлен различными по происхождению объективными и субъективными факторами. Одним из факторов, оказывающих существенное воздействие на формирование стереотипов восприятия, социальных установок и позиций студентов в сфере межконфессиональных отношений, служит целенаправленная деятельность в рамках учебно-воспитательного процесса.

Принципиальное значение для характеристики любого фактора воздействия на межконфессиональные отношения, в данном случае учебного процесса, имеет выявление его возможностей по наращиванию потенциала толерантности взаимодействующих субъектов. Для этого следует определиться с понятием «толерантность». Термин «толерантность» в научном обороте и в отечественной общественно-политической лексике закрепился в 80-е годы с началом «перестройки». В переводе с латинского он означает «терпимость». Это терпимость к «иного рода взглядам, нравам, привычкам... по отношению к особенностям различных народов, наций, религий. Она – признак уверенности в себе и... надежности своих собственных позиций...» [1].

Толерантность сегодня рассматривается как неотъемлемый элемент современного общества. Еще большую актуальность ей придают тенденции нравственного и морально-психологического кризиса. Процессы глобализации и вызванный ею рост национального самосознания придают толерантности качество обязательного условия выживания цивилизации. Потребность в ней вызвана также императивами, вытекающими из закономерностей становления и развития гражданского общества. Понимание значения толерантности пришло с Запада, где были сделаны научно обоснованные выводы, доказавшие наличие процесса замещения «другими» прежде доминирующего «единомыслия». В частности, К. Леви-Стросс сделал вывод о конце «этноцентризма западного мышления». В мире идет становление «межкультурного диалога, ценности сохранения самобытности, взаимосвязи культурного разнообразия и исторического прогресса». Более того, по его мнению, «мировая цивилизация может быть только как коалиция культур». Главная задача на сегодняшний день – «спасти факт разнообразия, а не историческое содержание» [2].

Социальная практика разнообразных форм толерантности имеет глубокие исторические корни. Однако объективные условия и предпосылки вызревания потребности обобщения подобного опыта в международном масштабе сложились лишь в прошедшем столетии, когда человеческая цивилизация подверглась серьезным испытаниям, связанным с многочисленными социальными катаклизмами, и когда начался процесс глобализации. В связи с этим возникла необходимость теоретической разработки проблем толерантности, определения ее основных принципов, приемлемых для всех культур народов мира. В обобщенном виде мировой опыт толерантности представлен в «Декларации принципов толерантности», принятой 16.11.1995 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО. В статье 1 этого документа раскрывается содержание понятия толерантности. Значение сформулированных здесь положений обусловлено их полифоничностью. Иными словами, содержание понятия толерантности в предлагаемой

интерпретации дает представление о цельности данного феномена и одновременно раскрываются различные его аспекты. В частности, в декларации толерантность представлена как целостность, состоящая из уважения, принятия и понимания культур всего мира. Толерантность здесь понимается и как «гармония в многообразии». Ее следует воспринимать как определенные нравственные обязательства. Она обладает вектором миролюбия. А функционировать может только при условии признания прав человека решать социальные задачи. В декларации предлагаются традиционные пути решения задач реализации принципов толерантности: пропаганда через СМИ, проведение соответствующих научных исследований, координация усилий на международном уровне по предотвращению проявлений фобий, конфликтов, выработка совместных решений и т. д. Воспитание в духе толерантности предлагается рассматривать как безотлагательный императив.

Толерантность ассоциируется прежде всего со сферой национального и межконфессионального взаимодействия. В настоящее время здесь действуют две тенденции: наращивание позитивного опыта, способствующего гармонизации отношений, и стремление к доминированию. Успех в развитии первой из них в немалой степени зависит от позиции молодого поколения, составляющего значительную часть «пассионариев». Это обусловлено его объективным положением: устремленностью в будущее, отзывчивостью ко всему новому, отсутствием опыта. Молодость любому делу придает эмоциональную окраску, что способствует энтузиазму созидания и создает благоприятную среду человеческой солидарности. Отсюда вытекает значение участия молодежи в укреплении тенденции к солидарности на уровне межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

Для выявления его значения, как и для разработки соответствующих педагогических технологий, необходимо иметь в виду социальные и психологические особенности студенческой молодежи. К таким особенностям, прежде всего, относятся противоречивость статуса и социальных ролей студентов. С одной стороны, в эти годы наступает полная физическая, социальная и гражданская зрелость молодого человека с наделением его всеми правами и ответственностью, открывающими возможность самостоятельного принятия решений, в том числе по вопросам мировоззренческого и религиозного выбора. С другой стороны, у него остаются статусные характеристики человека, живущего «в кредит», школяра, отягощенного многочисленными зависимостями. В студенчестве человек испытывает максимальные информационные нагрузки. В эти годы завершается становление личности. Молодому человеку свойственны энергия, любознательность, стремление ко всему необычному, тяга к переменам, повышенная эмоциональность, прямолинейность, коммуникабельность, поспешность в принятии решений, мировоззренческая эклектика, идеологическая неразборчивость, неустойчивость убеждений, душевная уязвимость, относительно высокая суггестивность. Все это порождает проблемы для сознательного самостоятельного выбора вероисповедания и сказывается на формировании стереотипов поведения в межконфессиональных отношениях.

Проблема веры человека всегда актуальна и имеет множество аспектов. Трудно не согласиться с И.А. Ильиным, утверждавшим, что без веры людей не бывает. Вопрос только в выборе. Представляется принципиально важным учитывать действие закона, сформулированного И.А. Ильиным, согласно которому «человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Чем сильнее и цельнее его вера, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон» [3]. Подавляющее большинство опрошенных считают себя верующими: 71,5% среди «этнических православных» и 72,4% среди «этнических мусульман». На мировоззренческом уровне в целом отличия между «этническими православными» и «этническими мусульманами» незначительны, однако в религиозной практике зафиксированы определенные различия. В частности, только среди «этнических мусульман» есть «благочестивые», то есть студенты, в основном стар-

шекурсники, которые регулярно посещают мечеть, читают Коран, соблюдают все религиозные обряды. Результаты опроса подтверждают, что позиции студентов в процессе учебы корректируются, становятся более определенными. У этой группы старшекурсников отмечен общий рост численности верующих и качественные изменения, в частности увеличение количества «благочестивых».

Как среди «этнических православных», так и среди «этнических мусульман» численное большинство составляют студенты с позитивным типом религиозной и этнической идентичности. Равномерность распределения типов религиозной идентичности в целом и преобладание в обеих группах позитивной религиозной идентичности позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время студенческое сообщество характеризуется достаточно высоким потенциалом толерантности межконфессионального взаимодействия. Полагаю, это связано с объективными процессами межкультурного взаимодействия в поликонфессиональном пространстве российского общества. Здесь «отличие создает естественное сдерживающее препятствие... и делает неизбежным для сторон вступление в диалог», который в силу различий культур «превращается сам по себе в увлекательное приключение» [4]. Слабым потенциалом толерантности обладают студенты с такими качествами, как эгоизм, изоляционизм, фанатизм, объединенные условно в «группу риска», к которой относится каждый пятый участник опроса.

Стереотипы восприятия, социально-психологические установки и позиции у студентов в сфере межконфессиональных отношений складываются на основе информации, которая поступает из разнообразных источников. Все эти источники различаются по возможностям трансляции достоверной информации и степени доверия со стороны объекта (студентов). Отсюда вытекает необходимость выявления источников информации о религиях и верующих как своей, так и иных (в данном случае православие и ислам) конфессий. По результатам был установлен рейтинг источников информации в зависимости от их значимости для конструирования стереотипов восприятия иноверческих объектов (идеологии, людей, институтов) студентами. Итоги исследования среди студентов самарских вузов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Из каких источников вы узнали и продолжаете узнавать о православной / мусульманской религии и православных / мусульманах?» (в % к числу опрошенных)

Ответы	«Этнические православные»	«Этнические мусульмане»
1	2	3
Уроки в школе	4,3	5,6
Лекции по социально-гуманитарным дисциплинам в вузе	3,6	7,1
Спецкурсы в вузе или в школе	0,0	1,4
Религиозная литература	0,5	3,1
Газеты и журналы	16,1	12,3
Телевидение	22,6	22,5
Радио	12,1	12,8
Интернет	12,3	10,6
Родственники	5,1	9,1
Друзья, знакомые, соседи	14,4	9,9
Другие источники информации	5,0	2,9
Затрудняюсь ответить	4,0	2,8
Всего	100	100

Из представленной таблицы видно, что учебный процесс занимает незначительное место в информационном пространстве, которое является основой формирования стереотипов восприятия, социальных установок и позиций студентов в сфере межконфессиональных отношений. В рейтинге источников информации структурные элементы учебного процесса, по мнению респондентов, занимают наиболее низкие места. Хотя здесь следует учитывать особенность психики человека: в памяти сохраняется значимая информация, а ее источник может попасть в иной ассоциативный ряд, что обусловлено, прежде всего, его местом в жизни человека, а потому воспоминание (в нашем случае об источнике информации) не всегда будет соответствовать действительности. Кроме того, место в рейтинге источника не столь однозначно определяет степень его влияния, так как здесь приоритет принадлежит качеству информации. Поэтому значение структурных элементов учебного процесса в данном контексте может быть скорректировано в сторону увеличения. Рамки этой корректировки – задача для специального исследования.

Есть некоторые различия в показателях в зависимости от курса обучения студентов. Так, среди респондентов старших курсов (3-5 курсы) на лекции и семинары в вузах как источник информации о религиях и верующих ссылаются вдвое больше студентов, чем на 1-2 курсах. В 1,5 раза больше старшекурсников считают источником информации школьные уроки. Объясняется это, прежде всего, организацией учебного процесса (набор дисциплин на курсах, расписание и пр.), опытом обучения в вузе, уровнем культуры, устойчивостью интереса к религиозной тематике, степенью религиозности студента, качеством занятий и интересом к личности человека, который проводит мероприятие.

Во всем мире сложились национальные и транснациональные системы поликультурного образования. Есть и российский концептуальный вариант, в русле соответствующих практик которого организуется учебно-воспитательный процесс. Здесь используются два типа технологий: усвоение знаний о различных культурах и культурных процессах, включая религии, и «формы, методы и приемы формирования культуры межличностного общения, позволяющие конструктивно взаимодействовать педагогу и ученику, а также самим ученикам». К ним относят диалоговые формы обучения, организационно-деловые игры, методики урегулирования конфликтов и пр. [5].

Важнейшим показателем в определении значения учебного процесса в формировании стереотипов восприятия, социальных установок и позиций студентов в межконфессиональных отношениях служит их оценка содержания проводимой работы. Исследования показали, что 58,5% респондентов положительно оценивают такие классические формы занятий, как лекции и семинары, и только 4,5% – отрицательно. Вдвое меньше опрошенных дают положительную оценку встречам студентов со священнослужителями. Кроме того, здесь почти втрое больше показатель негатива по сравнению с аналогичным показателем классических форм обучения. Треть положительно оценила научные конференции и чтения.

Зафиксированы определенные различия в оценках студентов 1-2 курсов и старшекурсников. Так, например, имеющих положительное мнение по поводу лекций и семинаров, встреч со священнослужителями среди старшекурсников в полтора раза больше по сравнению с их младшими товарищами. Если учитывать традиции выбора тематики подобных встреч, то во многом эта разница показателей объясняется степенью социальной зрелости слушателей. Отличия в показателях по отношению к диспутам и «круглым столам» еще более существенные. Видимо, причиной служит необходимый набор личностных качеств, многие из которых большинство студентов обретают, будучи уже на старших курсах.

Сведения о различных религиях и верующих, полученные студентами из разнообразных источников, в том числе в рамках учебно-воспитательного процесса, составляют информационную базу для формирования у них стереотипов восприятия, социаль-

ных позиций и установок в сфере межконфессиональных отношений. От этой базы в немалой степени зависит их поведение в иноверческой среде. Поэтому в исследовании была поставлена задача выявления педагогического воздействия подобной информации на студенческую молодежь. Ответы на вопрос о психологической реакции на эту информацию представляют собой индикаторы, характеризующие потенциал толерантности личности в сфере межконфессиональных отношений. Ответы «более дружелюбно» и «с большим пониманием» позволяют выявить качества личности, способствующие наращиванию потенциала толерантности студентов в сфере межконфессиональных отношений. И наоборот, ответы «с неприязнью» и «толкает на агрессивные действия» – индикаторы интолерантности во взаимоотношениях представителей разных конфессий. Результаты исследования представлены в табл. 2, 3.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие чувства вызывает полученная информация?» (в % к числу опрошенных «этнических православных»)

Чувства	К православным	К мусульманам	К представителям других религий
Заставляет более дружелюбно относиться	14,0	10,0	39,0
Заставляет с большим пониманием относиться	8,5	12,0	45,0
Заставляет с неприязнью относиться	2,5	7,5	1,5
Толкает на агрессивные действия	1,0	5,0	2,0

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие чувства вызывает полученная информация?» (в % к числу опрошенных «этнических мусульман»)

Чувства	К православным	К мусульманам	К представителям других религий
Заставляет более дружелюбно относиться	15,0	8,0	52
Заставляет с большим пониманием относиться	9,5	9,5	59,3
Заставляет с неприязнью относиться	2,5	5,0	4,0
Толкает на агрессивные действия	5,0	1,0	0,5

По мнению абсолютного большинства респондентов, информация о религиях и верующих способствует наращиванию потенциала толерантности в сфере межконфессиональных отношений. Примечательно, что абсолютное большинство указывает на позитивную роль информации для увеличения этого потенциала в отношении представителей иных религий, помимо двух наиболее распространенных в России, к которым они сами принадлежат.

Для определения эффективности воздействия учебно-воспитательного процесса на потенциал толерантности в студенческой среде необходимо выявить отношение студентов к его информационному пространству.

Как выяснилось, информация, полученная на занятиях классической формы обучения (лекции и семинары), для относительного большинства способствует наращиванию потенциала толерантности по индикатору «дружелюбие». Остальные формы в этом смысле равноценны и значительно уступают классическим. Многие не смогли оп-

ределиться с ответом по причинам, связанным с содержанием информации, степенью доверия к ней, наличием определенных стереотипов и другим.

В процессе обучения в вузе у индивида складываются разнообразные личностные и деловые контакты. Социальные взаимодействия в студенческой среде порождают востребованность прежде всего возрастной, гендерной, профессиональной и гражданской идентичности. А религиозная и этническая принадлежность, если ее целенаправленно не культивировать в ходе педагогического процесса, у большинства индивидов отодвинуты на периферию личностного идентификационного пространства. Вероятно, именно здесь коренятся основные причины «размытости» представлений «этнических православных» и «этнических мусульман» как друг о друге, так и о собственном этноконфессиональном образе, которые формируются у индивида в процессе социализации.

Собирательный образ ингруппы и у православных, и у мусульман имеет четко выраженные позитивные характеристики, в частности по таким маркерам, как «открытость», «терпимость», «щедрость». Только каждый десятый участник опроса наделяет образ «своих» такими негативными качествами, как «забитый», «наглый», «агрессивный», «хитрый». Собирательный образ аутгруппы выглядит несколько иначе. Так, у 36% православных мусульмане выглядят агрессивными и наглыми. Только 17% мусульман считают православных терпимыми и 13% – щедрыми.

К позитивным социально-психологическим факторам наращивания потенциала толерантности следует отнести иммунитет у студентов по отношению к насаждаемым СМИ и распространенным в социуме мифологемам. Такие мифологемы, как «исламский фундаментализм – причина терроризма», «исламисты – это религиозные фанатики», «исламисты – это экстремисты», «мигранты из мусульманских стран привозят в Россию наркотики», внедряемые в массовое сознание, нашли поддержку у незначительного числа участников опроса. Число тех, кто не согласен с подобными утверждениями, в 2-3 раза больше. Существенное значение для выстраивания толерантного межконфессионального взаимодействия имеет отношение к священным книгам, как своим, так и иноверческим. Каждый второй православный студент уверен: «Коран, как и Библия, учит добру и милосердию». А 65% последователей ислама разделяют мнение: «Библия, как и Коран, учит добру и милосердию».

Однако большинство «этнических православных» и «этнических мусульман» независимо от курса обучения затруднились определить свою позицию как по отношению к указанным мифологемам, так и в отношении собирательного образа верующих обеих крупнейших конфессий. Такая ситуация – результат слабой информированности об иной религии и культуре, а равные на старших и младших курсах соответствующие показатели указывают на то, что вузовское образование слабо ориентировано на познание иных культур и религий. Незнание другой культуры нередко сопровождается приписыванием ее носителям отрицательных качеств. Абсолютное большинство студентов пока воздерживается от этого. Зафиксированная ситуация может восприниматься как потенциальная толерантность. Однако она может не реализоваться. Более того, подобная идеологическая неопределенность и связанная с ней социально-психологическая неустойчивость сравнительно легко может способствовать формированию интолерантной стратегии поведения в межконфессиональных и межэтнических отношениях, особенно когда в педагогическом процессе задействованы деструктивные силы. В этой связи правильнее констатировать не наличие прочного потенциала толерантности межконфессионального взаимодействия, а преобладание в межконфессиональном взаимодействии ориентаций на толерантность.

Мероприятия, объединенные в единый учебно-воспитательный процесс, занимают определенное место на информационном поле, которое служит основой формирования стереотипов восприятия, социальных позиций и установок студентов в сфере межконфессиональных отношений. Однако они значительно уступают телевидению, радио, газетам и

журналам в рейтинге источников информации. Содержание деятельности во всех указанных формах в основном позитивно воспринимается студентами, что и обеспечивает их технологическую эффективность, способствует накоплению потенциала толерантности. Наибольшее значение, как показали результаты исследования, имеют традиционные формы обучения – лекции и семинары. Недостаточно используются возможности таких дидактических форм, как диспуты, круглые столы, встречи со священнослужителями. Исследования показали значительные различия в оценках структурных элементов учебно-воспитательного процесса, в отношении к информационному пространству студентов 1-2 курсов и старшекурсников. Необходим дифференцированный подход к выбору педагогических технологий и организации учебно-воспитательного процесса в вузах. При этом необходимо учитывать условия и факторы влияния на «религиозные настроения в стране», обуславливающие дискретность ее «религиозного пространства», которым имманентно присущ значительный педагогический потенциал [6]. Проведенные исследования подтверждают актуальность дополнения гуманитарного блока стандартов образования религиозными дисциплинами.

На основании выводов, сделанных в ходе проведенного исследования, можно сформулировать некоторые рекомендации по совершенствованию организации учебно-воспитательного процесса в высшей школе.

1. Рассмотреть возможности более глубокого изучения религиозоведческой тематики в вузах, делая акцент на ее культурологической составляющей. Наиболее эффективны, с точки зрения потенциала толерантности, компаративные учебные курсы, например «Религиозная этика», «Религиоведение», «Традиционная культура народов Самарского края» и т.п.

2. Организовать на государственных, а возможно, при соответствующей договоренности, и частных телеканалах выход в эфир передач на темы межконфессиональных отношений, сотрудничества церквей, их совместной социальной работы и т.п. С аналогичными целями использовать Интернет. В данном направлении возможно использование сайтов вузов и региональных организаций крупнейших религиозных конфессий с привлечением специалистов гуманитарных кафедр и священнослужителей.

3. При подготовке и переподготовке педагогических и научно-педагогических кадров соответствующего профиля следует придерживаться мультикультурной ориентации. Необходимо готовить преподавателей, способных донести до студентов и школьников гуманистическую сущность традиционных религий, вооружить учащуюся молодежь знаниями и навыками, которые дают возможность делать самостоятельный сознательный выбор стратегии поведения в межконфессиональных и межэтнических взаимодействиях в условиях мультикультурного пространства.

4. Рекомендовать вузам в учебно-воспитательной работе использовать технологии этноконфессиональной направленности, в том числе организовать круглые столы, дискуссионные клубы, встречи со священнослужителями традиционных религиозных конфессий. При этом необходимо учитывать специфику восприятия социальных позиций и установок студентов в сфере межконфессиональных отношений в зависимости от курса обучения, их конфессиональной и этнической принадлежности.

5. При разработке методологии организации учебно-воспитательных мероприятий учитывать традиции университетского образования (например, концепт Победоносцева) и положительный опыт исламского образования, где научное знание органично сопрягается с нравственными принципами и мировоззренческими позициями [7].

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е.Ф. Губского. М.: ШИФРА, 2002. С. 457.
2. Шадже А.Ю., Дамения О.Н. Толерантность в ценностной системе трансформаций для России // Социально-гуманитарное знание. 2003. № 5. С. 230.

3. Ильин И.А. Религиозная философия. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Медиум, 1994 С. 83.
4. Сухейль Фарах. Православно-мусульманский диалог: препятствия и надежды // Этнопанорама. 2007. № 1 – 2. С. 44.
5. Мартыанова М.Ю. Роль поликультурного образования в повышении толерантности молодежи // Этнопанорама. 2004. № 2. С. 11.
6. Балагушкин Е.Г. Дискретность религиозного пространства в России // Религиоведение. 2008. № 2. С. 19.
7. Хабибуллина Г.Ю. Исламское образование в России // Педагогика. 2007. № 5. С. 111.

УДК: 930.1

© 2012 Герасимов О.В.

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА Ж.-Ф.ЛИОТАРА И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Наступление эпохи постмодерна коренным образом изменило ситуацию с легитимацией научного знания, в том числе исторического. Тем более что история всегда балансировала на грани дискурса и нарратива. Распространение позитивистских идей вело к постепенному вытеснению нарратива из исторических исследований, которым предписывалось брать за образец естественно-научный дискурс. Предпринимаются попытки выстроить «научную теорию истории», по существу представляющую собой некий метарассказ, включающий в себя ту или иную историософию. Модернистская история должна была не только объяснить прошлое, но и научиться предсказывать будущее. Историческая наука сосредотачивается вокруг объективных процессов развития, «длительных» исторических фактов, постепенно элиминируя человеческое измерение истории, что находит своё законченное выражение в идее «смерти субъекта» М. Фуко. Наступление эпохи постмодерна ставит историографию в качественно иную ситуацию: распад метарассказов лишает историческое знание привычных способов легитимации. Историческая наука всё более обращается к микроисторическим исследованиям, к истории конкретных людей, истории ментальностей, всё более в историографию проникают элементы повествования.

Ключевые слова: постмодерн, историография, историософия, дискурс, нарратив, метарассказ, легитимация.

60-е годы XX столетия вошли в историю мировой цивилизации как начало эпохи «постмодерна». Блестящую характеристику этой эпохи дал в своём классическом труде французский философ Жан-Франсуа Лиотар [3]. Но Лиотар лишь обозначил общие контуры проблемы, поставив гораздо больше вопросов, нежели дав ответов. Это не случайно. Мы всё ещё стоим в начале пути, и основные черты нового миропонимания не до конца сложились, а потому требовать глубокой рефлексии по проблеме мы не вправе. Тем не менее, ряд вопросов уже требует внимания. Роль науки в жизни современного человека трудно переоценить, а потому проблема легитимации научного знания, на которую указал Лиотар, жизненно важна не только для научного сообщества, но и для общества в целом. Специфика легитимации знания в рамках двух основных его форм – научного дискурса и нарратива (повествования) – должна быть наиболее внимательно исследована применительно к историческому знанию, которое всегда балансировало на грани дискурса и рассказа. История и возникла когда-то именно как рассказ, и лишь в XIX веке легитимировалась как наука. Философия истории здесь всегда выполняла функции легитиматора, а потому изменение стиля исторического мышления должно было неизбежно сопровождаться (предваряться?) изменением стиля философствования по поводу истории, что действительно и произошло в последней трети прошлого века. Конечно, ситуация в России (СССР) несколько отличалась от общеевропейской, но

при более глубоком рассмотрении не столь значительно, как это может показаться на первый взгляд. Господство догматической идеологии накладывало свой отпечаток на внешние формы исторических текстов, но за этими формами скрывались вполне постмодернистские подходы.

Переход от исторического рассказа к исторической науке происходит на рубеже XVIII и XIX столетия, когда в европейской культуре ещё господствовали идеи романтизма. Романтическая парадигма исторического мышления ещё в значительной степени наследовала традиции нарратива. Это была история героев: королей, полководцев, святых. Именно такая история и вызывала нарекания позитивистов, ориентированных на естественно-научный дискурс и стремившихся к реформированию исторической науки на базе естественно-научной методологии. Не случайно Конт говорил о «социальной физике», которая должна прийти на смену нарративной ещё истории. И работа началась. Можно не соглашаться с тезисом позитивистов о необходимости переноса методов естествознания в историческую науку (да, скорее всего, такой перенос попросту невозможен), но нельзя не признать, что именно позитивистский проект позволил историкам легитимировать своё знание по образцу естественных наук. Так в историческом знании начинается эпоха модерна. Как это хорошо выразил Ж.-Ф. Лиотар, историки эпохи модерна легитимируют «знание через метарассказ, включающий философию истории» [3, с. 10]. Другими словами, отказ от рассказа, необходимый для признания за историческим знанием статуса «научного», привёл к появлению метарассказа. Что же это за метарассказ? Это, прежде всего, некая глобальная концепция, объясняющая ход, движущие силы и перспективы развития мировой истории. Согласно модернистской истории, при всей относительной свободе человеческих действий они подчинены некоему объективному ходу вещей, что историческая необходимость неуклонно пробивает себе дорогу через хаос человеческих случайностей. А значит, историк из архивариуса превращается в пророка, ибо то, что подчинено закономерности, рано или поздно можно научиться предсказывать. Хотя бы в самых общих чертах, подобно тому, как в 1918 году Шпенглер предсказывал падение Запада. В конечном итоге, проблема предсказания сводилась бы к аккумуляции знания, позволившей учесть все параметры исторической системы. Целью исторической науки, таким образом, неизбежно становился масштабный исторический синтез, и микроисторические исследования рассматривались как предпосылка макроистории, но не более того. Именно в этой ситуации складываются классические принципы исторической критики. Прежде всего речь идёт о приоритете документа перед нарративом, а материальных остатков прошлого перед текстами как более «объективными», дающими «непосредственную» и, следовательно, достоверную информацию о прошлом. Между тем интерпретация тех же археологических памятников открывает гораздо больший простор для воображения интерпретатора, чем работа с нарративом. Далее модернистская парадигма исторического мышления требовала от историка тщательной сверки каждого приводимого факта по параллельным источникам. Событиям, известным только по какому-то одному источнику, чаще всего попросту отказывали в легитимации в качестве научных фактов («не поддаётся проверке», «нигде более не подтверждается» и т.д.), обедняя, таким образом, картину мировой истории, особенно древней. Это вело к парадоксальной ситуации в историографии: если какая-то ложь «растиражирована» разными источниками, а истина зафиксирована лишь в одном, то при прочих равных условиях историк брал за истину именно ложь (разумеется, не подозревая об этом, но кто может ответить, сколько из признанных исторической наукой «фактов» получило свою легитимацию таким образом?). Впрочем, это не имело особого значения: в историческом описании доминировала схема, заимствованная из того или другого метарассказа, а факты располагались таким образом, чтобы эту схему проиллюстрировать. При этом упор делался на «исторически значимые», «типичные», знаковые факты. Разработка модерни-

стской историей различных метарассказов позволила выявить различные факторы и структуры, детерминирующие развитие общества. Человек на фоне этого постепенно растворялся, утрачивая в глазах историков и философов свою целостность и свободу. Наиболее полно и последовательно эту интенцию модерна развил Мишель Фуко: «У человека нет больше истории: точнее, поскольку он говорит, трудится и живёт, бытие его оказывается сплетением многих историй, которые ему чужды и неподвластны» [6, с. 387]. В свете этого нетрудно оценить структуралистское понимание истории как доведённого до логического завершения модерна. Лиотар также указывает на то, что «грядущее общество соотносится не ... с ньютоновской антропологией (как-то структурализм или теория систем)...» [3, с. 11]. Преимущественный интерес модернистской истории к макропроцессам обуславливает то, что модернистская философия истории легитимируется преимущественно как *историософия* (Гегель, Маркс, Шпенглер и др.).

Переход современного общества к эпохе постмодерна, начавшейся в конце 50-х гг. XX века, знаменуется всеобщим кризисом метарассказа и научных дискурсов, на нём основанных. В политической сфере это выливается в крах т.н. идеократических режимов, крах, завершившийся на рубеже 80-90-х, но начавшийся именно тогда. В этом аспекте развенчание культа личности Сталина, при всей возможной неоднозначности оценок этого события и его последствий для нашей страны, вполне укладывается в логику постмодерна. В исторической науке это выражалось в отказе от масштабных исторических обобщений – не случайно последние издания фундаментальных «Истории СССР с древнейших времён» и «Всемирной истории» выходят именно в 50-60-е гг. Переход к микроисторическим исследованиям, разработке частных проблем источниковедения для отечественных историков 60-80-х гг. оказался неизбежен, хотя и часто впоследствии ставился им в упрёк. Но это был закономерный результат конфликта (не осознанного ещё самими историками, разумеется) зарождавшейся постмодернистской парадигмы исторического мышления и ещё господствовавшей в обществе модернистской идеологии метарассказа. На Западе эволюция исторического мышления достаточно отчётливо прослеживается на примере французской исторической «школы Анналов». Основанная М. Блоком и Л. Февром, учениками социолога-позитивиста Э. Дюркгейма, «школа Анналов» изначально выражала особенности модернистского мышления. Её представители в своих исследованиях ориентировались на изучение «длительных исторических процессов» (заметим, что всё это сильно напоминает структурализм М. Фуко). «Анналисты» критиковали приверженцев традиционной истории к единичным событиям, личностям и т.д., не видя, что уже в XIX в. человеческое измерение истории оставалось не более чем самообманом (см. выше комментарий по этому поводу М. Фуко). Но позднее, когда «школа Анналов» делает своей центральной задачей изучение истории ментальностей, это создаёт предпосылку для формирования постмодернистской парадигмы. Потому что, по словам современного французского историка Эдмона Поньона, близкого «школе Анналов», «повседневная жизнь людей зависит от того, во что они верят» [5, с. 19]. Изучение ментальности стало важнейшей методологической основой истории повседневности – характерной чертой постмодернистской истории вообще.

Кризис метарассказа как основы исторического повествования привёл к отказу от грандиозных историй, заострил внимание историков на микроисториях и повседневной жизни людей. Обращение к истории ментальностей показало, что историческое действие людей проистекает отнюдь не из объективного исторического (социально-экономического) интереса, а в разные эпохи обуславливается различными факторами психической и повседневной жизни людей. Этот факт нашёл своё отражение в новейшей «Истории крестовых походов», выпущенной в 1995 г. Оксфордским университетом. Оценивая работу историков XIX – 1-й половины XX в., один из её авторов замечает: «...большинство объяснений того факта, что так много людей участвовало в крестовых

походах ...сводились к тому, что их участники не обладали достаточной искущённостью и умом или что все они стремились к материальной выгоде» [1, с. 15]. Но начиная с 60-х гг. «историкам стала вполне очевидна уязвимость их аргументации в пользу материалистической мотивировки...» [1, с. 16]. «Поняв, что многими, а вероятно, даже и всеми крестonosцами руководили другие мотивы (и в первую очередь идеализм), историки оказались перед задачей изучения идей, лежавших в основе движения» [1, с. 16]. Такое изучение позволило в последние десятилетия отказаться от многих модернизаторских трактовок прошлого, которые неизбежно формировались в модернистской истории как результат функционирования метарассказа. Психологическая достоверность мотивировки поступков всегда рассматривалась как критерий достоверности исторического описания, но модернистски мыслящий человек, уверовавший в метарассказ, был склонен приписывать людям прошлого мотивации, характерные для него самого (диктуемые этим самым метарассказом). Более того, метарассказ модерна предполагал частую непрямую мотивацию человеческих поступков, дабы обосновать действие «объективных исторических законов». Так, Маркс говорит о социально-экономическом интересе, а Фрейд – о сексуальном влечении, которые определяют поступки человека, что бы сам человек по этому поводу не думал. Вне всякого сомнения, закономерности развития экономики существуют, и общество, нарушающее их, разрушает и экономику, и само себя. Но сам факт того, что люди весьма часто идут против этих законов, даже зная о них, свидетельствует о том, что не только экономика обуславливает ход истории и детерминирует историческое действие. Возьмём, например, лентяя: как бы он не осознавал свой объективный интерес, его природная лень мешает предпринять какие-либо шаги по его реализации. Также человек, движимый моральными побуждениями, поступает вопреки своей прямой выгоде... Такое понимание мотивации исторического действия и побудило историков обратиться к проблеме повседневности, поскольку именно в повседневности формируются личностные свойства и психологические особенности действующего. Здесь нашла своё выражение идея Гуссерля об обращении к жизненному миру как источнику и горизонту любого дискурса. Таким образом, постмодернистская история совершает экзистенциально-антропологический поворот, следуя в этом за философией XX века. В центре новой истории должен оказаться человек, но не герой, а человек повседневности, экзистенциально обнаруживаемый человек, отменённый модерном (см. Фуко).

Отказ от метарассказа означал также возвращение рассказа, легитимацию нарратива. Не случайно постмодернистские исторические тексты расцвечиваются деталями, нелегитимными в рамках «классической» историографии модерна (например, такой крупный отечественный историк, как академик Б.А. Рыбаков, постоянно сталкивался с обвинениями именно в связи с использованием единичных, нигде не дублированных сообщений источников). Впрочем, такое отношение к «недостаточно достоверным» сведениям ещё не изжито до конца, и использование в историческом описании сообщений, не подтверждаемых (пусть и не опровергаемых!) другими источниками, нуждается в легитимации. В самом деле: чем многократно повторённая ложь лучше однажды высказанной истины?

Лиотар характеризует науку эпохи постмодерна как «поиск нестабильности» [3, с. 130]. Постмодернистский дискурс впервые обнаружил себя в квантовой механике и воплощается в двух её фундаментальных принципах – дополненности и неопределённости. Историческая наука эпохи постмодерна также может быть рассмотрена с точки зрения применения этих принципов. Так модернистские метарассказы, каждый из которых претендовал на всеобщее объяснение исторического процесса, перестают быть конкурентами: теперь они только *дополняют* друг друга в раскрытии движущих сил истории, усложняют картину мировой истории и именно поэтому перестают быть метарассказами. Принцип неопределённости делегитимирует историю как предска-

тельную будущую. Невозможность определить все параметры меняющейся системы становится неустранимой, всеобщий детерминизм больше не существует. «Вероятность того, контролируемые переменные будут несовместимы, больше, чем совместимы. Следовательно, существуют только «островки детерминизма» [3, с. 142]. Всё это формирует «нестабильную» картину мировой истории, плюралистическую и открытую в будущее.

Все эти черты исторической науки постмодерна неразрывно связаны и со спецификой постмодернистской философии истории. Отказ от метарассказа ведёт к утрате «смысла истории». Историсофия больше невозможна, и философия истории легитимирует себя как историческая эпистемология. В западной философии такую позицию весьма последовательно занимал Р. Дж. Коллингвуд [см.: 2]. Но и отечественная философия приходит к тому же. По словам Э.Н. Лооне, современная философия истории «формулируется как теория познания, а не как онтология» [4, с. 5]. Это не случайно. Распад метарассказа на множество «малых рассказов» требует легитимации основанного на них исторического дискурса.

Таким образом, перед исторической наукой и философией истории в эпоху постмодерна встаёт ряд принципиальных задач по легитимации исторического знания в условиях отказа от метарассказа как связующего звена исторического описания, выработке новых форм исторического дискурса. Предметом исследования постмодернистских историков становится мир повседневности, человек в его экзистенциальной ситуации, а это требует адекватных методологий.

Литература

1. История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 495 с.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
4. Лооне Э.Н. Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат, 1980. 293 с.
5. Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М.: Молодая гвардия, 1999. 392 с.
6. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 406 с.

УДК 378.1

© 2012 Лискина О. А.

ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье рассматриваются особенности обучения иностранному языку (английскому языку) в неязыковом вузе с позиции реализации компетентностного подхода.

Ключевые слова: компетентностный подход, неязыковой вуз, иностранный язык, знания, умения, навыки.

История теории и практики обучения английскому языку в неязыковых вузах отражает историю смены подходов к обучению в поисках наиболее эффективной научно-методической составляющей. Изменение подходов к обучению английскому языку связано, прежде всего, с теми процессами, которые происходят в обществе в целом и в сфере образования в частности, с необходимостью проведения реформ для адаптации системы образования к социально-экономическим потребностям общества.

Социальные, экономические и политические преобразования в нашей стране, интеграция российского образования в мировое образовательное пространство, подписание Россией Болонской декларации актуализировали задачу дальнейшей модерни-

зации системы высшего профессионального образования в целом и иностранного языка в частности [2, с. 43].

Эффективность профессионального и языкового образования будущего специалиста во многом определяется принятой в обществе образовательной концепцией и построенной на её основе моделью подготовки специалиста. Компетентностный подход предполагает создание новой образовательной модели специалиста, обладающего сформированной профессиональной компетентностью. Для достижения этой цели в документах по модернизации образования четко выделены три приоритетных направления образования в современном постиндустриальном информационном обществе: информатизация образования, обучение иностранным языкам, овладение социально-экономическими знаниями.

В связи с тем, что господствующий подход в образовании, по сути, определяет логику реализации той или иной модели обучения и в определенной предметной области, в том числе и такой, как иностранный язык, актуальным становится вопрос модернизации иноязычного образования в неязыковых вузах с позиций компетентностного подхода.

Таким образом, в социально, политически и экономически изменившейся стране возникла необходимость разработки иной, отличной от существующей, системы языкового образования в высшей профессиональной школе, так как уровень владения иностранным языком выпускниками неязыковых вузов не соответствует требованиям современной образовательной концепции, современного общества и рынка труда, о чем свидетельствуют многочисленные публикации по указанной проблеме (Ж.Л. Витлин, И.Л. Бим, Е.И. Пассов, Т.Н. Астафурова, Т.Б. Лесохина, Р.П. Мильруд, Ю.В. Еремин, Е.Н. Соловова и др.) и практический опыт преподавания иностранного языка в указанных вузах [5, с. 80].

Кроме того, теория и практика преподавания иностранных языков в неязыковых вузах с начала 90-х годов переживают сложный период. С одной стороны, престиж дисциплины «иностранное языковое образование» постоянно возрастает, а с другой – профессионально ориентированному обучению иностранным языкам в вузах мешает ряд серьезных проблем, с которыми постоянно сталкиваются кафедры иностранных языков. К ним относятся:

- 1) недостаточное количество часов, отводимых на данную дисциплину, и их нерациональное распределение;
- 2) различный уровень подготовки абитуриентов по иностранному языку, недостаточная подготовка у большинства первокурсников или ее полное отсутствие;
- 3) неразработанность проблем обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов в тесной связи с получаемой профессией вследствие отсутствия межпредметной координации между кафедрами ИЯ и профилирующими кафедрами вузов;
- 4) неспособность студентов использовать уже усвоенные знания, навыки и умения в ИЯ, а также способы деятельности для решения практических задач.

Последняя проблема вызывает серьезную озабоченность, так как в современных условиях формирование знаний не является главной целью обучения (знания ради знаний). Знания, навыки и умения как единицы образовательного результата необходимы, но недостаточны для того, чтобы быть успешным специалистом в современном информационном обществе. Для специалиста важна не столько энциклопедическая грамотность, сколько способность применять обобщенные знания, навыки и умения в иностранном языке для разрешения конкретных ситуаций и проблем, возникающих в реальной деятельности профессионального общения [8, с. 61].

Расширение торгово-экономических связей с зарубежными странами, наличие большого количества специальной литературы на иностранных языках, возможность получения профессионально значимой информации в сети Интернет, международный обмен

студентами и специалистами, получение или продолжение образования в зарубежных вузах и т. д. требуют от современного специалиста компетентного владения иностранным языком для целей иноязычного профессионального общения.

Следовательно, исходя из анализа литературы и практической деятельности по преподаванию иностранного языка в неязыковом вузе можно утверждать, что в последнее десятилетие четко обозначились существенные противоречия между: социальным заказом общества на компетентного специалиста, владеющего хотя бы одним иностранным языком для его практического использования в своей профессиональной деятельности, и существующими подходами к обучению иностранному языку в неязыковых вузах; возросшей потребностью личности в повышении уровня владения иностранным языком, с одной стороны, и не оправдавшей себя практикой обучения иностранному языку в неязыковых вузах – с другой [8, с. 54].

Таким образом, проблема состоит в разрешении противоречия между значимостью иноязычной профессиональной подготовки специалиста и недостаточным уровнем её обеспечения в неязыковом вузе.

Решение этой проблемы мы видим в изменении подхода к обучению иностранным языкам в неязыковых вузах. Способом достижения нового качества иноязычного образования мы считаем компетентностный подход, который отвечает требованиям модернизации профессионального образования, социальному заказу общества и новейшим достижениям в области методики преподавания иностранных языков.

Иноязычная коммуникативная компетентность – это готовность студентов пользоваться приобретенными знаниями, навыками, умениями в иностранном языке для решения жизненных практических и теоретических задач. В то же время любые умения приобретаются в процессе деятельности, следовательно, формирование компетентности возможно лишь в ходе разнообразной познавательной, коммуникативной, практической, творческой деятельности студентов. Компетентностный подход направлен на получение студентами опыта такой деятельности, на придание самому процессу обучения деятельностного характера. Главное – уметь приобретать знания не пассивно, а деятельно (активно), то есть прилагая к тому усилия, и уметь пользоваться этими знаниями в повседневной жизни как в пределах, так и за пределами вузовского обучения.

Таким образом, профессионально ориентированная подготовка специалистов по иностранному языку с позиций компетентностного подхода должна обеспечивать не только определенный уровень знаний, навыков и умений студентов в иностранном языке, но и формировать их готовность к выполнению иноязычной деятельности в процессе решения практических и теоретических задач, а также служить для дальнейшего саморазвития и самообразования.

Литература

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): методическое пособие. М., 2005.
2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989.
3. Беспалько В.П. Слагаемые информационных технологий. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
4. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: Педагогика, 1994. 544 с.
5. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: СОЮЗ, 2001. 91 с.
6. Типовая программа по иностранному языку для неязыковых специальностей высших учебных заведений. М.: Министерство образования Российской Федерации, 2000. 45 с.
7. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 1987. 205 с.
8. Черниченко В.И. Дидактика высшей школы: История и современные проблемы. М.: Вузовская книга, 2002. 136 с.

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКУЮ МЕДИАЛИНГВИСТИКУ

В статье анализируется роль английского языка в немецком медиатексте, причины распространения англицизмов, приводится классификация заимствований из английского языка и частотность англицизмов в немецкоязычной прессе.

Ключевые слова: медиалингвистика, англицизмы, заимствования, немецкий язык.

В последние годы лингвистическое исследование медиакommunikации превратилось в одно из наиболее перспективных направлений развития гуманитарного знания, что непосредственно связано с возрастанием роли средств массовой информации (СМИ) на современном этапе развития цивилизации. Термин *медиалингвистика* (*Medienlinguistik*) получил распространение в немецкоязычной лингвистике. В англоязычном научном дискурсе обычно предпочитают говорить об «анализе медиадискурса» (*media discourse analysis*). В русскоязычных публикациях используются оба указанных термина, а также обозначение *изучение языка СМИ*.

В ходе глобализации, в связи с распространением и постоянным развитием новых технологий роль английского языка постоянно растёт. Его влияние и положение в мире связано с политическими, военными, экономическими и социокультурными факторами. Посредством английского языка осуществляется любая международная коммуникация. Это язык, способствующий упразднению любых барьеров: языковых, территориальных и этнокультурных. Влияние английского языка на языковую ситуацию Германии продолжается уже несколько столетий. Ещё в 18 веке в немецком языке появились первые заимствования из английского: *Robinsonade, Originalität, Humor, Agitator, Kongress, Streik, Lokomotive, Express*. В 19 веке техническая революция повлекла за собой новый приток заимствований из английского языка. Появились новые понятия в области техники, естествознания, политики, такие как *Budget, Darwinismus, Demonstration, Evolutions-theorie* и *Lokomotive*. Также слово *Sport* английского происхождения, оно появилось в немецком языке после 1850 года вместе с названиями видов спорта *Tennis* и *Fußball* [2].

С тех пор приток англицизмов в немецкую лексику увеличивается настолько стремительно, что вызывает порой негативную реакцию носителей языка. Так, в Дортмунде было создано «Общество в защиту немецкого языка», чтобы привлечь внимание к проблеме «*Denglisch*» («англо-немецкий», образовано от слов *Deutsch* и *Englisch*).

Одной из причин распространения английских слов в современном литературном немецком языке является стремление к краткости. Многие английские слова короче и удобнее в произношении, чем немецкие. Например, сравним такие слова, как *Trucker* (2 слога и 7 букв) и *Lastwagenfahrer* (5 слогов и 15 букв). Ещё примеры: *Jointventure – Gemeinschaftsunternehmen; Management – Unternehmensleitungen*. Кроме того, во многих профессиональных сферах возникают новые термины на основе новых технологий, в основном из США. Многие термины сегодня приходят и в повседневную речь: *Probleme managen, Vorbestellungen canceln, Preise scannen*. Языкознание обосновывает внедрение иностранных слов в немецкий язык тем, что для некоторых поступающих из-за границы предметов, вещей, понятий в немецком языке нет специальных названий, их можно обозначить только с помощью описания, используя при этом словосочетания или даже целые предложения. Например, *Public Relations* обозначает по-немецки:

Öffentlichkeitsarbeit, öffentliche Beziehungen, Kontaktpflege und Meinungspflege. Или понятие Manager можно объяснить по-немецки только следующим образом: mit weitgehender Verfügungsgewalt und Entscheidungsbefugnis ausgestattete leitende Persönlichkeit eines Grossunternehmens. Здесь, конечно, лучше употребить англо-американские термины, так как немецкие эквиваленты описывают эти понятия слишком сложно и многословно. Но зачастую употребление англицизмов и англоамериканизмов, если они не выполняют особой содержательной, стилистической или синтаксической функции, необоснованно [3]. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что к многочисленным англицизмам можно подобрать точные и выразительные немецкие соответствия: Lover не намного лучше Liebhaber, Loser не хуже Verlierer. Feeling – это Gefühl, Airport остаётся Flughafen, Deal – это Handel. Англицизмы часто используются для создания имиджа, когда собеседники хотят подчеркнуть свой социальный или интеллектуальный уровень.

Чаще всего прямыми проводниками новых англицизмов выступают СМИ как наиболее чуткий индикатор языковых изменений. Особенно это касается интернет-изданий, так как весьма значимую роль в распространении английской лексики играет глобальная компьютерная сеть. Потому английский язык в этой области только укрепил свои позиции в немецком языке, чего нельзя не заметить при анализе медиадискурса.

В немецком медиатексте встречаются разные формы **заимствования**:

1. **Иностранные слова** – английские слова, сохранившие орфографическую, а также звуковую и грамматическую формы в немецком языке: *die Comics* (Pl) – engl. *Comics*.

2. **Заимствования** – иностранные слова, которые со временем ассимилировали и стали соответствовать закономерностям немецкого языка, прежде всего в орфографии: *der Klub* [klup] – engl. *Club* [klʌb], *Centrum / Zentrum*, *Strike / Streik*.

Одним из видов семантического заимствования являются **кальки**. Это способ семантического заимствования, когда при переводе иностранного слова с учетом лексических средств в немецком языке образуется новое слово. В зависимости от того, насколько оно соответствует оригиналу, различают:

3. **Словообразовательные кальки** – поморфемный перевод: *pocket-book* – *Taschenbuch*, *steam engine* – *Dampfmaschine*, *oversea* – *Übersee*, *textbook* – *Textbuch*.

4. **Семантическое калькирование** может быть частичным в немецком языке, где одна часть сложного слова переводится, а в другой части лишь переносится значение: *air-lift* „Luft-Fahrstuhl“ – *Luftbrücke*, *shopping-center* – *Einkaufszentrum*, *enviromental protection* – *Umweltschutz*, *teddy bear* – *Teddybär*, *surfboard* – *Surfbrett*.

5. **Лексико-семантическое калькирование** – заимствуется только значение, а не само слово. Уже существующее в исходном языке слово приобретает новое значение: *to fire* – означает не «разводить огонь», а «уведомить кого-то».

Проанализировав язык немецкой прессы на примере медиатекстов разных жанров – бульварной газеты *Bild*, межрегиональной газеты *Süddeutsche Zeitung*, журнала *Focus*, мы сделали вывод, что меньше всего англицизмов встречается в *Süddeutsche Zeitung*. Больше всего заимствований из английского языка нами было отмечено в газете *Bild*. В каждом издании нами было изучено по 5 статей, в каждой из которых встречались англицизмы:

Bild (<http://www.bildt-online.de/>)

Basketball, Boygroup, Club, coole Preise, Dating-Partner, digital, Disco, Entertainment, Erfolgstrainer, Ex-Freundin, Fans, Feeling, Film, Foto-Shooting, kidnappen, Look, Online, Party, Pool, Pop, Show, Slogan, Splash Bottle, Sparring, superpraktisch, Trend, Training, Werbespot.

Spiegel (<http://www.spiegel.de/>)

Coke, Endowment-Effekt, Fans, Forscherteams, Gruselstory, High-Tech-Labor, Keeper, Kicker, mini-Popcorn, Priming, Supermarkt, unfair, Trick, Trip.

Focus (<http://www.focus.de/>)

Ex-Microsoftmanager, Fotomodell, Fernseh-Show, Frontmann, Image, Lieblingsclub, Showstar, Sound, Speed, Star-Fotograf, Training.

Süddeutsche Zeitung (<http://www.sueddeutsche.de/>)

Engagement, Real-Spiel, Trainer, Trend.

Итак, заимствование – один из самых динамических процессов в развитии современного немецкого языка, обусловленный активными общественно-политическими трансформациями. В медиалингвистике заметна предрасположенность немецкоязычного общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но известной главным образом специалистам иноязычной лексики английского происхождения. Именно СМИ проводят первичную обработку англицизмов, их предварительный отсев с целью дальнейшей унификации заимствованной лексики.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 800 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 192 с.

2. Clément D. Linguistisches Grundwissen: Eine Einführung für zukünftige Deutschlehrer. 2. Auflage. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. 267 S.

3. Wahrig-Burfeind R. Wahrig Fremdwörterlexikon. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 455 S.

УДК 81

© 2012 Суханова И.Ю., Филоненко Т.А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тот факт, что английский язык является языком международного общения номер один, не вызывает сомнений. Многие отечественные и зарубежные лингвисты затрагивали проблему англоязычных заимствований в русском языке. Данный вопрос рассматривался в основном с точки зрения «чистоты» русского языка, а не с точки зрения межкультурной коммуникации. Задача данной работы – проанализировать межкультурное взаимодействие Англии и России в историческом аспекте.

Ключевые слова: заимствования, межкультурная коммуникация.

The dominance of English used as a lingua franca is now beyond dispute. The problem of English loan words in the Russian language has always been discussed by linguists. But usually it was considered from the point of view of purity of the language. The issue of intercultural cooperation between Russia and English-speaking countries has not been studied properly so far. Our intention here will be to expand this point to explore intercultural communication between our countries throughout the history.

The intensity of language contact between Russia and England and the number of loan words has varied over time, with English only relatively recently becoming the main source language for foreign borrowings in the Russian language. One of the earliest Russian loans in English was *соболь* – *sable*. – "fur or pelt of the European sable", early 15c., from M.Fr. *sable* (also *martre sable* "sable martin"), in reference to the mammal or its fur, borrowed in Old French

from a Germanic source, ultimately from a Slavic source (cf. Rus., Pol., Czech *sobol*, the name of the animal), "which itself is borrowed from an East-Asiatic language". This word was registered in English dictionaries in the XV century [1].

The first meaningful contact between Russians and Englishmen was registered in the middle of the XVI century, when King Edward VI sent an envoy to Tsar Ivan IV the Terrible to open new markets for British merchants. Until the late fifteenth century, the main linguistic influences on Russian had been the Scandinavian, Greek, Polish and Latin languages. Then, Russia started to look to Western Europe for diplomatic and cultural ties. Ivan IV (1533-1584) established close ties with Venice and imported merchants from Germany, England and Scotland [2].

The following English words appeared in Russian at that period: *лорд, сэръ, лорд-купер, лорд-мэр, мастер* и т.д.

Here are some examples of Russian loan in English of the time:

Ruble – unit of Russian monetary system, 1550s, via French, from Rus. rubl', perhaps from rubiti "to chop, cut," so called because the original metallic currency of Russia (14c.) consisted of silver bars, from which the necessary amount was cut off.

beluga – 1590s, from Rus. beluga, lit. "great white," from belo- "white" (from PIE *bhel-o-, from base *bhel- (1) "to shine, flash, burn;" see bleach) + augmentative suffix -uga. Originally the great sturgeon, found in the Caspian and Black seas; later (1817) also the small white whale (*Delphinapterus leucas*) found in northern seas.

boyar – 1590s, "member of a Russian aristocratic class (abolished by Peter the Great)," from Rus. boyarin, perhaps from boji "struggle," or from O.Slav. root bol- "great."

Cossack – 1590s, from Rus. kozak, from Turk. kazak "adventurer, guerilla, nomad," from qaz "to wander." The same Turkic root is the source of the people-name Kazakh and the nation of Kazakhstan.

kvass – Russian fermented drink made from rye or barley, 1550s, from Rus. kvas "leaven," from O.C.S. kvasu "yeast," cognate with L. caseus "cheese" (see cheese).

verst – 1550s, Rus. unit of distance measure equal to about two-thirds of a mile, from Fus. versta, related to O.C.S. vrusta "stadium," vruteti (Rus. vertet) "to turn" (see versus).

It is also a well-known fact that Ivan IV was the first Russian tsar:

tsar – 1660s, the more correct Latinization of Rus. czar, from prehistoric Slavic *tšesar, from a Germanic source, ultimately from L. Caesar. See czar [1].

The reforms of Peter I influenced all the aspects of people's life and a great number of foreign words penetrated into Russian language. The Church Slavonic version of the language which had been used before did not meet the requirements of the changing society. The loans of that time were mostly military, industrial, trade, marine, science terms etc. English loans were mostly marine terms: barge – *баржа*, boat – *бот*, brig – *бриг*, whaleboat – *вельбот*, mid-shipman – *мичман*, schooner – *шхуна*, cutter – *катер* etc.

БАРЖА, -и и *БАРЖА*, -й, ж. – «грузовое судно, обычно плоскодонное». Известно гл. обр. с конца Петровской эпохи. Напр., оно неоднократно встр. в расходных записях 1722 г.: «на дело баржи и бота» (от 26-1- 1722 г.), «для возки баржи и бота» (от 5-11-1722 г.) и др. (СВАМ, II, 130, 131). Более ранняя дата (1698 г.) относится к периоду пребывания Петра I в Англии.

ГРОГ, -а, м – «пьянящий напиток из рома, коньяка или водки с сахаром и горячей водой». «Англ. (с 1770 г.) grog; франц. (с 1785 г.) grog; нем. (с 1784 г.) Grog. Первоисточник – англ. grog, первоначально – прозвище адмирала Вернона (Vernon): Old Grog – «старина Грог», носившего одежду из грубого материала (англ. grogram < франц. gros grain) и прославившегося своей скупостью и распоряжением выдавать матросам вместо чистого рома ром, смешанный с водой.

МИЧМАН, -а, м. – «в дореволюционной России – первый офицерский чин на флоте»; «воинское звание старшинского состава (с 1971 г. – воинское звание лиц, добровольно проходящих службу сверх установленного срока) в Военно-Морских силах СССР». В русском языке

это слово известно с начала XVIII в.: «Кн. Устав морск.», 1720 г., гл. 14 («О мичманах»), с. 424. Слово английское, неизвестное другим западноевропейским языкам: *midshipman* (произн. 'midjipman) – «корабельный курсант», «корабельный гардемарин» (ср. *mid* – «серединный», *ship* – «корабль», «судно», *midship* – «середина судна», *man* – «человек»).

КАТЕР, -а, м. – «небольшое легкое судно, гл. обр. для коротких поездок». В русском языке слово катер известно с Петровского времени. Встр. в документах 1717-1720 гг. Первоисточник – англ. *cutter* [6].

From the XVIII till the beginning of the XIX century French loan words in Russian prevailed. But after the war 1812-1814 the situation changed. Numerous evidences of Russian-English cross-cultural contact intensification can be found in Russian literature of that time. For example:

"Обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beefsteaks".

"Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной "blue stockings..."

"У меня сегодня spleen – прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и твоей довольно". Here we can see that the loan-word "spleen" is translated into Russian. It proves that this word was interpreted by native speakers of Russian as a loan-word. Nowadays such anglicisms as sport, tourist, humor, club (which were also borrowed in the 18-19th centuries) are no longer recognized as loan-words. Some of these borrowings have even developed new meanings in Russian.

Another word we can often find in Russian literature of the 19th century is gentleman.

ДЖЕНТЛЬМЕН, -а, м. – (по понятиям буржуазно-аристократического общества) «порядочный и благовоспитанный мужчина». В русском литературном языке слово джентльмен (сначала с неустойчивым произношением: джентельмен) употр. в знач. «английский дворянин» со 2-й четверти XIX в. [6].

"Любезный Иван Алексеевич, тяжело мне быть перед тобою виноватым, тяжело и извиняться, тем более что знаю твою delicacy of gentlemen"; "Соболевский здесь incognito, прячется от заимодавцев, как настоящий gentleman". "Вы не видите рабленого maintien Нижней каморы перед Верхней (очевидно, речь идет о палатах парламента – перевод политической терминологии еще не устоялся) джентльменства перед аристократией; купечества перед джентльменством".

ДОГ, -а, м. – (собственно дог) «очень крупная и сильная собака с массивной головой». В русском языке слово дог известно с 1-й пол. XIX в. Ср. в стих. И.И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон», 1808 г.: «(бой) дога с яростным кабаном» (Бурцев, V, 340). Позже Плюшар (XVII, 1841 г., 63). Слово английское: *dog* – «собака». Происхождение английского слова, известного с англосаксонской эпохи, не выяснено.

ДОЛЛАР, -а, м. – «денежная единица, равная 100 центам, в США, Канаде и некоторых других странах». В русском языке известно с конца XVIII в. Слово английское: *dollar*.

ЖОКЕЙ, -я, м. – «профессиональный наездник на скачках», «специалист по подготовке лошадей к скачкам»; «конный акробат в цирке». В русском языке в общем употр. – с первых десятилетий XIX в. Встр. в комедии Грибоедова «Горе от ума», 1823 г., д. II, явл. 9: «жокей не поддержал» (ПСС, 51). В выражении жокей-клуб это слово известно у нас и раньше [«Откр. т.», V, 1801 г., 482, статья «Об английском конском ристании»: «поставляет оных (жеребцов) преимущественно Жокей-Клуб». В словарях — с 40-х гг. XVII в. (Курилов, 1845 г., 71).

КЛУБ – «общественная организация определенного типа, располагающая собственным помещением и объединяющая на добровольных началах людей одного социального круга, одинаковых взглядов и вкусов для совместного отдыха и развлечений». В русском языке известно с 3-й четверти XVIII в. В 1770 г. был открыт «Английский клуб» в Петербурге. В форме клуб это слово нередко встр. еще в 1-й четверти XIX в. Ранние примеры в художественной литературе – у Державина: «А ныне клуб да маскарад»

[«Кружка», 1777 г. (Стих., 310)]; «Не слишком любишь маскарады. А в клуб не ступишь и ногой» [«Фелица», 1782 г., строфа 4 (Стих., 19)]. Пушкин в «Евгении Онегине» употр. клуб [гл. VII, строфа 45: «А он всё клуба член исправный» (1ГСС, VI, 158)], но ср. в «Английском клубе» – в «Дневнике» в записи от 2-IV– 1834 г. (ПСС/ XII, 323). Чаще (см. СЯП, II, 327) у Пушкина это слово встр. в форме клуб. В словарях – обе формы с 1804 г. (Яновский, II, 238). Слово английское. Ср. англ. club; франц. (с XVIII в.) club; ит., исп. club; нем. Klub; фин. (с.) klubi; турец. klüp (bu); афг. клуп и др. Первоисточник – англ. club, которое означает не только «клуб», но и «дубинка с утолщением на конце», а также «клюшка для игры в гольф» («бита»).

МИТИНГ. В русском языке известно с середины XIX в. Нередко встр. в письмах Герцена начала 50-х гг.: «во вторник я говорю на митинге» (1853 г.), «собираются митинги» (1854 г.) и др. (ПСС, XXV, 132т 145 и др.). В словарях отм. с 1859 г. (Углов, 126). Произв. митинговый, митинговать в словарях впервые – у Ушакова (II, 1938 г., 229). Но были известны в разговорной речи и раньше. Восходит к англ. meeting, от meet – «встречаться», «сходиться», «собираться вместе» [6].

The main factor of English borrowings of the XIX century was the so-called industrial revolution. The discoveries and inventions of British scientists were described in Russian newspapers using English borrowings. The invention of a steam engine, steamboat, first railways changed people's life [3].

РЕЛЬС – «стальной брус (полоса), прокладываемый в два ряда на шпалах железнодорожного пути». В русском языке это слово появилось в связи с развитием железнодорожного строительства в России на рубеже 30-40-х гг. XIX в. В русском языке восходит к англ. rails (произн. reilz), мн. ч. от rail – «рельс», старшее знач. – «полоса», «брусок», «перекладина» [6].

Russian loan words in English at that time are not that numerous and mostly concerns some ethnical things like:

vodka – 1802, from Rus. vodka, lit. "little water," from voda "water" (from PIE *wedor, *wodor; see water) + dim. suffix -ka.

samovar – 1830, from Rus. samovar, lit. "self-boiler," from sam "self" + varit "to boil," from O.Slav. variti "to cook;" but this is perhaps folk-etymology if the word is from Tatar sanabar "tea-urn."

taiga – belt of coniferous forests in Siberia, 1888, from Rus. taiga, of Mongolian origin.

kurgan – 1889, from Russian, originally a Tatar word [1].

After the Russian revolution in 1917, English became the most common source of borrowings into Russian. Throughout the twentieth century, the borrowing trend continued with new words borrowed into Russian whenever there was a need to fill a gap in the lexicon. Thus, Russian adopted *metro* from French at the time of the building of the Moscow underground in the early 1930s. Borrowings from English in this period included *джаз, пуловер, бизнес, регби*, to name just a few.

ДЖАЗ – «шумовой оркестр с преобладанием ударных и духовых (саксофон и др.) муз. инструментов, иногда с участием голоса (голосов)»; «род танцевальной музыки, предназначенный для такого оркестра». В русском языке это слово (сначала в форме джаз-банд) с производными появилось в 20-х гг. XX в. Ср. в статье Горького «О музыке толстых» (Правда, 1928 г., № 90): «это эволюция: от Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров» (СС, XXIV, 355). В словарях – с 1926 г. (Вайсблит, 670).

ДЖЕМ, -а, м. – «род очень густой, желеобразной массы из фруктов или ягод с небольшим количеством сахара». В словарях – с 1940 г. (Ушаков, IV, Доп., 1492). В русском – из западноевропейских языков. Ср. англ. jam (произн. dʒæm), от to jam – «давить», «сжимать», «втискивать». Из английского – Jam (произн. dʒæm).

КОКТЕЙЛЬ, -я, м. – «напиток, смесь из ликера, коньяка и других крепких вин с добавлением сахара, фруктов, пряностей». В русском языке известно с 20-х гг. XX в. Ср., напр., у Маяковского в стих. и очерках об Америке: «Часов в пять брались за коктейли» («Мое

открытие Америки», 1925-1926 гг., гл. «Отъезд» – ПСС, VII, 342). В словарях иностранных слов – с 1926 г. (Вайсблит, 211). Слово английское, точнее, англо-американское: *cocktail* – букв. «петушиный хвост», «хвостовое оперение петуха». Новое знач. «коктейль, спиртной напиток» это слово получило на почве арго и по причине не совсем ясной. М. б., сыграл роль общеизвестный задиристый нрав этой птицы с красивым хвостом. К нам это слово могло попасть при посредстве французского или немецкого языка. Во французском языке *cocktail* известно с середины XIX в. и в широкое употр. вошло лишь в XX в.

КОМБАЙН, -а, м. – «сложная машина (разного назначения), представляющая собою агрегат, механическое соединение нескольких машин, одновременно выполняющих целый цикл работ, напр., при уборке зерновых культур, добыче угля и т. п.». В русском языке в широком употреблении – с первых лет первой пятилетки. Встр. у Горького в письме колхозникам артели «Мордовский труженик», напечатанном в 1933 г. в № 262 газ. «Правда» (СС, XXVII, 87). Слово английское. Ср. англ. *combine* (произн. 'kombat) – «соединение», «объединение», «агрегат», «комбинация» [6].

Political changes in Russia were also reflected in Russian loans in English:

kolkhoz – U.S.S.R. collective farm, 1921, from Rus. *kolkhoz*, contraction of *kollektivnoe khozyaistvo* "collective farm."

kolkhoznik – as in *beatnik*, etc., suffix used in word formation from c.1945, from Yiddish -*nik* (cf. *nudnik* "a bore"), from Rus. -*nik*, common personal suffix meaning "person or thing associated with or involved in" (cf. *kolkhoznik* "member of a kolkhoz"). Rocketed to popularity with *sputnik* (q.v.) [1].

Later great achievements of Soviet science also came into the English language:

Sputnik – "artificial satellite," 1957 (launched Oct. 4, 1957), from Rus. *sputnik* "satellite," lit. "traveling companion," from O.C.S. *supotniku*, from *su-* "with, together" + *poti* "way, journey" (from PIE root **pent-* "to go, pass") + agent suffix -*nik*. The electrifying impact of the launch on the West can be gauged by the number of new formations in -*nik* around this time (the suffix had been present in a Yiddish context for at least a decade before); e.g. the dog launched aboard *Sputnik 2* (Nov. 2, 1957), which was dubbed *muttnik* by the "Detroit Free Press," etc., and the U.S. satellite which failed to reach orbit in 1957 (because the Vanguard rocket blew up on the launch pad) derided as a *kaputnik* (in the "Daily Express"), a *flopnik* ("Daily Herald"), a *puffnik* ("Daily Mail"), and a *stayputnik* ("News Chronicle").

cosmonaut 1959, Anglicization of Rus. *kosmonavt*, ultimately from Gk. *Kosmos* (see *cosmos*) + *nautes* "sailor" (see *naval*) [1].

The collapse of the Soviet Union in 1989 brought a new and more powerful flood of English words into the Russian language, this time primarily from American English and most notably in the areas of computing, trade and business. Now it is not unusual to hear words like *бизнес-вумэн* (businesswoman), *менеджер* (manager), *ноу-хау* (know-how), *лаптон* (laptop), *гамбургер* (hamburger – there is no 'h' sound in Russian, so the soft 'g' is used to approximate it), and *софт* (from software). Of course, the adoption of an English word was not always absolutely necessary but rather followed the dictates of fashion or expediency – Russian-English dictionary, published in 1984 (OUP, 1984), says that the Russian word for 'software' is *программное обеспечение*, but it hardly seems surprising that this is rarely, if ever, used these days, being abandoned in favor of the more simple *софт* [4].

Russian influence on the English language was mostly due to political changes in the USSR:

perestroika – 1981, from Rus. *perestroika*, lit. "rebuilding, reconstruction, reform" (of Soviet society, etc.), from *pere-* "re-" + *stroika* "building, construction." First proposed at the 26th Party Congress (1981); popularized in English 1985 during Mikhail Gorbachev's leadership of the U.S.S.R [1].

Throughout the XX-XXI centuries the borrowing trend continued with new words borrowed into Russian whenever there was a need to fill a gap in the lexicon: *admin* – *админ*, *computer* – *компьютер* etc.

These examples show that language in general and especially the process of linguistic borrowing is influenced by extra-linguistic factors such as social, historical, cultural, political changes.

For centuries the English language has been the most popular source of lexical borrowings for Russian. Countless words describing everything imaginable have been borrowed. The intensity of borrowing varied over time (e.g. 1696-1725 – 150 words were borrowed; 1790-1870 – 420-250 words; 1970-1990 – 600 words; 1990-2000 – 1200-1500 words[5]), after the collapse of communism in 1991 many new loanwords, usually related to business, politics and popular culture entered the language. Some of these terms were adopted as new words for new concepts, but many others already had at least one Russian counterpart in widespread use.

Language contact has always occurred throughout history and it would be difficult to find a language whose speakers avoided contact with other languages for a significant period of time. The quantity of loan words reflects the influence of the source language. In our case we wanted to emphasize the intercultural aspect of loan words both in the Russian and English language.

Литература

1. <http://www.etymonline.com>
2. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. Англицизмы в русском языке. Л., 1978.
3. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке. М., 1997.
4. Крысин Л.П. Русское слово: свое и чужое. М., 2004.
5. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. СПб., 2000.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1, 2. 3-е изд. М., 1999.

УДК 801

© 2012 Кюрегян А.Л.

ВИДЫ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛЕКСИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ АНГЛИЙСКИХ ПРОВЕРБИЙ

В статье представлены результаты исследования вариативности единиц английского провербиального кода в постоянном контексте. Описаны факторы, обуславливающие степень их вариативности: наличие повтора, прецедентность, точность подбора слов, единство общего образа, мотивирующее провербиальное значение. Введена шкала лексической вариативности провербий в зависимости от количества и качества (мощности) действующих факторов.

Ключевые слова: провербиальная единица; провербиальный код; проверка, системная вариативность, системные связи.

Изучение системных связей между лексемами, входящими в состав фразеологических и паремеологических единиц, отражено в большом количестве научных трудов ([3:1986], [6:1980], [7:1993], [2:2001] и др.). Наиболее детально они описаны в работе [3:1986], в которой особое внимание уделено такой их разновидности, как связи взаимодействия, то есть существующие на синхроническом уровне связи по сходству значений. К их числу относят синонимию, антонимию, гиперо-гипонию, структурную и семантическую вариативность, а также семантическую конверсию. В.М. Савицкий [1993] добавил к этому списку семантическую градуальность, то есть различие между лексемами по степени выраженности того или иного семантического признака.

Ю.М. Лотман [1872] писал о том, что в поэтическом тексте, в отличие от прозаического, синтагматические связи по своей значимости уступают парадигматическим *отношениям* между словами. Ключевые (по смыслу) слова зачастую объединяются не в

синтагмы, а в микропарадигмы, будучи со- или противопоставлены семантически. Например: «That makes *calamity* of so long life // And makes us rather bear *those ills we have* // Than fly to *others that we know not of*» (W. Shakespeare. Hamlet). Ср. с пословицей *Better the devil you know than the devil you don't*. Провербии подчинены законам построения скорее поэтического, чем прозаического текста. В них ключевые лексемы нередко состоят в отношениях смыслового со- и противопоставления. В художественном аспекте это своего рода моностихи (однострочные стихи). Ср.: *Tall oaks from little acorns grow* (4-стопный ямб; аллитерация [ks – k-z] у ключевых лексем *oaks – acorns*, подчёркивающая их смысловую антитезу; поэтическая инверсия). Эта пословица так и просится в какую-нибудь оду в честь великого человека.

Наблюдения показали, что одни провербии полностью неизменны в пределах языковой системы, хотя могут изменяться в речи окказионально. Другие характеризуются довольно широким диапазоном системно-языкового варьирования. Остальные провербиальные единицы располагаются на шкале между этими полюсами по степени структурной и семантической вариативности / неизменности (устойчивости).

Отсутствие системной вариативности у провербий обусловлено следующими факторами:

1. Формальная «складность», гармония, достигаемая наличием средств повтора в их структуре. Например, в пословице *One cannot run with the hare and hunt with the hounds*.

2. Цитатный характер некоторых провербий.

3. Смысловая точность подбора слов, обеспечивающая афористичность стиля с соблюдением требования лаконизма и соответствующая канонам культуры речи.

4. Единство образа, лежащего в основе провербиального значения.

Отдельные предметные образы в своей совокупности составляют сценарий, обычно принадлежат к одной тематической области и поэтому зависят друг от друга, что ограничивает возможность замены их лексических десигнаторов.

Альтернатива осуществляется на разных уровнях знакового строения провербий. На *образном* уровне наблюдается чередование на основе образной синонимии, под которой в данном случае понимается функциональная эквивалентность образов в данном сценарии. Например, в пословице *Give him a finger and he'll take your whole arm*, имеющей вариант *Give him an inch and he'll take an ell*, образы пальца и дюйма эквивалентны, они символизируют нечто малое; соответственно эквивалентны образы локтя (меры длины) и руки – они здесь символизируют нечто большое. То же наблюдается в *синонимичных* пословицах: *Dog eat dog – The great fish eat up the small*, где пара «агрессор – жертва» представлена разными, но функционально эквивалентными образными средствами. Ср. также: *Don't teach a fish to swim / your grandmother to grope ducks / suck eggs / a dame to spinne*.

Кроме того, на *образном* уровне имеют место отношения гиперо-гипонимии. Например: *Venture (throw out) a sprat (herring) to catch a mackerel (whale)* (гипонимические образы) – *Venture a small fish to catch a great one* (гиперонимические образы). Ср. также: *Don't wake a sleeping dog – Don't trouble trouble*.

В ряде случаев взаимно эквивалентны не отдельные лексемы, а целые их блоки:

Strike while the iron is hot.

Make hay while the sun shines.

Pull the rod while the fish is biting

Hoist sail while the wind is fair.

На *лексическом* уровне происходит альтернатива лексем без замены образов. Чередуются синонимичные и тематически близкие лексемы, передающие один и тот же (или почти один и тот же) образ и смысл. Например:

What is one man's poison is another man's food / meat (*meat* – здесь: устар. «пища»).

While the grass grows the horse / steed starves (steed – «жеребец»).

Clothes / apparel make(s) the man (apparel – устар. «одеяние»).

Lookers-on / onlookers / standers-by see most of the game.

Better go to Heaven in rags / tatters than to hell in embroidery / silk.

Контекстуальная синонимия встречается *внутри* поговорок. Слова, не являющиеся синонимами в «свободном» употреблении, в постоянном контексте сближаются по смыслу. Например:

Old friends and old wine are best.

Time and tide wait for no man.

Don't call Beelzebub to drive away Lucifer / Satan (всё это имена Дьявола).

Life is not all cakes and ale (синоним: beer and skittles).

Can the leopard change his spots, or the Ethiopian his skin? [8: 23].

Muck and money go together.

Отношения синонимии наблюдаются также у оценочных и модальных оборотов. Иногда они чередуются: *It is too late* ⇔ *It is no use < doing smth.>*; *It is ill* ⇔ *It will never do < to do smth.>*; *Don't (ever)* ⇔ *Never < do smth.>*.

На фонетическом уровне между лексемами наличествуют отношения *паронимии*: при построении поговорок в большом числе случаев семантически коррелирующие слова отбираются из рядов функционально эквивалентных слов с учётом их звукового сходства. Например, в поговорке *Might goes before right* отбор слова *might* произведён из ряда слов *might, power, force, potency, strength, sway, etc.* с семантическим инвариантом [мощь, могущество]; соответственно отбор слова *right* осуществлён из ряда *right, liberty, freedom, etc.* с семантическим инвариантом [право, свобода (совершать / получать что-л.)]. Отбор обоих слов из лексического фонда языка для выполнения функции поговориальных лексем произведён по принципу их большого фонетического и орфографического сходства, обеспечивающего наличие рифмы (*might – right*).

Ср. также:

Little strokes (при возможных, но не реализованных вариантах *cuts, blows, efforts, etc.*) fell great *oaks* (теоретически возможные варианты: *trees, pines, cedars, etc.*).

Money spent on the brain (⇔ *intellect, education, tuition, learning, studies, etc.*) is never spent *in vain* (⇔ *vainly, futilely, for nothing, for no purpose, etc.*).

New lords (⇔ *masters, rulers, sovereigns, bosses, etc.*), *new laws* (⇔ *rules, orders, directions, instructions, etc.*).

In every beginning (⇔ *start*) think of the end (⇔ *finish*).

Антонимические связи между лексемами прослеживаются, во-первых, на уровне общезыкового кода: *Keep your mouth shut and your eyes open.*

To know everything is to know nothing.

Many a good cow hath a bad calf.

One law for the rich, and another for the poor.

A fair face may hide a fowl heart, etc.

Выделенные лексемы являются антонимами и в «свободном» употреблении.

Во-вторых, в этой сфере обнаруживаются *контекстуальные антонимы*, то есть антонимы собственно поговориального характера.

Out of sight (символ внешнего), *out of mind* (символ внутреннего).

Слова *sight* и *mind* не являются антонимами в переменных контекстах; они стали таковыми (в символических значениях) лишь в данном постоянном контексте. Приведём другой пример:

What is done by night appears by day. («Всё тайное становится явным».)

В свободном употреблении предложно-именные группы *by night* и *by day* – не антонимы; они просто обозначают разное время суток. Однако в фигуральном смысле

они десигнируют противоположные концепты («тайно» – «явно») и поэтому являются контекстуальными антонимами на втором ономаσιологическом уровне. Ср. также:

One drop of poison infects the whole tun of wine (drop – tun; poison – wine).

Don't serve the Devil for God's sake.

You can't serve God and Mammon.

No joy without alloy.

To sink or swim (противопоставление правила и успеха).

Laws catch flies, but let hornets go free (ср. рус. *Алтынного вора вешают, полтинного чествуют*).

Гораздо чаще, однако, лексемы сопоставляются не по антонимическому принципу. Десигнируемые ими концепты коррелируют по разным комплексам семантических признаков. Они не прямо противоположны (контрарны или контрадикторны), как это бывает в антонимах, а в тех или иных отношениях различны. Типичным примером может служить пословица *Give Caesar's to Caesar, and God's to God*. Согласно Евангелиям ([8: 21]; [8: 25]), фарисеи пытались спровоцировать Иисуса («уловить Его в словах»), вынудив Его провозгласить конфронтацию между властью кесаря и властью Бога. Но Иисус не сделал этого, а провозгласил лишь разделение властей без их противопоставления. Таким образом, в рассматриваемой пословице лексемы *Caesar* и *God* в их символическом смысле – не антонимы, а просто обозначение **разных** вещей, которые требуется чётко развести.

Существуют и другие семантические отношения между единицами проverbsиального кода:

In the evening one may praise the day. В отличие от лексем *day – night*, антонимически противопоставленных в фигуральном смысле (ср. *What is done by night* [т.е. тайно], *appears by day* [т.е. явно]), лексемы *day – evening* демонстрируют отношение целого и (заключительной) части. Ср. также *The end crowns the work*.

Little chips light great fires (ср. рус. *От копеечной свечки Москва сгорела*). Если лексемы *little – great* составляют антонимическую пару, то лексемы *chips – fires* – нет; между ними наличествует отношение причины и следствия (малая причина – большое следствие). В пословице *A mountain brought forth a mouse* дело обстоит наоборот: большой каузатор (создатель, творец) – малый каузат (создание, тварь).

Little pigeons can carry great messages (ср. рус. *Мал, да удал*). Отношение между выделенными лексемами – это отношения функционера и функции.

In the country of the blind a one-eyed man is king. Ряд «слепой – полузрячий – зрячий» образует тернарную градуальную оппозицию. Между её членами существует отношение семантической градуальности (зрение ноль – одна вторая – единица). Ср. также *Better be one-eyed than stone-blind*.

Like parents, like children. Эта пара лексем – не антонимы, а, по мнению ряда учёных ([5:1990], [1:1995] и др.), семантические конверсивы. (Ср. *Like master, like servant; Like priest, like people; Like teacher, like pupil, etc.*). Встречаются и глагольные семантические конверсивы: *Give as good as you get* («Не оставайся в долгу»). *Take while you're given* (ср. рус. *Дают – бери, а бьют – беги*).

Don't trouble trouble (until trouble troubles you). Существительное и глагол находятся здесь в отношении грамматической конверсии.

Man is a bundle of habits («Человек – это совокупность его привычек»). Отношение между выделенными фрагментами – это отношение между объектом и его истинной сущностью.

Life is not a bed of roses (отношение между объектом и его ложной сущностью).

Many hands make light work (субъект – процесс деятельности).

No pains, no gains (процесс деятельности – её результат).

Many men, many minds; So many countries, so many customs (атрибутив – его атрибут).

No money, по *honey* (т.е. ценность не обретается даром; это отношение потребительской ценности и меновой стоимости).

В некоторых случаях смысловое отношение лексем бывает двояким или даже трояким. Например, в пословице *No rose without a thorn* отношение «роза – шип» – это, во-первых, отношение антонимии («нечто хорошее – нечто плохое»); во-вторых, в буквальном плане это отношение части и целого (шип – часть растения, именуемого розой), а в переносном плане – аналогичное ему отношение атрибутива и атрибута («колкость» характера, капризность и т.п. – свойства красавицы); в-третьих, это отношение ценности и препятствия к её обретению (прелесть женщины и её неприступность).

Таковы, в общих чертах, основные виды семантической корреляции между единицами английского провербиального кода. Приведённый список, возможно, не полон, но и он свидетельствует об их разнообразии, охватывающем значительную часть всеобщей взаимосвязи вещей в мире.

Перечисленными (и, вероятно, некоторыми другими) отношениями структурирован глоссарий провербиального кода.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лингвистические проблемы формального семантического анализа предложения. М.: Наука, 1981.
2. Зеленкина О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 18 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
5. Новиков А.И. Деловое общение и язык. М.: Наука, 1989. 165 с.
6. Прокопьева С.М. Вариативность фразеологических единиц как прагматический феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 15 с.
7. Савицкий В.М. Аспекты теории фразообразовательных моделей. Самара: Тор, 1993. 65 с.
8. Словарь употребительных английских пословиц / М.Б. Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская. М.: Русский язык, 1985. 232 с.

УДК 801

©2012 Гришина И.А.

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»

В статье анализируются сюжетно-композиционные особенности романа «Великий Гэтсби». Анализируется роль детали, внешнего портрета, символов, приема контраста и параллели в романе. Описывается тщательно продуманная система художественных средств, которая способствует в значительной степени глубокому раскрытию внутреннего мира героев и идейно-нравственной основы всего произведения.

Ключевые слова: сюжетно-композиционные особенности, роль детали, внешний портрет, символ, прием контраста и параллели, система художественных средств.

Самым значительным произведением Скотта Фицджеральда является «Великий Гэтсби» (1925). Лишь немногие критики и писатели того времени по достоинству оценили роман, в котором в необычайно скупой манере повествования рассказано о тра-

гедии «мечты», получившей ложное толкование. Одной из немногих была Гертруда Стайн, которая в письме к издателю писателя отметила социальную широту охвата событий в новом произведении Фицджеральда, создавшего такую же картину современного ему мира, как это сделал в свое время Теккерей в «Пенденнисе» и «Ярмарке тщеславия». С похвалой отозвались о романе Эрнест Хемингуэй и известная американская писательница начала 20 века Эдит Уортон.

О своем замысле романа писатель сообщал в письме другу: «Основная идея «Гэтсби» – несправедливость судьбы бедного молодого человека, который в силу своего положения не может жениться на богатой девушке. Эта тема постоянно довлеет надо мной, ибо я прошел через это» [2, с. 150].

Действительно, событийную канву книги составляет история взаимоотношений двух людей – Джея Гэтсби, бывшего лейтенанта, выходца из небогатой семьи Среднего Запада, и Дэйзи Бьюкенен, девушки из богатой луйсвиллской семьи, в которой Гэтсби видится идеал красоты и счастья. Вернувшись с фронта через несколько лет, герой узнает, что любимая девушка вышла замуж, так и не дождавшись его. Гэтсби наивно полагает, что деньги и богатство помогут ему вновь завоевать Дэйзи, принесут ему личное счастье. Но погоня за богатством как частью «мечты», с её идеей успеха и безграничных возможностей, вскрывает неразборчивость и даже аморальность его методов и средств: Гэтсби наживает огромное состояние, не брезгуя никакими средствами, – спекулируя спиртными напитками, играя на бирже, что, в конечном итоге, и приводит его к гибели.

Трагедия Гэтсби отражает глубокую внутреннюю раздвоенность «американской мечты». Истоки этой раздвоенности уходят в историческое прошлое Америки, которое вобрало в себя как дух свободы и независимости, так и идеи материального благополучия и индивидуализма.

Идейный и нравственный пафос романа заключается в том, что в трактовке «мечты» автор исходил из понятия исторической закономерности. В соответствии с этим задана и фигура главного героя, который предстает как бы в двух измерениях: Гэтсби – романтик, мечтатель, поклоняющийся красоте и добру, и одновременно – носитель идеалов общества «потребления» во всем их показном величии и блеске. Отсюда и две тональности в изображении героя – романтическая (герой живет мечтой о встрече с Дэйзи) и сугубо прозаическая, деловая (деятельность Гэтсби в роли бутлеггера). Правда, о второй стороне жизни героя преднамеренно говорится очень мало, так как Фицджеральду было важнее выявить трагедию романтических устремлений юноши, пытающегося найти в прошлом идеалы и мечтания, которые на поверку оказываются давно утраченными и в социальном, и в нравственном плане. Драма Гэтсби кроется также в его чрезмерном идеализме, благодушии, в наивно-простодушном восприятии жизни и отношении к людям. В конце романа, когда Гэтсби оказывается преданным и обманутым теми, кто пользовался его великодушием и гостеприимством, он все еще сохраняет свой романтический пафос одинокого мечтателя. Историческая прозорливость и глубина художественного видения Фицджеральда как писателя состоит в том, что в отличие от Гэтсби он понимает неизбежность разрушения «мечты», сознает причины краха иллюзий.

Тема вырождения «американской мечты» раскрыта в романе на примере других действующих лиц, среди которых расхожий «коммерческий» вариант ее олицетворяют прежде всего антиподы Гэтсби – Том Бьюкенен, муж Дэйзи, сама Дэйзи и ее приятельница Джордан. Если в Гэтсби сочетаются полярные начала, то в Томе Бьюкенене и ему подобных постоянно подчеркиваются одни и те же черты – крайняя самоуверенность, вера в собственную исключительность, физическая сила, «крепкий» индивидуализм и

прикрытое красноречием невежество. И Том, и Дэзи – обладатели большого состояния с рождения, поэтому их мораль, представление об общечеловеческих ценностях определяются их принадлежностью к классу богачей, для которых нравственное растрепывание других людей, а подчас и их гибель, – явление вполне нравственное (смерть Миртл, случайное убийство невинного Гэтсби). Внешняя красота супругов Бьюкенен сопрягается с убогостью и уродством их внутреннего мира, пустотой и никчемностью запросов. Дэзи легко приходит в восторг при виде роскошного интерьера особняка Гэтсби, равно как и демонстрируемого героем великолепия и огромного ассортимента принадлежащих ему мужских сорочек. В мелодичном голосе Дэзи, по словам Гэтсби, постоянно звучит звон денег. Том может подолгу простаивать перед витринами ювелирных магазинов, любуясь блеском бриллиантов.

Тема подлинной красоты, человеческой одаренности всегда интересовала Фицджеральда, поскольку на передний план в оценке личности у него выступало духовное богатство человека, его честность, достоинство, внутреннее мужество. Персонажем, обладающим такими качествами, является в романе Ник Каррауэй, от имени которого ведется повествование. Многие исследователи считают его главным героем романа, и не без оснований. Связанная с ним сюжетная линия развивается параллельно с линией Гэтсби; к примеру, об истории его взаимоотношений с Джордан Бейкер рассказывается одновременно с историей, повествующей о любви Гэтсби к Дэзи. В некотором смысле Ник Каррауэй – биограф не только Гэтсби, но и свой собственный. При этом встреча с Гэтсби и поворот в его судьбе существенно повлияли и на представления Ника о Гэтсби, и на его взаимоотношения с другими людьми. Несомненно, с образом Ника связаны и авторские симпатии в романе. Ник – писатель и рассказчик – видит двойственность стремлений Гэтсби, сложность его незаурядной натуры и является в сущности единственным человеком, который остается верным ему до конца (в день похорон Ник, единственный из всех знакомых Джея, приходит проводить его). При этом Ник – не равнодушный повествователь, судьба Гэтсби, в свою очередь, существенно повлияла на его собственную; для Ника важно понять Гэтсби и его «мечту», чтобы понять себя и определить свое место в жизни. В отличие от Гэтсби (с ним его роднит многое – мужество, порядочность, душевная щедрость), Ник делает выбор не в пользу своей «мечты»: он порывает с Джордан, подобием Дэзи, ибо видит в ней и её окружении тщеславие, эгоизм, инфантилизм мышления, жестокость, – все те черты, которые не захотел разглядеть Гэтсби в своей возлюбленной. С линией Ника в романе, несомненно, связана тема ответственности человека перед другими людьми, тема личности в ее конфронтации с обществом, проблема нравственного выбора и гуманистической ориентации. Закономерно, что именно Ник выносит нравственный приговор всему происшедшему. Крушение «мечты» и иллюзий Гэтсби вскрыли нравственную несостоятельность не только самой «мечты», но и всего американского общества в целом: цивилизация, в которой духовная жизнь подчинена полностью идее материального благополучия, не может быть гуманной. В заключительной главе романа нельзя не заметить у Ника определенные ноты скептицизма и грусти, которые навеяны гибелью Гэтсби и трезвой оценкой всего случившегося. Но конечный вывод самого писателя не пессимистичен: именно с людьми, подобными Нику, Фицджеральд связывает свои надежды на будущие поиски нравственной ориентации в сложном мире американской реальности.

В названии романа, как это отмечалось большинством советских и зарубежных исследователей, несомненно, присутствует авторская ирония. О подлинном величии Гэтсби можно говорить прежде всего в плане его верности идеалу, «мечте», его душевной щедрости, цельности и стойкости чувств, силы характера. В этом смысле он резко выделяется на фоне других людей, о чем неоднократно говорит Ник Каррауэй. Но в ве-

личии Гэтсби есть и значительная доля иронии и парадокса: он так же «велик», как велика и сама «мечта» в ее трансформированном, раздвоенном виде с ее идеями наивности и простодушия, с одной стороны, прагматизма и преуспеяния – с другой. Незаурядный человек, Гэтсби растрчивает себя в погоне за ничтожными целями и идеалами; однако несовместимость этих качеств выделяет его среди других людей, делает его в какой-то мере значительным. Его величие в том, что он скорее умрет, чем расстанется со своей «мечтой». Не вина его, а беда в том, что иллюзорность, бессмысленность многих устремлений и желаний он не смог понять, ибо был велик в своем простодушно-инфантильном восприятии действительности.

В художественном отношении «Великий Гэтсби» – произведение удивительно цельное по своей полифоничности. Ограничен и совершенен сплав реалистической и лирико-романтической прозы, что раскрывается в полном слиянии двух повествовательных планов – историческом (наличие исторической перспективы, тщательно воссозданного исторического фона в романе) и биографически-лирическом (многочисленные авторские отступления, к примеру). Чрезвычайно велика роль детали, внешне-го портрета, символов, приема контраста и параллели в романе. Тщательно продуманная система художественных средств способствует в значительной степени глубокому раскрытию внутреннего мира героев и идейно-нравственной основы всего произведения. Хотя в стиле романа ощутимо влияние романтической поэзии Китса и повествовательной манеры Конрада, во многом Фицджеральд выступает здесь с позиций новатора. В этой связи можно отметить роль рассказчика как выразителя основной идеи произведения, повествователя и собственно действующего лица, особую значимость временных пластов и пространственных характеристик в романе [1; 4].

Все это позволяет считать «Великого Гэтсби» одним из высших достижений американской художественной прозы 20-х годов.

Литература

1. Петрухина М.А. Предисловие к роману «Великий Гэтсби» на английском языке. М.: Высшая школа, 1984. 313 с.
2. Turnbull A. Scott Fitzgerald. N. Y., 1962. 150 p.

УДК 81.23

© 2012 Доброва В.В., Сысуева И.Г.

МОНОРЕМАТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются сокращенные формы речевого общения, а именно монорематические высказывания как одно из средств осуществления межкультурной коммуникации. В высказываниях данного типа проявляются все характерные для полноструктурных реплик диалога особенности как в структурно-семантическом, так и в психологическом смысле. Проведенный кросскультурный психолингвистический эксперимент показал, что использование монорем как реактивных сокращенных реплик в ходе диалога определяется уровнем языковой и национальной культуры, а также личностными характеристиками говорящих.

Ключевые слова: речевое общение, монорематические высказывания, межкультурная коммуникация.

Изменение парадигмы современных гуманитарных наук выражается, прежде всего, в увеличении в их общем континууме объема антропоцентрического знания. Повышение роли "человеческого компонента" приводит исследователей к осознанию важности задач всестороннего изучения человека общающегося и говорящего. Вместе с

тем тенденция к консолидации наук о человеке – психологии, этнографии, социологии, лингвистики и т.д., – которая стала особенно заметна в последнее время, во многом обусловлена недостаточностью использования методов исследования актуальных объектов в рамках каждой из этих наук.

Общение является центральной категорией, позволяющей конкретно изучить многие аспекты межкультурной психологии [3]. Психолингвистика связала коммуникативный акт с личностью участника общения, понимая общение как феномен того или иного типа культуры. И если в лингвистической научной литературе нет особой разницы между «общением» и «коммуникацией», поскольку для лингвистов общение – это актуализация коммуникативной функции языка в различных речевых ситуациях, то в психолингвистике они рассматриваются как пересекающиеся, но несинонимичные понятия.

В психолингвистике термин «коммуникация» используется для обозначения средств связи любых объектов материального и духовного мира, процесса передачи информации от человека к человеку, в том числе обмена представлениями, идеями, установками, настроениями, чувствами в человеческом общении, а также передачи и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы. Общение же рассматривается как межличностное взаимодействие людей при обмене информацией познавательного или аффективно-оценочного характера.

Коммуникация и общение являются важнейшей частью человеческой жизни, следовательно, они являются и частью культуры. Подчеркивая их важность, многие исследователи приравнивают культуру к общению (коммуникации). Крупнейший американский специалист по межкультурной коммуникации Э. Холл утверждает, что культура – это коммуникация, а коммуникация – это культура [2].

В настоящее время важным направлением стало исследование характеристик речевого поведения в разнообразных социальных сферах у представителей как одного, так и различных культурных социумов. Развитие межкультурной коммуникации связано с интенсивным ростом международного общения и сотрудничества. Однако культурные различия представляют преграду для межкультурной коммуникации. Язык, лингвистическая индивидуальность, жесты, традиции, национальный характер – эти факторы играют в ней решающую роль. И важно осознанное понимание и знание различных культур и языков, без которых невозможно полноценное общение.

Межкультурная коммуникация – искусство, владея которым можно преодолеть межкультурный шок, достичь взаимопонимания с представителем иной культуры. Межкультурная коммуникация определяется не только социальными факторами, но и стереотипно-поведенческими условиями культур коммуникантов. Так, например, параллельно с использованием иностранного языка британцами и американцами происходит усвоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка. С точки зрения поликультурной реальности процесс коммуникации людей различных лингвокультурных общностей приводит к взаимовлиянию и взаимопроникновению культур членов социумов. Гармоничная межкультурная коммуникация требует понимания стереотипов поведения, содержащихся в национальных традициях и их восприятии.

Межкультурная коммуникация – непростой процесс установления, поддержания и развития контактов между людьми разных национальностей. Ограничения по ряду национальных и культурных традиций, профессиональных и этических принципов – одна из специфических особенностей международного общения.

Основными средствами межкультурной коммуникации в психолингвистике являются вербальное и невербальное общение.

Изучение особенностей общения, в частности вербального, речевого, довольно давно уже является предметом специальных исследований лингвистов и психологов. В

речевом общении проявляются все психологические и лингвистические закономерности общения в наиболее характерном и доступном исследователю виде, чем вызван большой интерес к его исследованию. Эмпирические исследования показывают, что основной разновидностью речевого поведения, отражающего личностные характеристики говорящего, а также особенности личности как конкретного носителя национальной и языковой культуры, является разговорная речь, выступающая в форме диалога. Вместе с тем изучение реальных диалогов с учетом особенностей структуры и элементов речи говорящих, а не только их семантики, практически не осуществляется в современных психологических исследованиях.

К сожалению, во всех исследованиях диалогической формы общения в рамках психологии речь идет в основном о развернутых речевых высказываниях, в которых отражаются все характеристики устной разговорной речи. Однако в реальном речевом общении можно обнаружить как полные формы диалогической речи, так и весьма специфические с точки зрения лингвистического анализа существенно сокращенные элементы – реплики разного рода. Понятно, что эти реплики, часто не имеющие смысла вне контекста самого диалога, несут в реальном общении значительную семантическую нагрузку и составляют, таким образом, важнейшую социально-психологическую компоненту межличностного общения.

Опыт наблюдения позволяет увидеть в диалогической речи большое число сокращенных по форме реплик, которые можно обозначить как реактивные монорематические высказывания, которые, по сути, являются сокращенными по форме краткими речевыми реакциями участников диалога, в отличие от тематических высказываний классического типа. Однако в плане семантической наполняемости такие высказывания отнюдь не являются ущербными. Более того, с учетом того факта, что речевая деятельность непосредственно связана с индивидуальными и личностными особенностями субъекта, участвующего в процессе межличностного общения, монорема может рассматриваться как специальная реактивная (реагирующая) форма речевого поведения в системе межличностного общения.

Поскольку речевое поведение является сугубо индивидуальным речевым проявлением личности, оно естественным образом связано с личностными, национальными, социальными характеристиками участников диалога. Любой речевой акт с необходимостью соотнесен с личностью говорящего, или, другими словами, любой диалог способствует актуализации личностных характеристик его участников, т.е. личность, ее психологические особенности раскрываются в диалоге [1, с. 190], детерминируют его содержание и развитие. Личностные характеристики участников речевого (диалогического) общения представляют собой переплетение индивидуальных, социальных, национально-культурных и общечеловеческих особенностей [1, с. 192].

Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание участниками диалога реальности. Очевидно, что речевое поведение человека отражает особенности личности как конкретного носителя языка, идеологии группы людей, присущий соответствующему народу образ мира, то или иное видение мира через призму национальной культуры. Существовая в конкретном этносе, личность неизбежно является носителем того или иного типа национальной речевой культуры. Национально-культурная специфика речевого общения складывается из системы факторов, действующих на разных уровнях организации процессов общения и имеющих разную природу. Таким образом, национально-культурная специфика речевого общения влияет в той или иной степени на формы общения, а также на его эффективность. Находясь в "родной" языковой среде, человек легко ориентируется в ситуации общения, в выборе форм и средств общения. Попадая в иноязычную языковую среду, т.е. вступая в общение на иностранном языке, человек сталкивается не только со

сложностями в выборе языковых средств и форм, но и с различиями коммуникативного и смыслового плана общения.

Поэтому в качестве одного из критериев эффективности речевого общения выступает единое или сходное понимание реальности, осознание национально-культурной специфики общения, а также владение средствами языка.

Однако очевидно, что эффективность общения зависит не только от владения его средством, т.е. языком, или от принадлежности говорящего к той или иной языковой и национальной среде. В качестве одного из наиболее важных факторов успешности можно выделить индивидуальные личностные особенности говорящего. Так, согласно типологии К.Г. Юнга экстраверты и интроверты по-разному ведут себя в ситуации общения. Эффективность общения также в известной степени является следствием комбинации мотивов коммуникации (реализующихся в мотивации достижения успеха и мотивации аффилиации) и коммуникативных способностей, которые характеризуют личность в процессе общения.

Для изучения особенностей существования и проявления форм рематических высказываний в реальных диалогах нами было проведено специальное кросскультурное эмпирическое исследование, частью которого был описанный далее психолингвистический эксперимент. В эксперименте приняли участие студенты и преподаватели высших учебных заведений России и Великобритании (300 человек), которые были разделены на группы в зависимости от уровня владения английским языком: группа I – люди с низким уровнем владения языком; группа А – люди с высоким уровнем владения языком (родной язык – русский); группа В – люди с высоким уровнем языковой культуры (родной язык – английский). В данных группах были изучены личностные характеристики их представителей и особенности реагирующего компонента диалога (монорематических высказываний).

Сравнение речевого поведения представителей указанных трех групп позволило увидеть, как развивается монорематическая компонента речевого общения по мере включения субъектов диалога в языковую культуру, что на материале русского языка было бы сделать крайне трудно.

Анализ эмпирических данных с точки зрения типологии монорематических высказываний показал, что чаще всего в диалоге звучат прямые ответы и реже всего на заданный вопрос мы получаем неадекватный ответ (табл. 1). Следует отметить, что соотношение реагирующих компонентов в реальных актах коммуникации у представителей трех групп неодинаково. Так, у представителей групп В и I, представляющих противоположные ступени овладения языком или полярные уровни языковой культуры, имеются значимые расхождения по наличию прямых и косвенных ответов в акте коммуникации, что подтверждает гипотезу о взаимосвязанности языковой культуры со структурно-семантическими особенностями монорем.

Таблица 1

Распределение представителей трех групп (%) по характеру реагирующего компонента

Группа	Прямые ответы	Косвенные ответы	Отсутствие адекватного ответа
Группа В	44,75*	34,65*	20,59*
Группа А	49,33*	28,63*	22,04*
Группа I	55,53*	25,61*	18,86*

Корреляционный анализ показал, что во всех трех группах, несмотря на специфичность личностных характеристик, наблюдается устойчивая взаимосвязь между параметрами экстраверсии и появлением косвенных ответов, параметром интроверсии и появлением прямых ответов в акте коммуникации, а отсутствие адекватного ответа непосредственно связано с параметром импульсивности.

При этом в группе В, представляющей носителей языка, отсутствие адекватного ответа связано и с таким параметром, как интроверсия, что не отмечено в других группах (табл. 2).

Таблица 2

Данные о взаимосвязи монорематических высказываний с личностными особенностями представителей группы В

Реагирующий компонент	Параметры методики Д.Кейрси			
	Е	І	Р	Ј
Прямой ответ	-0,455*	0,455*	0,183	-0,183
Косвенный ответ	0,612*	-0,612*	-0,563*	0,563*
Отсутствие адекватного ответа	-0,418*	0,418*	0,722*	-0,722*

В группе А, представители которой хорошо владеют английским языком, появление косвенных ответов связано с мотивацией достижения успеха, а страх быть отвергнутым прямо коррелирует с появлением прямых ответов (табл. 3).

Таблица 3

Данные о взаимосвязи монорематических высказываний с личностными особенностями представителей группы А

Методики	Параметры	Д. Кейрси				Т. Элрс Стремление к риску	КОС Коммуникативные склонности
		Е	І	Р	Ј		
Т. Элрс	Стремление к риску	0,123	-0,123	-0,422*	0,422*		
	Стремление к самозащите	0,501*	-0,501*	0,421*	-0,421*		
КОС-2	Коммуникативные склонности	0,654*	-0,654*	-0,223	0,223	0,267	
	Организаторские склонности	0,212	-0,212	-0,465*	0,465*	0,544*	
А. Мехрабиан	Стремление к принятию	0,567*	-0,567*	-0,193	0,193	-0,039	0,539*
	Страх быть отвергнутым	-0,558*	0,558*	-0,125	0,125	0,201	-0,478*
Реагирующий компонент	Прямой ответ	-0,442*	0,442*	-0,259	0,259	0,078	-0,037
	Косвенный ответ	0,542*	-0,542*	-0,180	0,180	0,336	0,325
	Отсутствие адекватного ответа	-0,037	0,037	0,515*	-0,515*	-0,458*	-0,304

В группе І, представители которой владеют английским языком на низком уровне, появление косвенных ответов связано со стремлением к принятию окружающими, а прямые ответы имеют отрицательную корреляцию с риском быть отвергнутым (табл. 4).

Данные проведенного исследования дают основания утверждать, что существует определенная зависимость между личностными характеристиками (экстраверсия, интроверсия, импульсивность, рассудительность), мотивацией общения, коммуникативными способностями участников диалога, с одной стороны, и появлением в структуре диалога различных семантико-синтаксических типов сокращенных (монорематических) высказываний – с другой.

Данные о взаимосвязи монорематических высказываний с личностными особенностями представителей группы I

Методики	Параметры	Д. Кейрси				Т. Элерс		КОС-2	
		Е	I	P	J	Стремление к риску	Стремление к самозащите	Коммуникативные склонности	Организаторские склонности
Т. Элерс	Стремление к риску	0,225	-0,225	-0,523	0,523*				
	Стремление к самозащите	0,411*	-0,411*	0,180	-0,180				
КОС-2	Коммуникативные склонности	0,577*	-0,577*	-0,046	0,046	0,092	0,531*		
	Организаторские склонности	0,505*	-0,505*	-0,177	0,177	0,207	0,339		
А. Мехрабиан	Стремление к принятию	0,541*	-0,541*	-0,012	0,012	0,150	0,187	0,511*	0,334
	Страх быть отвергнутым	-0,551*	0,551*	0,171	-0,171	-0,126	-0,329	-0,499*	-0,361
Реагирующий компонент	Прямой ответ	-0,462*	0,462*	-0,001	0,001	0,027	-0,135	-0,272	-0,484*
	Косвенный ответ	0,713*	-0,713*	-0,375	0,375	0,202	0,186	0,366	0,446*
	Отсутствие адекватного ответа	-0,167	0,167	0,448*	0,448*	-0,292	-0,001	-0,020	0,193

Судя по результатам эксперимента, можно уверенно говорить, что особенности речевого общения (в частности, тип и частота использования монорем как реактивных сокращенных реплик в ходе диалога) определяется не только уровнем языковой и национальной культуры, но и личностными характеристиками говорящих. Полученные в данном кросскультурном эксперименте эмпирические данные позволяют утверждать, что структурно-семантические особенности такой мало исследованной в психологии и лингвистике формы речевого диалога, как монорематические высказывания, зависят как от уровня языковой культуры, так и от личностных особенностей субъектов диалогического общения.

Литература

1. Агапова С.А. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 288 с.
2. Бороздина Г.В. Психология делового общения. М.: ИНФРА-М, 2010.
3. Петрова А.С. Феномен общения с точки зрения этнопсихологии // Советская этнография. 1987. №3. С. 12-23.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОНЦА 19 – 20 ВЕКОВ)

В статье рассматривается структурный анализ эмоционально-экспрессивной лексики. Описываются различные словообразовательные модели, обладающие экспрессивностью.

Ключевые слова: структура словосочетания, словообразовательный анализ, словообразовательная модель.

Теория словосочетания занимается изучением построения словосочетаний, т.е. исследует их структуру, принципы расстановки элементов по отношению друг к другу, формы, которые могут комбинироваться, и синтаксические связи, устанавливаемые между элементами.

Лексические единицы, относящиеся к эмоционально-экспрессивной лексике, обладают различными степенями номинации: высокая и средняя степень выражения эмоций. Эмоции человека делаются осязаемыми для окружающих людей благодаря слову. Более того, слово или словосочетание может не только выражать эмоцию, но и само быть эмоциональным фактором, т.е. вызывать эмоцию. Таким образом, эмоция является и формой отражения реального мира, и предметом его отражения. Эмоциональное отношение неразрывно связано с оценкой, характером понимания окружающей действительности и является важной составной частью языковой модальности.

Рассмотрим словосочетания, которые обладают словообразовательной мотивированностью. Можно проанализировать структуру словосочетаний, которые обозначают положительные эмоции в четырех романах конца 19 и 20 веков, и определить, какой элемент является эмоционально окрашенным.

Для выражения эмоций человек широко пользуется специальными вербальными средствами. Так, выражения типа «how disgusting (wonderful, charming, splendid!, etc.)», «that is terrific», «what a beautiful evening» [10, p. 151] используются не для регистрации и констатации рациональных дескрипций, а для выражения эмоций говорящих, т.е. их эмоциональных состояний и эмоциональных отношений [7, с. 48]. В романах «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома, «Великий Гэтсби» Фрэнсиса С. Фицджеральда, «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг лексические единицы, обозначающие положительные эмоции, представлены в виде междометий, отдельных слов и словосочетаний. Приведём примеры: «oh!», «supper», «a splendid», «a lovely place», «marvelous», «great!» [10, pp. 138-141].

Для понимания сути данного анализа рассмотрим определение словосочетания. О.С. Ахманова даёт следующую трактовку этого понятия: «Словосочетание – единица синтаксиса, имеет собственную форму; называет предметы с их признаками, действия с их объектами или характеристиками. Это подчинительное соединение двух (или более) полнозначных слов, из которых одно главное, другое – зависимое, подчинённое» [1, с. 419]. Словосочетания выражают эмоции не только на семантическом уровне, но и при помощи своих различных структур, элементов, особенности которых влияют, на наш взгляд, на передачу определенной эмоции, например, могут передавать ее более экспрессивно. Под структурой словосочетания мы будем иметь в виду расположение элементов (прилагательное, существительное, наречие) и их связь друг с другом. Отметим, что мы рассматриваем лишь те типы структур словосочетаний, которые несут в себе положительные эмоции в вышеуказанных романах Джерома К. Джерома, Фрэнсиса С. Фицджеральда и Хелен Филдинг.

Структура словосочетания зависит от того, какие части в нём соединяются; оно оформляется различными видами связи (согласование, управление, примыкание).

В нашем случае словосочетания, характеризующиеся экспрессией и эмотивностью, выражают положительные эмоции, а именно восторг и восхищение. Мотивированность присуща далеко не всем лексическим единицам, а также их внутренним формам [3, с. 99]. Это значит, что в словосочетании экспрессия может быть выражена в следующих случаях: 1) один из компонентов (элементов) структуры словосочетания является эмоционально окрашенным, т.е. несёт в своём значении эмоцию; 2) хотя бы один из элементов словосочетания обладает мотивированностью своей внешней формы, фонетической или абсолютной; 3) один из компонентов характеризуется «морфологической, а точнее, словообразовательной «мотивированностью» [3, с. 100].

П.В. Царёв рассматривает модели лексических единиц, которые имеют структурные особенности, способствующие созданию выразительности в словосочетаниях. Наиболее важными среди таких особенностей являются следующие: «1) наличие в структуре сравнения; 2) необычность смысловых связей между компонентами слова в словосочетании; 3) наличие в составе слова компонентов (аффиксов, основ), обладающих определённой степенью выразительности» [6, с. 3].

Рассмотрим, как примеры из выборки согласуются с моделями, приведёнными П.В. Царёвым.

Установим наличие сравнения в структуре слов выборки и определим таким образом тип структуры словосочетания. Сравнение как мыслительный акт и одновременно познавательная операция даёт возможность определить количественные и качественные характеристики предметов. Кроме того, «сравнить – это сопоставить «одно» с «другим» с целью выявить их возможные отношения» [5, с. 650]. В основе сравнения, заключенного в словообразовательной модели, лежит выделение признака, общего для сравниваемых предметов. Выделение такого признака ведёт к усилению его экспрессивности, выразительности, что придаёт модели экспрессивный характер.

Рассмотрим такие лексические единицы «fairy-like» [10, p. 168], «heroic-like» [10, p. 171] в выборке. Они образованы по модели сравнения: «Adjective+like», где «adjective» – прилагательное, а суффикс «like» является сравнительным компонентом. Особенность данной модели заключается в том, что компонент модели – суффикс «like» – выражает сравнение самим своим значением. Хотя данные примеры переводятся на русский язык в большинстве случаев при помощи одного слова («fairy-like» – как «волшебный», «сказочный»; «heroic-like» – «геройский», «героический»).

Таким образом, при переводе на русский язык этих лексических единиц сравнения не наблюдается. Следовательно, можно заключить, что словосочетания, содержащие в своей структуре вышеописанные прилагательные, образованы по следующей схеме: «Adjective+like+Noun (объект, вызвавший эмоцию)» → (прилагательное + сравнительный компонент «like» + существительное).

И.П. Иванова отмечает, что сочетание прилагательного и существительного расширяется как атрибутивная группа [2, с. 121]. Приведём примеры, относящиеся к данной структуре словосочетаний: «It is the most fairy-like nook on the whole river» [10, p. 151]. Заметим, что сравнительный компонент «like» может отсутствовать, тогда модель выглядит следующим образом: «Adjective+Noun» (прилагательное + существительное (объект, вызвавший эмоцию)). Следующие словосочетания из романов, выражающие положительные эмоции, могут подтвердить эту структуру: «the posh thing» [10, p. 51], «the most exciting story» [10, p. 91], «a brilliant idea» [8, p. 189], «what a joyous moment» [9, p. 141], etc.

Более того, нужно подчеркнуть тот факт, что прилагательные в структуре «Adjective+Noun» (объект, вызвавший эмоцию) могут содержать превосходную степень сравнения («the most exciting story»), относиться к разговорной лексике («the posh thing») или быть сложными прилагательными («the most fairy-like nook»).

Следующая структура словосочетаний, выражающих эмоции и эмоциональные состояния, представляет собой сочетание единиц одного морфологического класса. А именно «Noun1+Noun» (объект, вызвавший эмоцию) состоит из слов одного морфологического класса, они «безошибочно классифицируются как подчинительные атрибутивные группы, в отличие от других сочетаний существительных, также состоящих из

соположенных субстантивных единиц, которые идентифицируются как сочинительные структуры» [4, p. 88]. Заметим, что при переводе на русский язык «Noun1» (существительное в роли определения) в большинстве случаев передаётся как прилагательное. Приведём примеры словосочетаний, образованных по модели «Noun1 + Noun2» (объект, вызвавший эмоцию): «she was a diamond girl», «...just my heart song» [10, p. 31], etc.

Отметим, что структуры словосочетаний «Adjective+Noun (объект эмоции)», «Noun1+Noun2 (объект, вызвавший эмоцию)» могут в своей модели иметь наречия («quite», «very», «extremely», etc.), которые призваны усилить образность, степень восторга и восхищения. Следующие примеры подтверждают это положение «...quite picturesque maze!», «a very beautiful picture» [10, p. 139], etc.

Таким образом, структуру таких словосочетаний, выражающих положительные эмоции в романах «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома, «Великий Гэтсби» Фрэнсиса С. Фицджеральда, «Любовник леди Чаттерлей» Дэвида Г. Лоуренса и «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг, можно изобразить следующим образом: «Adverb + Adjective+Noun» (наречие + прилагательное + существительное (объект, вызвавший эмоцию)).

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, проведён структурный анализ степеней эмоциональной нагруженной лексики, обозначающей положительные эмоции в вышеуказанных художественных произведениях Джерома К. Джерома, Фрэнсиса С. Фицджеральда, Дэвида Г. Лоуренса и Хелен Филдинг. Во-вторых, рассмотрена структура словосочетаний, обладающих эмотивностью, образностью. Это следующие типы сочетаний: «Adjective+ like+Noun (объект, вызвавший эмоцию)» или же «Adjective+Noun (объект, вызвавший эмоцию)», если сравнительный компонент «like» отсутствует, «Noun1+Noun2 (объект, вызвавший эмоцию)», «Adverb+Adjective+Noun (объект, вызвавший эмоцию)». В-третьих, определили, что такое словосочетание и его функции, возможности в системе английского языка. Все перечисленные структуры словосочетаний, разнообразие методов и способов словообразования свидетельствуют о богатых возможностях английского языка в плане создания новых лексических структур, передающих положительные эмоции по отношению к чему-либо. Следует также сказать, что исследование проблемы эмоциональности в художественной литературе предполагает комплексный подход, а именно выделение некоторых ключевых аспектов – экстралингвистического, лингвистического и лингвостилистического. При этом лингвистический аспект является центральным: данные, получаемые при исследовании остальных аспектов, объективируют семантическую интерпретацию проблемы эмоциональности в художественном стиле английского языка.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 516 с.
2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 389 с.
3. Кияк Т.Р. О видах мотивированности лексических единиц // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 100-104.
4. Медведева Л.М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 88-90.
5. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 750 с.
6. Царёв П.В. Экспрессивный потенциал словообразовательных моделей английского языка // Иностранные языки в школе. 1987. № 1. С. 3-7.
7. Шаховский В.И. Что такое эмотивное значение? // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма. Тверь, 1990. С. 46-49.
8. Fielding Helen. Bridget Jones's Diary. London: Picador, 1996. 278 p.
9. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. М.: Менеджер, 2004. 198 p.
10. Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog). М.: ИКАР, 2002. 233 p.

SUMMARIES

Archaeology and Ethnology**STALIN IN KUIBYSHEV (SAMARA): FOOD FOR THOUGHT****A.V. Bogachev**

The article published the information, told by author Olga Tendler (before marriage Slesareva) on episodes stay of Stalin in Kuibyshev (Samara) in the Great Patriotic War.

Key words: Stalin, Kuibyshev (Samara), the Great Patriotic War.

WAS STALIN IN KUIBYSHEV (SAMARA)? REFLECTIONS NOVELIST**L.A. Ostretsov**

This article lists three compelling reasons for a short stay Stalin in city of Kuibyshev (Samara) in the Great Patriotic War

Key words: Stalin, Kuibyshev (Samara), the Great Patriotic War, bunker.

SOCIAL STATUS OF EVACUATED FAMILIES OF SERVICEMEN IN THE MIDDLE VOLGA DURING THE GREAT WORLD WAR II**V. V. Fedorov**

Article tells about the main aspects of social policy of the USSR in days of the Great Patriotic War in relation to the evacuated population. The main attention in work the author gives to the reception and placement analysis on the average the Volga region the evacuated families of the military personnel, and also carried-out actions by power structures of the region, problems of social adaptation of this category of citizens directed on the solution.

Key words: Great Patriotic War, evacuation, refugees, Average Volga region, social policy.

LITERARY MUSICALES IN THE CONTEXT OF SOCIAL PRACTICE OF CHARITY AND AS REFLECTION OF LEISURE OF CITIZENS OF THE VOLGA REGION IN DAYS OF THE FIRST WORLD WAR**E.Y. Semenova**

In article activities of inhabitants of the Volga region cities for the organization of literary musicales with a view of rendering of the charitable help, injured in the conditions of the First World War are shined. Literary musicales are considered and as a type of leisure of urban population.

Key words: charity, literary musicales, leisure, urban population, Volga region, First World War.

INFORMATION PRESSURE ON IRAN: OBJECTIVES, METHODS, TECHNOLOGIES**O.V. Karbasova**

The paper presents an analysis of a new stage of the U.S. information pressure on Iran, the pretext for it being the alleged plot to kill the Saudi ambassador to the United States in October 2011. The contributor of the paper presents her own interpretation of the process of increasing the international isolation of Iran pointing out its formal as well as real aims. The paper also contains a prognosis of the further development of the Iranian nuclear crisis.

Key words: information pressure on Iran, the Iranian nuclear crisis, the international isolation of Iran.

A SIGNIFICANT PORTION OF THE "SECOND BAKU"

V.N. Kuryatnikov

This paper discusses the history of build-up of oil-production and creation in the territory of Kuybyshev region of a new branch of industry – oil-producing – in the period of the Great Patriotic war. It was analyzed the spectrum of problems associated with the evacuation of oil-producing and oil-refining enterprises. Shown are the mainstreams of their peopeware.

Key words: oil base, oil-producing, oil, refineries, evacuation, man power, Kuybyshevneftekombinat, Great Patriotic war.

TOURIST AND EXCURSION TRAFFIC IN SAMARA IN THE 20'S XX CENTURY

R.A. Savinkova

In this article on the basis of documents and archive materials the author showed the reasons, the origin process and peculiarities of amateur tourism, and also development's tendencies of excursion's practice, role of local history movement, local party, komsomol and trade union organizations in forming tourist and excursion space in Samara in twenty's years of XX century.

Key words: tour, tourism, local history, tour desk, grassroots cell mass amateur tourism, tour, conference, educational, and political-educational work.

THE DANCING CAUCASUS (NOTES ETHNOGRAPHER)

O.V. Kirichenko

The ethnographic sketch examines the problems of interethnic everyday life, concerning the relationships of the modern Russian population of the Northern Caucasus and some of the highland peoples. The lack of ethnic balance in the region is obvious. Apparently, this problem can only be solved by returning the equal rights and equal opportunities for maintaining spiritual and cultural identity to all the peoples of the Caucasus (including the Russians) under the fair guidance of the state legislation.

Key words: the peoples of Russia, highland peoples of the Northern Caucasus, the Russians, spiritual and ethnic culture, ethnic balance.

Cultural studies, sociology, philosophy

GLAMOUR UNDER THE SIGN OF CIVILIZATION TECHNOGENIC

T.V. Borisova, O.C. Stepanova

In article the civilizational bases of a glamour as the social phenomenon, it is emphasized are analyzed that the main cultural matrixes of a technogenic civilization of the relation to the nature and activity of the personality created understanding of a glamour, as next project of a modern civilization.

Key words: Civilization, technologic society, the nature, culture, thing, glamour.

SPIRITUAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES AS A WAY OF IMPROVING THE MORAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE

V.V. Gridina, T.M. Petinova

This article discusses the state of religious consciousness of today's college students. In the specific case study materials analyzed philosophical aspects of the influence of religion on the structure of value orientations and attitudes of young people, identifies ways of improving the moral consciousness of youth.

Key words: youth, religion, faith, church, spiritual interests, value orientation and moral consciousness.

AESTHETIC ESSENCE AND EXISTENCE SOCIETY

A.N. Stepanov

In article aesthetic problems of social life on the basis of the phenomena of the historical last end of a XIX-th century and the present are considered. The lifted philosophical problems are studied with the cathegorial device of aesthetic by methods of comparative analysis. Aesthetic ways and methods perfection material and spiritual bases of human life and a society are designated.

Key words: aestheticsation outlooks, mentalities, behavior of the person; an aesthetic of social culture, freedom and justice.

UNIVERSAL THING: ON THE BASE OF A METAPHOR OF EUROPEAN CULTURE

V.B. Malyshev

Universal way of sign mediation in the European vision of the world there is a certain universal thing", which symbolizes the most important aspects of European metaphysics. Interaction between the transcendent and immanent may be represented by by certain symbols. In the European version of the classic metaphor for such a universal "thing" may be a metaphysical dial. Since the development of the modern european worldview «mechanism» of the clock (transcendent) is gradually separated from its «dial» (immanent). It is the ranking of things to a state of abstract positions on some sort of perfect absolute surface. This construction allows to understanding better why in a classic version of metaphysics is so great thrust to the form itself.

Key words: metaphor, metaphysical dial; form; metaphysics; representation; transcendent; immanent

SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT SCHOOL AS A FACTOR RELIGIOUS TOLERANCE

S.P. Kandaurov

This paper gives the explanation of the concept 'tolerance'. By example of the institutes of higher education in Samara is discovered the process of the multivariable influence as potential of the tolerance of the interconfessional influence among the students. The paper is based on sociological studies conducted in 2008-2010

Key words: tolerance, interconfessional relationship, educational process, students.

POSTMODERN PHILOSOPHY OF JEAN-F. LIOTARA AND THE PROBLEM OF HISTORICAL KNOWLEDGE LEGITIMATION

O.V. Gerasimov

The advent of postmodernism has radically changed the situation with the legitimation of scientific knowledge, including historical. Moreover, that history has always teetered on the brink of discourse and narrative. Dissemination of positivistic ideas led to the gradual replacement of the narration of historical research, which required taking a sample of natural science discourse. Attempts are being made to build a «scientific theory of history» is essentially a kind of metanarratives, which included the one or the other historiosophy. Modernist history should not only explain the past, but also learn to predict the future. Historical science centers around the objective processes of development, «long» historical facts, gradually eliminating human dimension of history that finds its ultimate expression in the idea of «death of the subject» by Foucault. The advent of postmodern historiography poses a qualitatively different situation: the collapse of metanarratives historical knowledge deprives the conventional ways of legitimation. Historical science is increasingly drawn to the microhistorical research the history of specific people, the history of mentalities, more penetrating in the historiography of the elements of the narrative.

Keywords: postmodernity, historiography, historiosophy, discourse, narration, metanarratives, legitimation.

Philology

TEACHING ENGLISH IN TECHNICAL SCHOOL

O.A. Liskina

The article deals with some peculiarities of teaching English in technical school. Implementation of competence approach is viewed from all the paper.

Key words: competence approach, technical school, foreign language, knowledge, skills.

INFLUENCE OF THE ENGLISH LANGUAGE ON THE GERMAN MEDIA LINGUISTICS

E.V. Revina

The article deals with the role of the English language in the German media text. The reasons of anglicisms distribution are analyzed. The classification of English loans and the frequency of anglicisms in the German-speaking press are discussed.

Key words: media linguistics, anglicisms, loans, the German language.

THE RUSSIAN-ENGLISH LANGUAGE CONTACTS: DIACHRONIC APPROACH

I.Y. Sukhanova, T.A. Filonenko

The dominance of English used as a lingua franca is now beyond dispute. The problem of English loan words in the Russian language has always been discussed by linguists. But usually it was considered from the point of view of purity of the language. The issue of intercultural cooperation between Russia and English-speaking countries has not been studied properly so

far. Our intention here will be to expand this point to explore intercultural communication between our countries throughout the history.

Key words: loan words, borrowings, cross-cultural communication.

TYPES OF SYSTEMATIC CORRELATIONS BETWEEN LEXICAL COMPONENTS IN ENGLISH PROVERBS

A.L. Kuregyan

This article deals with different types of systematic correlations between lexical components in English proverbs. Factors influencing their variability are discussed. The scale of lexical variability is also introduced.

Key words: proverbial unit, proverbial code, proverb, systematic variability, systematic correlations.

COMPOSITIONAL PECULIARITIES OF THE NOVEL «THE GREAT GATSBY»

I.A. Gryshina

The article deals with compositional peculiarities of the novel «Great Gatsby». The role of the detail, portrait, symbol, contrast is thoroughly analyzed. The system of literary devices that helps to reveal the inner world of the main heroes is described.

Key words: compositional peculiarities, role of the detail, portrait, symbol, contrast, system of literary device

MONORHEME AS MEANS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

V.V. Dobrova, I.G. Sysuyeva

In the article the contracted forms of communication such as monorhemes as means of cross-cultural communication are analysed. The given form of phrases are characterised by all the features typical to full sentences considering its structure, semantics and psychological properties. The carried empirical cross-cultural study allows to say that the use of monorhemes as the reactive contracted forms of dialogue depends on the level of language and national culture as well as individual characteristics of speakers.

Key words: verbal communication, monorheme, cross-cultural communication.

STRUCTURAL ANALYSIS OF THE EMOTIONAL AND EXPRESSIVE VOCABULARY (FOR EXTENSIVE MATERIAL ARTWORKS LATE AGES 19-20)

E.A. Rozhnova

The article deals with the structural analysis of emotional and expressive vocabulary. Describes the various derivational models with expressivity.

Keywords: structure of the phrase, word analysis, word model.

- Богачев
Алексей
Владимирович** Доктор исторических наук, профессор, и.о. декана факультета гуманитарного образования Самарского государственного технического университета
E-mail: Figaro9@rambler.ru
- Борисова
Татьяна
Вадимовна** Доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского государственного технического университета
E-mail: BorisovaTVa@yandex.ru
- Герасимов
Олег
Викторович** Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии Самарского государственного технического университета
E-mail: gerasimov@samgtu.ru
- Гридина
Вера
Валерьевна** Преподаватель кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: samavera@mail.ru
- Гришина
Ирина Александровна** Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: saverskaya63@mail.ru
- Доброва
Виктория
Вадимовна** Кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: victoria_dob@mail.ru
- Кандауров
Сергей
Петрович** Доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: sergkand@rambler.ru
- Карбасова
Ольга
Вячеславовна** Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Самарского государственного технического университета
E-mail: kov-81@mail.ru
- Курятников
Владимир
Николаевич** Кандидат исторических наук, профессор кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: ail: kurjatnikov_w@mail.ru
- Кюрегян
Амалия
Левиковна** Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: amalia@samaramail.ru

Лискина Ольга Александровна	Кандидат педагогических наук, декан факультета дистанционного и дополнительного образования Самарского государственного технического университета E-mail: liskinaOA@mail.ru
Малышев Владислав Борисович	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Самарского государственного технического университета E-mail: vlmaly@yandex.ru
Острецов Леонид Анатольевич	Главный редактор журнала «Самарский путешественник» E-mail: ventre@rambler.ru
Петинова Татьяна Михайловна	Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета E-mail: petinovatm@yandex.ru
Ревина Елена Владимировна	Старший преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: rev.e.v@mail.ru
Рожнова Екатерина Александровна	Старший преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: omegaeear@mail.ru
Савинкова Римма Александровна	Старший преподаватель кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» Самарской академии государственного и муниципального управления E-mail: savtamr@rambler.ru
Семенова Екатерина Юрьевна	Доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета E-mail: dashka129@mail.ru
Степанов Анатолий Николаевич	Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Самарского государственного технического университета E-mail: stepanov-54@mail.ru
Степанова Ольга Сергеевна	Преподаватель кафедры философии Самарского государственного технического университета E-mail: olga_stepanova@inbox.ru
Суханова Ирина Юрьевна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: irina_pt2001@mail.ru
Сысуева Ирина Геннадьевна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: miggim@mail.ru

**Федотов
Виктор
Владимирович**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: fedotov-74@mail.ru

**Филоненко
Татьяна
Александровна**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: taf76@yandex.ru

Вояджер: мир и человек

Редактор *Т.Г. Трубина*
Верстка *И.О. Миняева*
Выпускающий редактор *Е.В. Абрамова*

Подп. в печать 08.10.12.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Усл. п. л. 12,65. Уч.-изд. л. 12,63
Тираж 50 экз. Рег. № 149/12

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Главный корпус

Отпечатано в типографии
Самарского государственного технического университета
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8